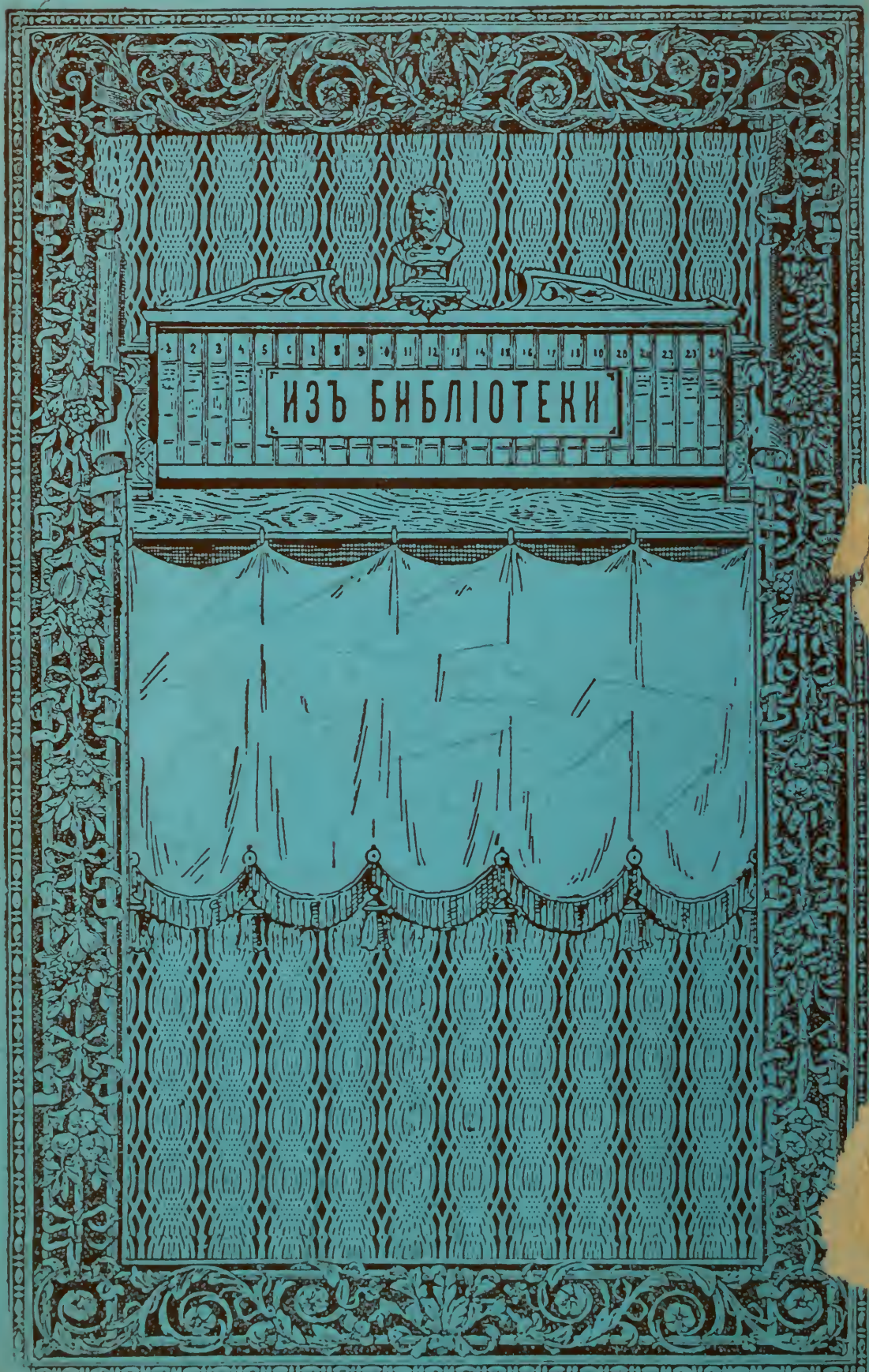
3 1761 06635561 1

СОЧИНЕНІЯ
ЛАЖЕЧНИКОВА

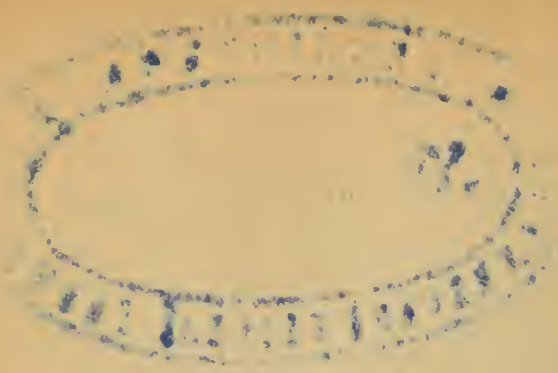
ТОМЪ 3.


ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ

№ 1021
1657
231

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ТРЕТІЙ



-R
-4314V

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

494861
25.7.49

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1901

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Богатые, роскошные Патокины отпускали изъ палатъ своего сына въ солдатскомъ мундирѣ грубаго сукна; въ то же время прикащикъ его, мѣщанинъ, ходившій съ заплатами подъ мышками и союзами на сапогахъ, принималъ въ смиренномъ домикѣ свое дѣтище, облеченное въ провіантскій мундиръ 7-го класса англійскаго сукна, съ Станиславомъ на шеѣ. Володя отправлялся въ походъ, въ которомъ долженъ былъ по грязи и пескамъ, подъ тяжестью ранца и ружья, отмѣривать сотни верстъ, — отправлялся на военныя невзгоды и опасности, не зная вынесетъ ли изъ нихъ свою голову. Самсонъ Елизаровичъ Опенкинъ разъѣзжалъ въ красивой, варшавской бричкѣ, жилъ въ довольствѣ, распивая шампанское, которымъ угощали его подрядчики, не вѣдая другого труда, какъ запускать руки въ рогожные кули и, въ теплой комнатѣ, выкладывать на счетныхъ косточкахъ, сколько придется подряжающему подрядчику и пріемщику отъ перевалки этихъ кулей на разныя манеры. Когда мы описывали родителя его, тогда жь сказали, что сынъ

служилъ гдѣ-то, въ какой-то палатѣ, ассесоромъ. Пріѣхалъ въ городъ, гдѣ обрѣталась эта палата, важный ревизоръ. Какъ человѣкъ военный, представляющій себѣ премудрости канцелярскаго, многосложнаго дѣлопроизводства чѣмъ-то въ родѣ кабалистической науки, онъ имѣлъ нужду въ руководителѣ, опытномъ по этой части. Это само по себѣ. Потомъ ему, какъ второму провидѣнію, нужно было знать все, что дѣлалось въ многогрѣшной губерніи. Однимъ словомъ, ему необходимъ былъ въ помощники дѣлецъ, работникъ, умный, ловкій и пуще всего, скромный, который могъ бы, заслонясь ширмами его персоны, выказывать, что все дѣлаетъ самъ ревизоръ, а онъ машина, исполняющая его велѣнія и вѣдающая только то, что его превосходительство существуетъ, ѣстъ и пьетъ, какъ другіе люди. Ему рекомендовали Самсона Елизаровича, какъ человѣка, вполнѣ для него пригоднаго... Скромность представленнаго лица была анекдотическая.—Кажется, кашлянули его превосходительство, — говорилъ Опенкину-сыну, уже на новомъ его мѣстѣ временнаго дѣлопроизводителя ревизора, чиновникъ, вошедшій въ пріемную и услыхавшій кашель изъ кабинета, — не заболѣть-ли изволили?

— Вы, вѣроятно, ослышались, мнѣ кажется, я кашлянулъ,—отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Самсонъ Елизаровичъ, боявшійся, чтобы разговоръ о кашлѣ не почли за разглашеніе важнаго событія, секретнаго и весьма секретнаго. И принялся самъ кашлять.

Лицо, рекомендовавшее Опенкина-сына, былъ давнишній его патронъ, разсчитывавшій, что, по случаю этой услуги, собственные грѣхи его останутся прикрыты, а тамъ топи другихъ, сколько душѣ угодно, че онъ будетъ захлебываться.

Ревизія кончилась. Много было утопленниковъ, спасся, какъ и слѣдовало ожидать, патронъ Самсона

Елизаровича. Ревизоръ, въ благодарность за неутомимое усердіе, дѣятельность и скромность своего временного дѣлопроизводителя, представилъ его къ знаку отличія и спросилъ, не желаетъ ли онъ другой награды, посущественнѣй. Самсонъ Елизаровичъ, по какимъ-то особеннымъ соображеніямъ, просилъ для себя мѣста провіантскаго чиновника на одной изъ важнѣйшихъ пристаней. Эта просьба бывшаго студента университета заставила ревизора немного задуматься, но какъ онъ не привыкъ долго тяготиться думой и ничему не удивляться, то и выполнилъ просьбу человѣка, служившаго ему вѣрой и правдой. И вотъ сынокъ Опенкина подвизается года два, три на хлѣбномъ поприщѣ. Готовившаяся война давала такимъ чиновникамъ усиленную работу. Самсонъ Елизаровичъ, какъ испытанный, оборотливый дѣлецъ по части провіантской, былъ вызванъ съ пристани, чтобы дѣйствовать на болѣе обширномъ поприщѣ. Войска то двигались къ Царству Польскому, то передвигались къ турецкимъ границамъ, наконецъ, внезапно получили направленіе къ Таврическому полуострову. На одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ продовольствія, былъ назначенъ въ это время Опенкинъ-сынъ. Комиссіонеру, на этотъ пунктъ надо было доставить провіантъ, хоть полѣзай въ удавку. Узнавъ, что у Патокиныхъ есть большіе запасы хлѣба въ двухъ южныхъ портахъ, предназначенные для отправленія въ чужіе края, и заподряжены на тотъ же предметъ большія партіи въ Волынской и Каменецъ-Подольской губерніяхъ, а всѣми торговыми дѣлами Сергѣя Семеновича завѣдываетъ папенька, Самсонъ Елизаровичъ поспѣшилъ въ Луковки. Эти запасы должны были вывести комиссіонера изъ затруднительнаго положенія пріискивать новые источники. Неуспѣхъ въ подрядѣ могъ навесть на него гнѣвъ начальства, успѣхъ сулилъ ему примѣрную награду.

Папенька въ своемъ укромномъ жилищѣ, неподалеку отъ фабрики, въ которое онъ переселился послѣ исторіи съ городничимъ, садился за укромную обѣденную трапезу вмѣстѣ съ тестемъ своимъ Мемнономъ Ѳеоктистовичемъ Квинтиліановымъ. Багровый, расписанный кровяными струями, носъ, въ видѣ луковки, этого господина, свидѣтельствовалъ, что старый, выгнанный изъ службы подъячій, по неизмѣнной привычкѣ, сильно придерживался чарочки, на которую только для него не былъ скупъ хозяинъ. Голова его, гладкая какъ ладонь, тряслась. Оба принялись за оловянныя ложки, но, услыхавъ стукъ подъѣхавшаго къ воротамъ экипажа и звонъ колокольчика и глухарей, торопливо положили ложки на столъ. Елизаръ Самсоновичъ всталъ изъ-за стола и взглянулъ въ окно.

— Самсоша, Самсоша пріѣхалъ! — закричалъ онъ, увидавъ желтое, костлявое лицо, выглянувшее изъ экипажа.—Ѳекла, Ѳеклуша, отворяй ворота!—Повелѣвающій голосъ его, однакожъ, дрожалъ, живчикъ игралъ на лицѣ. Отворяя второпяхъ дверь въ сѣни, онъ сильно зашибъ себѣ руку объ гвоздь, которымъ прикрѣпленъ былъ пострадавшій отъ давняго употребленія замокъ, подулъ на нее съ проклятіями и въ сердцахъ неистово толкнулъ дверь ногой; выбѣжавъ на дворъ, принялся отпирать калитку, между тѣмъ, какъ Ѳекла отъ испуга неловко возилась съ засовомъ воротъ. За нимъ бѣжалъ и тесть. Оба приблизились къ варшавской бричкѣ, откуда пріѣзжій вытягивалъ длинныя, сухія какъ жерди, ноги. Дѣдушка захлопотался съ грязною подножкой, а папенька простиралъ дрожащія руки, чтобы помочь сыну вылѣзть изъ засады.

— Самсоша!..—сказалъ Елизаръ Самсоновичъ, хотѣлъ было еще что-то прибавить, но увидѣлъ во-очію свѣсившійся съ груди крестъ in folio, съ которымъ лично не былъ знакомъ, а только по письменному из-

вѣщенію, растерялся и не зналъ, какъ ужь назвать своего кровнаго кавалера. То называлъ его: Самсонъ Елизарычъ, то любезнымъ другомъ, то Самсошей, одинъ разъ едва не назвалъ: ваше высокоблагородіе.

— Неприлично, батюшка, неприлично, дѣдинька, могутъ увидать прохожіе, — процѣдилъ сквозь зубы Самсонъ Елизаровичъ, оглядываясь по сторонамъ и, съ помощію соскочившаго съ козелъ ямщика и подоспѣвшей тутъ же Ѳеклушки, вылѣзъ изъ повозки, заваленной чемоданами, коробками и мѣшечками съ пробами разнаго хлѣба, потомъ подошелъ къ рукѣ отца, поцѣловалъ ее, подошелъ къ рукѣ дѣда и, несмотря на сопротивленіе, также прикоснулся къ ней устами.

Тончайшій Самсонъ Елизаровичъ зналъ, что этими знаками уваженія заслужитъ себѣ отъ того и другого достойную награду.

Дѣйствительно, прохожіе засматривались на эту умилительную, семейную сцену.

— Проѣзжая по живому мосту, — сказалъ Опенкинъ-сынъ размѣренно и важно, направляя размѣренныя стопы къ отвореннымъ воротамъ, — я увидѣлъ нагруженныя хлѣбомъ суда и послалъ своего солдата узнать, чьи они, съ чѣмъ и куда идутъ.

Въ это время явился солдатъ его, съ сумкою на груди и двумя пистолетами за поясомъ, и донесъ, запыхавшись, его высокоблагородію объ исполненіи даннаго ему приказанія. Служивый, обращаясь къ своему командиру, не пропускалъ вытягиваться до натуги и величать его: ваше высокоблагородіе.

— Скотина! — закричалъ на него командиръ, — ходилъ цѣлый часъ за тремя словами.

Шафранное лицо пріѣзжаго было озабочено, казалось, на немъ лежала судьба цѣлой области. Понурые, мутные глаза избѣгали чужихъ взглядовъ. Ему могло быть лѣтъ подъ сорокъ, а онъ казался уже старикомъ.

Отъ всей наружности его вѣяло какимъ-то тлѣніемъ. Только одинъ крестъ, на который упадали по временамъ солнечные лучи, смотрѣлъ на всѣхъ молодо, весело, какъ будто обрадовался, что здѣсь-то воздадутъ ему необыкновенный почетъ. На дворѣ запахъ падали сильно поразилъ обоняніе высокоблагороднаго чиновника, а лошадиный остовъ, подлѣ собачьей конуры, заставилъ его отвернуться въ сторону. Вошелъ Самсонъ Елизаровичъ въ комнату, гдѣ еще стоялъ столъ, накрытый дырявою, засаленною скатертью и помолился образамъ; за нимъ вскорѣ вошелъ и ямщикъ.

— Что ты ломишь сюда, невѣжа? можешь подождать въ передней, — закричалъ на него господинъ комиссіонеръ и, пошаривъ у себя въ жилетномъ карманѣ, выкинулъ ему пятакъ на водку. Ямщикъ поглядѣлъ съ пренебреженіемъ на монету, почесалъ въ головѣ и крякнулъ.

— Вы, кажется, готовились обѣдать,—промолвилъ Опенкинъ-сынъ, обратясь къ отцу,—я вамъ не помѣха и самъ присяду съ вами. Вашего мнѣ только чего-нибудь горяченькаго, а тамъ я буду угощать васъ своимъ.—Антонъ,—закричалъ онъ солдату,—принеси изъ брички съѣстное.

Сняли инвалидную скатерть, Ѳекла съ засученными рукавами замѣнила ее другою, камчатною, свѣжей бѣлизны, прибавила приборъ съ такою же салфеткой, массивною серебряною ложкой, шефильдскими ножомъ и вилкой, между тѣмъ какъ у двухъ остальныхъ приборовъ оставлены оловянныя ложки, ножи съ ручками, изъѣденными временемъ, и вилки съ недостаткомъ зубовъ, поставила на столъ оловянную миску со щами, на которыхъ, отъ избытка усердія кухарки къ важному посѣтителю, плавало еще не распустившееся сало. Служивый принесъ и поставилъ на столъ передъ своимъ повелителемъ серебряный сто-

ловый приборъ и разной величины серебряные судки, все съ гербомъ Опенкина-сына. Осанистый дубъ на геральдическомъ щитѣ съ девизомъ: «*неколебимъ*» не ладилъ съ тощею фигурой новаго дворянина. Изъ судковъ заманчиво выглядывали сыры разнаго рода, заливная осетрина и дичь, фаршированныя оленьими языками колбасы. Пропустивъ съ трудомъ въ ротъ ложки двѣ домашней отравы, Самсонъ Елизаровичъ сталъ потчивать отца и дѣда своими деликатными яствами, самъ же скушалъ всего понемногу. Къ концу пиршества принесена бутылка шампанскаго. — Не купленное, и серебро не купленное,—замѣтилъ онъ для успокоенія родителя. — Выпьемъ за здоровье родныхъ и нашихъ благодѣтелей, — провозгласилъ онъ, налилъ своимъ застольникамъ по стакану и себѣ небольшой бокалъ. Выпили и чокнулись. Дѣдушкѣ налилъ онъ другой и третій стаканъ. Повеселѣлъ Квинтиліановъ, прибодрился и отецъ, никогда не пившій вина, но на этомъ разъ не смѣвшій отказаться отъ предложенія сына 7-го класса и кавалера. Встали изъза стола. Безъ всякаго ужь приказанія, солдатъ, знавшій обыденныя привычки своего командира, облачилъ его въ халатъ изъ великолѣпной восточной матеріи съ золотымъ поясомъ и кистями, обулъ его въ новоторжскіе сапоги, шитые золотомъ, и бросился въ переднюю, гдѣ топилась печь. Здѣсь храбрый воинъ, Сцевола «въ своемъ родѣ», досталъ изъ печи горящіе угольки и сталъ перекидывать ихъ съ ладони на ладонь. Самсонъ Елизаровичъ развалился на диванѣ, протянулъ свои длинныя, сухощавыя ноги, положилъ голову на сафьянную подушку, тутъ же принесенную и свистнулъ. Въ одинъ мигъ чубукъ съ богатымъ янтаремъ и трубкой, дымившейся слегка подъ угольком, очутилась въ его рукѣ. Спичекъ онъ не любилъ, говорилъ, что запахъ ихъ вреденъ для груди.

— Извините,—сказалъ онъ; но увидавъ, что отецъ и дѣдъ на цыпочкахъ ускользали изъ комнаты, остановилъ ихъ.—Я только минутъ пять покейфую, а послѣ займемся съ вами дѣломъ. Не люблю дорогое время тратить. День идетъ, никого не ждетъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ только на нѣсколько минутъ закрылъ глаза, пустилъ раза два, три дымокъ латакійскаго табаку, зѣвнулъ раза два; присутствующіе при этомъ кейфѣ успѣли только шопотомъ перекинуться другъ съ другомъ нѣсколькими словами, а уже пріѣзжій господинъ открылъ бесѣду о заподрядахъ. Солдатъ, стоявшій до сихъ поръ на вытяжкѣ у двери, по первому мановенію своего командира принявшій изъ владычныхъ рукъ трубку, отосланъ въ кухню. Разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся. Хилый Опенкинъ-сынъ, казалось, переродился, глаза его заблистали, голосъ поднялся на цѣлую звучную октаву. Онъ выказалъ, при этомъ случаѣ, глубокія познанія въ торговлѣ хлѣбомъ, изумившія его слушателей. Всѣ средства каждой пристани, каждаго богатаго торговаго дома или значительной экономіи въ южныхъ губерніяхъ, были имъ перебраны, какъ-будто клавиши подъ пальцами искуснаго музыканта. Тутъ онъ, между прочимъ, разсказалъ отцу, сколько отъ Патокина заготовлено хлѣба въ южныхъ портахъ для продажи иностранцамъ, сколько заподряжено въ Новороссійскомъ краѣ для перевозки въ эти же порты.

— Не удивляйтесь, батюпка,—сказалъ онъ,—что я такъ хорошо знаю ваши дѣла. У меня есть вездѣ лазутчики, даже у васъ. Какъ хотите, весь этотъ хлѣбъ я возьму для своей операціи, и вы должны отдать мнѣ его. Я поручился начальству, что онъ въ моихъ рукахъ. Не снимите съ меня головы.

Стали разбирать всѣ шансы выгодъ отъ казеннаго подряда, невыгоды продажи хлѣба иностранцамъ въ

такое время, когда готовилась война, и суда, которыя зафрахтуются для отправленія въ чужіе края, могутъ быть захвачены непріятелемъ. Прибѣгли къ счетнымъ косточкамъ, къ карандашу, къ перу, для родного раскрылись тайны конторскихъ книгъ. Казалось, сошлись полководцы на совѣтъ, какіе планы принять для будущей кампаніи. Стратегики по торговой части могли поспорить съ стратегиками по военному ремеслу. Рѣшено было въ этомъ совѣтѣ: Патокину взять одну важнѣйшую часть подряда на предлагаемую комиссіонеромъ операцію. Оставалось только испросить согласіе того, безъ чьего вѣдома постановлено это рѣшеніе, но отъ чьей воли зависѣло приложить къ нему свою руку, или объявить свое veto.

— Что онъ согласится, за это ручаюсь,—сказалъ Елизаръ Самсоновичъ, разгоряченный виномъ и присутствіемъ сына, важнаго чиновника и кавалера, показавшаго такія геніальныя способности въ торговыхъ дѣлахъ.

Откуда взялась у него необыкновенная отвага? Куда дѣвались его смиреніе, его осторожность?

Птица наклевала уже отверстіе въ яйцѣ и готова выскочить изъ своей скорлупы. Птица эта—ястребъ; дайте ей опериться и, посмотрите, какъ она смѣло пустится на добычу. Страданія, кровь жертвы — ей нипочемъ!

— У меня,—продолжалъ онъ, хлопнувъ рукой по карману,—сидитъ Сергѣй здѣсь, со всѣми его потрохами, и я его не выпущу, пока не согласится. Залоговъ у насъ достаточно наберется, дадутъ намъ еще добрые люди, возьмемъ за бокъ и Красное-сельцо. Хоть онъ имѣетъ только довѣренность на управленіе, а не на продажу и залогъ, но стоитъ только съѣздить въ Москву къ генералу Огрызкову. Правда, денегъ мало въ конторѣ, даны задатки въ Подольской губерніи въ

Малороссіи—надо будетъ двинуть хлѣбъ на волахъ...

— Намъ нуженъ хлѣбъ, а деньги будутъ,—возразилъ Опенкинъ-сынъ, — мы дадимъ задатки, подъ залоги...

— Даю своихъ пять тысячъ, — промолвилъ Квинтиліановъ, — и дарю ихъ моему внуку, Самсошѣ, за любовь и уваженіе ко мнѣ. Мнѣ ужь девятый десятокъ, а умру, такъ ты же мой наслѣдникъ. Цѣлую жизнь копилъ съ помощью твоего родителя. Все серіями, дружокъ!

Внукъ бросился крѣпко обнимать и цѣловать своего дѣда, несмотря, что колючки небритой съ недѣлю бороды сильно его язвили.

Елизаръ Самсоновичъ усмѣхнулся; своихъ денегъ онъ не предлагалъ.

— Кто-жь будетъ заправлять операціей? Самъ Патокинъ?—спросилъ сынъ.

— Сергѣй Семенычъ? Ему-ль разъѣзжать за нѣсколько сотъ верстъ, когда онъ и въ Луковкахъ былъ только два раза съ той поры, какъ живетъ въ своей резиденціи? И то облюбовалъ только свой садъ, поговорилъ съ садовникомъ Матвеемъ, побывалъ на могилахъ отца и матери, а объ дѣлѣ и рѣчи не было. Да онъ съ тоски пропадетъ въ разлукѣ съ Краснымъсельцомъ. Окисъ хуже старой бабы, которой лѣнь сойти съ теплой печки. Развѣ мнѣ?...

— Неловко, — замѣтилъ Самсонъ Елизаровичъ, — тогда придется Опенкину-сыну принимать хлѣбъ отъ Опенкина-отца.

— Да и законъ при случаѣ можетъ взыскать, пожалуй, попадешь подъ судъ, — присовокупилъ старый законникъ, испытавшій уже невзгоды уголовнаго суда.

— А вотъ что мы сдѣлаемъ, — сказалъ Опенкинъ-отецъ, немного подумавъ: — операціей буду я дѣйстви-

тельно заправлять, между тѣмъ останусь въ сторонѣ, довѣренность на нее дадимъ моему помощнику Пестрикову, второму послѣ меня приказчику по торговлѣ хлѣбомъ, благо онъ теперь въ Приморскѣ. Человѣкъ мнѣ преданный, пошелъ отъ меня въ люди. За то готовъ для меня въ огонь и въ воду; все равно, что я самъ. А я получу другую довѣренность дѣйствовать, какъ мнѣ разсудится, принимать отъ него деньги, дѣлать закупки и, въ случаѣ, смѣнить его...

— А фабрика на чьихъ рукахъ останется? Стоитъ хлѣбной торговли!—замѣтилъ Квинтиліановъ.

Елизаръ Самсоновичъ призадумался, лицо его стало подергивать, но, вдругъ щелкнувъ пальцами, онъ радостно воскликнулъ, какъ Архимедъ, нашедшій разрѣшеніе своей задачи:—Была не была! Благословясь, съ легкимъ парусомъ, Самсоша! Фабрика останется на рукахъ англичанина Джонса.

Лицо тестя вытянулось; онъ глядѣлъ зятю во всѣ глаза, казалось, старался вслушаться въ слова его, когда тотъ уже пересталъ говорить, какъ будто ихъ не разобралъ Квинтиліановъ зналъ, что Елизаръ Самсоновичъ и Джонсъ были враги непримиримые, одинъ—явно, другой—изподтишка.

— Смотрите, тятенька, не горячитесь. Ведите свои дѣла, какъ доселѣ вели.

— А что знаю, то знаю, и на чемъ я положилъ, такъ тому и быть. Елизаръ Опенкинъ, какъ себя помнитъ, не ошибался ни разу въ своихъ разсчетахъ. Надѣюсь, и сынъ по мнѣ пойдетъ.

Дѣйствительно, разсчеты Елизара Самсоновича были вѣрны. Хлѣбная операція, предлагаемая сыномъ, сулила большія выгоды; тутъ было можно и ему и дѣтищу нагрѣть руки. Оставляя фабрику въ управленіе Джонса, онъ показывалъ себя великодушнымъ и дружелюбнымъ къ нему; честность англичанина столько лѣтъ испытана,

въ русскомъ языкѣ онъ такъ наторѣлъ, что рабочіе его понимаютъ; для веденія фабричныхъ книгъ останется молодой конторщикъ, а, пожалуй, и самъ Джонсъ записывай въ нихъ, что нужно, на своемъ басурманскомъ нарѣчіи. Если понадобится, переведетъ и Сергѣй Семенычъ самъ, а коли лѣнь его возьметъ, такъ подкидышъ Дуня. Она не только слова, и взгляды англичанина понимаетъ. Такимъ образомъ, до пріѣзда главнаго приказчика, фабричныя дѣла ничего не потеряютъ.

Елизаръ Самсоновичъ, знавшій свои грѣхи, увѣренъ былъ въ душѣ своей, что, въ отсутствіе его, дѣла эти еще выиграютъ.

Положено было отцомъ и сыномъ, за окончательнымъ рѣшеніемъ заподряда, отправиться, какъ можно скорѣе, въ Красное-сельцо.

Между тѣмъ наступила ночь; дробный дождь стучалъ въ окна и клонилъ ко сну. У Квинтиліанова слипались ужь глаза; онъ просилъ позволенія идти на покой. Солдату велѣно постлать постель для своего командира тутъ же, въ столовой, на ветхомъ кожаномъ диванѣ, обсыпать его персидскимъ порошкомъ, идти спать и вмѣстѣ караулить въ бричкѣ добро его высокоблагородія. Остались на лицо отецъ и сынъ. Эти господа были еще полны энергіи, несмотря на старость одного и хилое здоровье другого. Обоимъ давалъ необычайную силу, какъ гальваническій токъ помертвѣлому существу, интересъ, этотъ великій двигателей смертныхъ. Одинъ желалъ открыть сыну секретныя дѣла, скрываемыя даже отъ Квинтиліанова, другой угадывалъ по глазамъ отца, что тотъ имѣетъ передать ему что-нибудь важное, чего не должны слушать чужія уши. Слышала ихъ тайную бесѣду одна темная, ненастная ночь.

— Хорошо, что ты пріѣхалъ, дружокъ,—говорилъ отецъ,—я самъ хотѣлъ вызвать тебя, крайне нужно. Мы всѣ подъ Богомъ ходимъ. Вотъ видишь, есть у

меня векселя отъ Сергѣя Семеныча на имя разныхъ купцовъ. Деньги были мои.

— Рискованное дѣло, могли бы пропасть. Вы, конечно, взяли какое ни есть обезпеченіе.

— Бралъ сохранныя росписки, платилъ по копѣйкѣ съ рубля — разумѣется, пока не сдѣлана была передаточная надпись на имя...

Елизаръ Самсоновичъ остановился и посмотрѣлъ сыну въ глаза, желая узнать, какое дѣйствіе произведетъ на него умолчаніе имени.

— На чье-жь?

— Ужь конечно, на твое, Самсонушка. Есть у меня наличныя, тѣ приберегаю на покупку фабрики. Будетъ на твой вѣкъ. Можешь купить тогда и Красное-сельцо на свое имя. Умру, такъ по-христіански, честно похоронешь меня, да не полѣнишься творить по мнѣ поминки.

Едва ли не первый разъ въ жизни выкатилась слеза изъ глазъ Елизара Самсоновича, какъ будто онъ оплакивалъ собственную свою кончину.

— Полноте, батюшка, говорить о смерти, дай Богъ вамъ порѣшить наше богатое дѣло, да многія лѣта пожить, быть милліонеромъ, имѣть такія же роскошныя палаты, какія у Патокина.

— Нѣтъ, дружокъ, эти палаты, эта роскошь губятъ и погубятъ Патокина. Не миновать ему своей судьбы; самъ вырылъ себѣ яму, не кто другой. Наживи я милліонъ, коли духъ искуситель... — Господи прости мои прегрѣшенія! — (тутъ возвелъ онъ очи къ небу и набожно перекрестился)—подвинетъ меня на такой соблазнъ, наживи я милліонъ, все-таки буду жить также скромно, какъ жилъ доселѣ. Но слово не о милліонѣ. Одно, чего желаю, такъ... свою, собственную фабрику...

— Все въ волѣ Божіей, — произнесъ со вздохомъ

сынъ, приноравливаясь къ духовному настроенію отца,— Онъ отнимаетъ, онъ и даетъ.

— А что припасено, дружокъ, то надо закрѣпить. Подожди меня маленько, — прибавилъ отецъ, взялъ со стола свѣчу и побрелъ въ сосѣднюю комнату, которая была и конторой и спальней его.

Самсонъ Елизаровичъ остался одинъ. Сердце его сильно стучало, разныя предположенія бродили въ головѣ. Сколько могъ нажить отецъ? Сколько переведено на его имя? Онъ зналъ, что тятенька незастѣнчиво щечился на счетъ своего довѣрителя, зналъ, что отдаетъ въ ростъ подъ ручные залоги, деретъ ужасные проценты, во всемъ себѣ отказываетъ. Можетъ быть, нажилъ десятокъ другой тысячъ? Но дѣдъ, и тотъ изъ украденныхъ на службѣ денегъ подарилъ ему пять тысячъ... Должно быть болѣе... Прошло полчаса, отецъ не возвращался. Утѣшительныя мысли замѣнились страшными. Онъ слышалъ какой-то стукъ; будто упало что-то на полъ. Ужь не упалъ-ли отецъ? Не сдѣлался-ли съ нимъ ударъ? Зловѣщій живчикъ на щекѣ не предвѣщалъ-ли паралича?... Обыскать мертваго? Схватить ключи? Кто его знаетъ, можетъ быть, замки съ секретомъ! Не ломать же ящики! нагрянетъ полиція, всѣхъ обыщетъ, все опечатаетъ. Расплачивайся! Пожалуй, еще украдутъ половину! Видалъ я эти виды!

Онъ вскочилъ съ постели, подкрался къ двери, въ которую вошелъ отецъ, прислушался... тихо!... Сердце замерло. Едва переводя духъ осмѣлился онъ заглянуть сквозь щель худо притворенной двери... Слава Богу, отецъ живъ, движется; то вынетъ изъ ящика пачку бумагъ, то опять положитъ ее назадъ; еще разъ вынулъ... призадумался... Опенкинъ-сынъ зналъ, что порывы щедрости, любви къ ближнему, вспыхивающіе иногда у скупцовъ, тотчасъ погасаютъ, распадаются въ прахъ

при видѣ завѣтной шкатулки, откуда нужно вынуть деньги, или акты, ахъ замѣняющіе. Не отдумалъ бы?... Нѣтъ, старикъ сдѣлалъ рѣшительный знакъ рукой... взялъ пачку, положилъ въ боковой карманъ сюртука и направился къ двери... Сынъ отскочилъ отъ нея и въ одно мгновеніе былъ ужь на своей постели.

Елизаръ Самсоновичъ, держа въ одной рукѣ свѣчу, вошелъ въ опочивальню сына, задернулъ гардины у оконъ и присѣлъ къ столу, у дивана, гдѣ возлежалъ еще не оправившійся отъ смущенія Самсонъ Елизаровичъ.

— Чай, заждался меня, — сказалъ отецъ,—извини, Самсоша; когда я хожу въ свою конторку, то имѣю обычай все пересмотрѣть и пересчитать документы и деньги... Неравно воръ... тогда можно по горячимъ слѣдамъ... во-время... Совѣтую и тебѣ то-же дѣлать.

Тутъ онъ вынулъ пачку изъ кармана сюртука.

— Вотъ это все заемные акты,—продолжалъ онъ,— и сталъ вынимать ихъ изъ пачки, бережно развертывая и показывая одинъ за другимъ сыну для прочтенія. Этотъ въ 10 тысячъ, писанъ такого-то года, такого мѣсяца и числа, отъ коммерціи совѣтника, именитаго гражданина, купца 1-й гильдіи и кавалера Сергѣя Семенова сына Патокина на имя купца 2-й гильдіи Перекусихина; протестъ и передача черезъ годъ на имя титулярнаго совѣтника Самсона Елизарова сына Опенкина; этотъ отъ того-жь лица на такую же сумму на имя такого-то купца, протестъ и передача черезъ годъ на имя коллежскаго ассессора Опенкина.

Такъ перебрали они всѣ векселя.

— Всѣхъ векселей, какъ видишь, отъ лица Патокина на твое имя до восьмидесяти тысячъ, а съ просроченными процентами наберется до ста. Вотъ какой ты богачъ! Что? не ждалъ такой благодати? Будто манна упала на тебя съ неба.

Сынъ разсыпался въ благодарностяхъ; онъ готовъ былъ стать на колѣни передъ геніемъ отца своего.

— А знаетъ-ли Патокинъ объ этихъ передачахъ?— спросилъ нечаянный богачъ, когда пришелъ въ себя отъ восторга, напустившаго на него туманъ.

— До сихъ поръ нѣтъ, все временилъ до удобнаго случая. Видишь, много денегъ, да и много трудился я изъ-за нихъ, много претерпѣлъ. Потомъ, нуждами, безсонницей, голодомъ пріобрѣталъ. Все для тебя Самсоша! Какъ служилъ еще у старика Патокина—держали меня въ черномъ тѣлѣ. Сколько потаскушекъ и побоевъ получилъ изъ хозяйскихъ рукъ. Щедръ былъ покойникъ на нихъ, да за то, дай Богъ ему царство небесное, умѣлъ и награждать за усердную службу. Умеръ онъ...

Сынъ перекрестился и возвелъ очи къ небу.

Голосъ Елизара Самсоновича будто оборвался, лицо его задергало, но онъ скоро оправился и продолжалъ. — Съ того времени начались на меня гоненія. Случился пожаръ въ домѣ, малый Алешка,—помнишь, игрывалъ съ тобою въ бабки,—укралъ изъ-подъ подушки больного, умирающаго короля 25 тысячъ, бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Марѳа Посадница,—чтобъ ей лихо было, какъ мнѣ тогда,—по подозрѣнію, будто я сообща съ нимъ кралъ, засадила меня въ тюрьму. Съ колодниками содержался, на нарахъ лежалъ. Выпустили меня. Сколько затѣмъ выстрадалъ! Гордая барыня у притолки держала; что ни слово, то брань или насмѣшка. Хуже, чѣмъ съ крѣпостнымъ обращалась. За хозяйкой—слуги, и тѣ надо мною издѣвались. Да, выдержалъ я черный искусъ. Въ душѣ моей сочтены всѣ обиды, всѣ, до одной, отмѣчены глубокой мѣткой; сотрутся развѣ на моемъ грѣшномъ тѣлѣ въ могилѣ. Велико было мое долготерпѣніе, истинно христіанское. Но, — прибавилъ Елизаръ Самсоновичъ, поднявъ го-

лову, — придетъ и моя пора! Можетъ быть, и мнѣ Марѳа Посадница поклонится и я посмѣюсь надъ нею.

— Батюшка, надо забывать обиды; Сергѣй Семенычъ добрый человѣкъ.

— И овца, когда ведутъ ее на закланіе, лижетъ руку человѣка, который собирается ее зарѣзать. Мнѣ Богъ не далъ такого великаго смиренія. Развѣ и отъ него не было мнѣ униженія и обиды? Мастеровому, иностранцу, почетъ, а своему, русскому, главному приказчику—другой. Джонсу жмутъ руку, хозяинъ и хозяйка сажаютъ его рядомъ, а меня, коли посадятъ съ собой, такъ за великую милость считаютъ. Нѣтъ, Самсоша, накипѣло въ душѣ десятки лѣтъ, черною смолой, сѣрой горючей, надо же когда-нибудь и вспыхнуть. Будь на его мѣстѣ дѣльный, заботливый человѣкъ, я повелъ бы иначе. На первыхъ же порахъ угадалъ, что изъ него будетъ. Насмотрѣлся у стародубовскихъ прощалыгъ, какъ раззоряются на пустяки, и пошелъ жечь деньги. Вздумалъ въ Луковкахъ великолѣпныя палаты построить и убрать—мало, въ Москвѣ такія же завелъ. Мало, деревню на чужое имя купилъ, да убилъ въ нее близъ милліона на прежнія деньги. Все на бесѣдки, на мостики, на цвѣточки... Воду пустилъ не туда, куда Господь указалъ ей идти, а куда лукавый взманилъ; дескать, Богъ не хорошо повелъ, дай противъ него сдѣлаемъ лучше. Все искушенія бѣсовскія! (Старикъ плюнулъ). Не такъ дѣла ведутъ степенные купцы, подумалъ я; не нынѣ, такъ завтра раззорится. Сама себя раба бьетъ. Не я, такъ другой подберетъ денежки, что раскидываетъ по дорогѣ, не тотъ, такъ другой, подумалъ я, и повелъ дѣла уже по своему. Видѣлъ, сколько тысячъ тебѣ долженъ; хлопка забрана въ Англіи на важную сумму... благо еще вѣрятъ въ кредитъ Патокина-короля. Десятки ты-

сячъ долженъ въ Подольской и малороссійскихъ губерніяхъ за хлѣбъ... того и гляди банкрутъ! Часомъ ранѣе, часомъ позже, не все ли равно! Яма подъ ногами его, а онъ застилаетъ ее своими красносельскими цвѣточками, да нѣжится на нихъ. Кабы я не такъ ловко велъ дѣла его, не закрывалъ яму отъ стороннихъ, такъ онъ давно бы потерялъ кредитъ.

— Вы пугаете меня, батюшка, пожалуй операція наша...

— О! съ этою мы еще справимся. Помни, ты имѣешь дѣло со мною, а не съ Патокинымъ. Покуда продержится, я такъ поведу дѣло. Завтра ты предъявишь ему свои векселя, предложишь выгодный подрядъ; возьмемъ его, дадимъ ему передышать; выгоды, которыя получатся отъ подряда, пойдутъ на уплату твоихъ векселей, а тамъ...

Опенкинъ-отецъ махнулъ рукой.

— А тамъ, видно, затянемъ петлю на глухо,—подумалъ сынъ.

— Я хотѣлъ еще переговорить съ вами объ одномъ... Вы богаты, будете еще болѣе богаты,—сами сказали,—а остаетесь до сихъ поръ мѣщаниномъ. Ужь это по доброй волѣ униженіе! Зачѣмъ унижать и сына, чиновника, кавалера, который со временемъ.,. (здѣсь Опенкинъ-сынъ сдѣлалъ движеніе рукой, проведя ее отъ плеча къ бедру) неловко будетъ вамъ и въ приморскихъ городахъ.

— Что сказали бы обо мнѣ, когда бъ я выказалъ капиталъ свой? Пошли бы подозрѣнія, придирки, а тутъ мѣщанинъ — голякъ... Да сколько бы истратилъ на гильдейскія, еслибъ давно записался въ купцы? Тысячи. Имъ лучше лежать въ моей конторкѣ. Но для тебя... я и такъ собирался... пожалуй, завтра жь запишусь въ купцы...

— Хоть второй гильдіи

— Потѣшу тебя, второй. Пора сбросить съ себя черную кожуху.

Сынъ обнялъ и горячо поцѣловалъ своего родителя.

Такъ бесѣдовали отецъ и сынъ до полуночи, и разстались — одинъ пошелъ спать съ надеждой на покупку съ аукціона фабрики для себя и Краснаго сельца для сына. Остался другой на своей постели, но не могъ сомкнуть глазъ отъ тяжести богатства, свалившагося на него съ неба, и того, которое еще ожидало его впереди.

Кукушка на часахъ прокуковала одинъ разъ. Дождь лилъ ливмя и хлесталъ въ окна цѣлыми потоками, рамы стучали, вѣтеръ завывалъ въ одинъ унисонъ съ цѣпною собакой.

Не спалъ Опенкинъ-сынъ.

Кто-то робко постучалъ въ калитку. Собака сильно залаяла. Стукъ замолкъ. Немного погодя постучали въ окно. Накинувъ халатъ, Самсонъ Елизаровичъ подошелъ къ окну.

— Кого тебѣ надо? — спросилъ онъ сквозь стекло.

— Хозяина, Елизара Самсоныча.

— Спитъ.

— Вызови: *горитъ!*

Опенкинъ-сынъ подумалъ, не фабрика ли горитъ, подошелъ къ комнатѣ отца и закричалъ ему сквозь дверь: «батюшка, вставайте скорѣй, какой-то человѣкъ пришелъ, зоветъ васъ, — говоритъ: горитъ!» Потомъ онъ подошелъ къ окну въ своей спальнѣ, поднялъ немного гардину и, сдѣлавъ рукою щитъ отъ свѣта горѣвшей на столѣ свѣчи, отражавшагося въ стеклѣ, посмотрѣлъ, въ какой сторонѣ могъ быть пожаръ.

Никакого зарева не видать было; темная ночь, казалось, покрывала весь городъ чернымъ сукномъ.

При словѣ: *горитъ*, Опенкинъ-отецъ вскочилъ съ постели и разбудилъ Квинтиліанова. Кухарку онъ не

звалъ. Они поняли это слово, но хотѣли еще сомнѣваться.

Накинувъ на себя тулупчики, тесть и зять, не смотря на дождь, поспѣшили къ калиткѣ. Между тѣмъ ночной посѣтитель стучалъ все сильнѣе и сильнѣе, такъ что стекла въ домѣ дребезжали. Собака осипла отъ лая.

— Кто тамъ? — спросилъ Елизаръ Самсоновичъ.

— Отвори, узнаешь.

— Голосъ! — сказалъ Опенкинъ своему товарищу.

— Его,—отвѣчалъ Квинтиліановъ.—Онъ...

— Онъ.

Чей голосъ, кто онъ, не было сказано, но товарищи поняли другъ друга.

— Да, онъ, Алеха, пришелъ за разсчетомъ — отозвался ночной посѣтитель.

Отворилась калитка, покорная этому имени. Пошли переговоры. Ихъ не слыхать было Опенкину-сыну, хотя онъ приложилъ ухо къ окну, но слышалъ какъ заскрипѣла наружная дверь въ сѣни, какъ зашлепали по сѣнямъ грязные сапоги, какъ эти сапоги направились въ комнату Квинтиліанова. По временамъ прорывались умоляющія слова: «ради Бога, тише, сынъ пріѣхалъ, дай ему заснуть».

И затѣмъ все замолкло.

Немного погодя вошелъ Елизаръ Самсоновичъ къ сыну; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, лицо его сильно подергивало.

— Дуракъ, караульщикъ, — сказалъ онъ, — прибѣжалъ съ крупчатки нашей, что подъ городомъ, напугалъ тебя и меня. Горитъ амбарчикъ на мельницѣ; зальетъ дождикъ, а если и сгоритъ, такъ бѣда не велика, рублей на сотню убытку.

— Вамъ бы послать кого туда.

— И такъ пошлю Ѳеклу на фабрику, чтобы ѣхали съ пожарной трубой. Спи себѣ, мой другъ, спокойно.

И побрелъ Опенкинъ-отецъ въ кухню и закричалъ такъ, что сынъ могъ слышать: «сбѣгай на фабрику, скажи, чтобы ѣхали сейчасъ съ трубой пожарной на крупчатку—горитъ амбаръ; да оставайся тамъ до утра; гдѣ тебѣ шлепать по грязи въ такую темь!»

Заскрипѣла дверь изъ сѣней, застучала и калитка, пущенная по волѣ вѣтра разсерженной Ѳеклой, которой сладкій сонъ такъ немилосердно нарушили.

Потревожился было и солдатъ и выбрался изъ брички, но ему сказали, чтобъ онъ не безпокоился и легъ спать

Опенкинъ-сынъ смекнулъ, однакожъ, что въ домѣ происходитъ что-нибудь необыкновенное. Таинственные проводы ночного посѣтителя въ комнату Квинтиліанова вмѣсто кухни, умоляющій голосъ, какимъ не могъ говорить главный приказчикъ караульному съ мельницы, смущеніе, испуганное лицо отца,—все это сильно тревожило Самсона Елизаровича. Какія-то ужасныя мысли пали на умъ его. Онъ осторожно отворилъ дверь въ переднюю, другую въ сѣни; чуланъ въ нихъ былъ раскрытъ. Онъ вошелъ въ него. Тутъ, за стѣной, слышно было, что говорили въ комнатѣ дѣда.

Шелъ какой-то торгъ. Незнакомецъ требовалъ, Елизаръ Самсоновичъ и Квинтиліановъ просили уступки.

— Дайте мнѣ остальную тысячу, не то завтра жь объявлю, какъ ты меня подговорилъ и научилъ, какъ мы съ тобой украли деньги, какъ ты накинулъ подушку на лицо безумной; чуть не задушилъ ее. Ты выдалъ мнѣ тогда паспортъ— писалъ твой же тесть. Пропадай моя голова, пропадетъ и ваша!

— Алексѣй, Алеша, куда тебѣ такъ много денегъ? Вѣдь ты живешь у богатаго барина; какъ бишь его прозваніе?

— Пожалуй, скажу, не пойдете же въ слово и дѣло на свою шею — Можайскій! То-то и бѣда, что онъ померъ. Отдалъ было ему послѣднюю свою тысячу взаймы — картежникъ былъ, проигралъ. И росписка его руки есть и барыня вдова признала руку, обѣщала отдать, да на обѣщаніи и осталась. Живу у ней Христа-ради на мѣсячинѣ.

— А прежнія куда дѣвалъ?

— Говорилъ вамъ: на братью въ скиту, на утоленіе властей, вѣдь насъ бѣглыхъ десятками тамъ укрываются, потомъ на приписку въ херсонскіе мѣщане, мало ли еще на что! Вамъ какое дѣло, куда дѣвалъ?

— Живешь у барыни Христа-ради, а какъ появятся у тебя деньги, такъ, пожалуй, и пытать будутъ, откуда взялъ, не укралъ ли. Опасно.

— Опять не ваша бѣда. Слышите, деньги—тысячу, или завтра я потащу васъ въ полицію. Сказалъ: «сгину, сгинете и вы».

— Алеша, ради Бога, тише, услышитъ сынъ.

— Пускай услышитъ, не такъ еще закричу. Вѣдь двадцать пять тысячъ украдено. Обѣщали мнѣ пять, дали въ пять разъ три. Помните, двадцать слишкомъ лѣтъ прошло. Я былъ тогда молодъ, кровь съ молокомъ, а теперь сухарь сухаремъ. За одной тысячью не гонюсь, отдайте мнѣ, говорю вамъ, послѣднюю тысячу. Прошу по уговору своего, законнаго.

Опенкинъ-отецъ и Квинтиліановъ все торговались.

Самсонъ Елизаровичъ слыхалъ о пожарѣ въ домѣ Патокиныхъ, о похищеніи денегъ, слыхалъ и о томъ, что укралъ ихъ *малый* Алексѣй. Еще нынѣ упоминалъ это имя отецъ, когда говорилъ, что за него напрасно

сидѣлъ съ колодниками. Нельзя сомнѣваться, сообщникъ отца и дѣда, Алексѣй, тутъ, за стѣной. Жутко ему стало. Это дѣло вело къ каторгѣ. Онъ рѣшился разомъ покончить торгъ.

— Отдайте ему остальную тысячу, разсчитайтесь,—закричалъ онъ какимъ-то гробовымъ голосомъ изъ своей засады, выскользнулъ въ переднюю, добрелъ къ себѣ, дрожа и задыхаясь, и упалъ на диванъ.

Въ этомъ голосѣ вылилъ онъ весь свой страхъ, всю свою душу, всю грозную будущность, ожидавшую преступнаго отца. Отъ этого голоса вздрогнули отецъ и дѣдъ и самъ Алексѣй. Послышались тихіе шаги въ сосѣдней комнатѣ, далѣе щелкнулъ ключъ въ конторкѣ, немного погодя зашлепали въ сѣняхъ грязные сапоги, заскрипѣла дверь въ сѣняхъ, застучала калитка, затѣмъ все замолкло.

Только повременамъ отдавались напряженному слуху Опенкина-сына изъ комнаты отца тяжелыя воздыханія.

Утромъ слѣдующаго дня кипѣлъ серебряный самоварчикъ на столѣ у комиссіонера. Онъ отворилъ осторожно дверь въ спальню къ отцу и особенно ласковымъ голосомъ пригласилъ его на чаепитіе.

Вошелъ старикъ Опенкинъ; онъ старался скрыть свое смущеніе, но несмотря на привычку лицемѣрить, казался озабоченнымъ и грустнымъ. Сынъ, такъ же, какъ и вчера, почтительно подошелъ къ его рукѣ и еще съ большею нѣжностью поцѣловалъ ее. Солдату велѣно было позвать дѣда. Съ нимъ также почтительно обращался внукъ. Самсонъ Елизаровичъ былъ особенно веселъ, шутилъ, подливалъ Квинтиліанову рому въ чай, отчего улеглись въ душѣ стараго грѣховодника послѣдствія ночной тревоги. Дѣдъ, подгулявъ, запѣлъ было дрожащимъ голосомъ:

«Сѣлъ онъ въ салазки,
Гора высока».

Но Опенкинъ-отецъ покачалъ головой и замѣтилъ ему, что неприлично и грѣшно смѣяться надъ чужими невзгодами, особенно его благодѣтелей.

Передъ поѣздкой въ Красное-сельцо сговорились идти сначала въ думу, а потомъ въ *ряды*, въ которыхъ кавалеръ хотѣлъ показаться съ своимъ орденомъ.—Пускай знаютъ,—говорилъ онъ отцу,—каковъ-де у васъ сынъ. О ночномъ посѣтителѣ ни съ той, ни съ другой стороны не было даже намека.

— Не отложить-ли намъ записку въ купцы?—говорилъ Елизаръ Самсоновичъ; но сынъ настоялъ на своемъ, объявивъ, что онъ платитъ гильдейскія повинности изъ своей казны.

— Я и крестъ свой сниму,—присовокупилъ онъ,—если вы этого не сдѣлаете сейчасъ.

Вошелъ Джонсъ, угрюмый, озлобленный. Взглянувъ на него, Опенкинъ-отецъ угадалъ, что туча эта несетъ грозу, привсталъ со стула, умильно взглянулъ на англичанина и, показавъ рукою на сына, сказалъ:

— Рекомендую, мой сынъ чиновникъ 7-го класса; прошу присѣсть и откушать съ нами чаю.

Ни провозглашенный классъ, ни вѣжливое приглашеніе, ни крестъ, кокетливо игравшій на груди своею эмалью и золотомъ, не сдѣлали никакого впечатлѣнія на Джонса; онъ едва кивнулъ кавалеру.

— Мой, — сердито сказалъ онъ, — не принимай хлопка, что привезъ изъ Москва. Тутъ плутня былъ.

— Ваши же англичане прислали, не я принималъ, — отвѣчалъ Елизаръ Самсоновичъ.

— Англичанъ прислалъ карошъ, въ Москва взялъ другой, некарошъ.

— Не можетъ быть, откуда-жь вы это узнали?

— Къ мой писать изъ Москва товарищъ моя. Вашъ приказчикъ продалъ карошъ, а взялъ бракъ, портился. Кто позволь ему это сдѣлать, такой же...

— Кто-жь могъ ему приказать, господинъ Джонсъ?— продолжалъ смиренно Опенкинъ-отецъ.

— Вашъ, господинъ Опенкинъ.

Дрожа отъ гнѣва, всталъ Опенкинъ-сынъ и, грозя пальцемъ на Джонса, закричалъ:

— Какъ смѣешь ты, дрянной мастеровой, кричать на моей квартирѣ? Обижать отца моего? Знаешь ли, я велю вытолкать тебя въ шею (онъ указалъ ему на свою шею). Понимай твой?

— Мой?...

И выпрямился Джонсъ во всю атлетическую высоту свою, взглянулъ гордо на комиссіонера и повторилъ только:—мой?...

— Солдатъ! — крикнулъ Самсонъ Елизаровичъ, — вытолкай этого невѣжу вонъ.

Служивый смекнулъ тотчасъ, что съ англичаниномъ неловко дѣйствовать силой. Дотронувшись слегка до рукава его и склонивъ голову, онъ ласковымъ голосомъ произнесъ:—Просимъ, мусье, не угодно ли марширъ.

Солдатъ былъ небольшаго роста. Джонсъ схватилъ его мощными руками за плечи, повернулъ его, какъ мальчика, и вывелъ за дверь. Всѣ эти эволюціи онъ сопровождалъ словами:

— Марширъ не мой, а твой.

Потомъ, обратясь къ Опенкину-сыну, прибавилъ:

— Мой обижать, мой вытолкать въ шей? Посмѣй кто! Понимай твой, за меня вступиться моя королева Викторія, за меня встать весь англійскій народъ. Понимай твой?

Опенкинъ-сынъ понималъ это очень хорошо и замолчалъ.

И сталъ Джонсъ на своемъ мѣстѣ, какъ боецъ, ожидающій охотниковъ съ нимъ помѣриться, осмотрѣлъ презрительно Опенкина-сына съ головы до ногъ, подождалъ немного и, обратясь къ отцу, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Дѣлай твой, что хочетъ, а хлопка мой не принимать—и вышелъ спокойно изъ комнаты.

— Вотъ этакъ всегда, — проговорилъ, вздыхая, Елизаръ Самсоновичъ, когда Джонсъ удалился,—отъ всякаго мастерового обида. Иностранецъ, такъ ему почетъ и поблажка.

— Пора, согласенъ съ вами, батюшка,—порѣшить эту неурядицу. Удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ терпѣли этого грубіяна. Все-таки вамъ подчиненный. По нашему шпицрутеномъ бы его! шпицрутеномъ!

И Самсонъ Елизаровичъ перевелъ это слово краснорѣчивой мимикой.

— Охъ, охъ! воля не моя, Самсоша. Хозяинъ и его Марѳа Посадница и питомка ихъ, всѣ за него. Терпишь, пока есть мочь.

— Есть мѣра и долготерпѣнію, и вы сами сказали.

— Еще немного потяну лямку, дружокъ, немного. Покончимъ подрядъ, а тамъ наверстаемъ свое, покажемъ и свою удаль.

— Какъ же вы оставляете его вмѣсто себя управлять фабрикой? Онъ у васъ, Богъ знаетъ что, напроказничаетъ.

— Не посмѣетъ.

— А хлопокъ?

— Велитъ хозяинъ принять, такъ приметъ, не слѣдствіе же производить. Развѣ впервой!

— Пожалуй откажется отъ мѣста; фабрика станетъ; видите, какой ретивый!

— Тѣмъ лучше. Тогда у насъ останется его подмастерье, русскій мужичекъ; обучалъ онъ же усер-

дно своему мастерству. Малый дѣльный, доточный, свои машины придумываетъ, и англичанина за поясъ заткнетъ.

— Однакожъ, пора намъ въ думу.

— Въ думу?... да... не отложить-ли намъ, Самсоша?

Самсонъ Елизаровичъ вынулъ изъ кармана бумажникъ.

— Сколько надо внести за вторую гильдію?

Отецъ назвалъ сумму.

Сынъ отсчиталъ деньги и вручилъ отцу; онъ не отказался принять.

— Не тронусь съ мѣста, пока вы не запишетесь въ купцы. Идемте, батюшка. Надо кончить прежде всего это дѣло. Всему развязка. Помните, окажутся у меня на службѣ деньги, отъ отца-купца могу получить, а на мѣщанина не покажешь.

Старику жаль было денегъ, хотя они были не его, но все-таки кровныя. Противиться, однакожъ, онъ долѣе не могъ; оставалось покорится разчетливому желанію сына.

Они отправились въ думу. Дорогой Опенкинъ-отецъ все считалъ что-то сквозь зубы, и часто складывалъ и разгибалъ пальцы передъ собою.

Въ передней думы, какой-то сторожъ съ бородой скинулъ съ нихъ пальто и галоши.

— Видно, здѣсь сторожа изъ мужиковъ,—замѣтилъ сынъ.

— Это нашъ гласный отъ мѣщанскаго сословія.

— Такъ-же, какъ и засѣдатели отъ крестьянъ въ судахъ. И тамъ они засѣдаютъ въ переднихъ, скидаютъ галоши, шинели и шубы съ чиновниковъ,—насмѣшливо замѣтилъ Самсонъ Елизаровичъ.

Въ камерѣ засѣдали голова и нѣсколько членовъ думы. Секретарь обходилъ кругомъ стола съ журна-

лами и подавалъ ихъ для подписи, тыча пальцемъ въ то мѣсто, гдѣ кому подписаться, или приложить вмѣсто подписи свою именную печать.

Въ магистратѣ еще горшая доля падаетъ на членовъ; тамъ приходится полуграмотнымъ списывать цѣлыя страницы резолюцій, написанныхъ заранѣе секретаремъ или столоначальникомъ, мучиться и потѣть, чертя каракульки, которыхъ не разберешь и въ сутки.

Елизаръ Самсоновичъ низко поклонился присутствующимъ, подвелъ сына къ головѣ и рекомендовалъ его, какъ чиновника 7-го класса по провіантской части.

— Очень радъ имѣть честь познакомиться, просимъ садиться, ваше высокоблагородіе, — произнесъ голова, указывая Опенкину-сыну почетный стулъ возлѣ себя, потомъ, взглянувъ на крестъ, прибавилъ:—вотъ какъ, сынокъ Елизара Самсоныча?... Тэкъ-съ, тэкъ-съ! Кого Господь посѣтитъ своею милостью, на кого и гнѣвъ свой явитъ. Вотъ и чиновникъ... какъ бишь?

— Седьмого класса, — поправилъ Елизаръ Самсоновичъ.

— Тэкъ-съ. А вотъ сынокъ нашего почтеннаго коммерціи совѣтника, именитаго гражданина, хозяина вашего батюшки, въ солдаты пошелъ. Чтожь, по какія нуждицы къ намъ пожаловали, ваше высокоблагородіе? Хлѣбецъ закупить, что-ли? У насъ есть запасецъ малаго толико.

— Болѣе съ родителемъ повидаться, а если и хлѣбецъ сподручень будетъ, такъ купимъ и его. Теперь покуда просимъ удовлетворить нашу общую просьбу.

— Со всякимъ нашимъ удовольствіемъ, почтеннѣйшій.

Елизаръ Самсоновичъ поклонился и объявилъ, что онъ желаетъ приписаться въ купцы.

— Текъ-съ!—сказалъ голова, поднявъ руку въ знакъ удивленія. — Пора, давно пора. Скупенекъ почтенный вашъ родитель, а копни въ собственной его конторкѣ, такъ побольше нашего окажется. Въ какую-жь гильдію изволишь приписаться?

Опенкинъ-отецъ хотѣлъ сказать: въ третью, но сынъ предупредилъ его:

— Во вторую.

Голова и члены значительно переглянулись.

— Господинъ секретарь, — произнесъ важно голова,—изволь заняться эвтимъ дѣломъ теперь же.

Секретарь не тронулся со стула, на которомъ ужь сидѣлъ у своего стола, и не сказалъ ни слова, какъ будто и въ грошъ не ставилъ приказаній своего начальника. Тогда Самсонъ Елизаровичъ подошелъ къ нему съ заискивающей миной и поклономъ, пошептался съ нимъ, подошелъ къ писцу, на котораго тутъ указалъ, и также съ нимъ пошептался. Дѣло закипѣло. Между тѣмъ Елизаръ Самсоновичъ дрожащими руками отсчитывалъ кассиру деньги. Подписали прошеніе, исполнили прочія формальности; отецъ и сынъ раскланялись съ присутствующими, послѣдній приложился еще къ секретарю и писцу, сунувъ имъ что-то въ руку.

Долго еще послѣ нихъ шла рѣчь, какъ дивны дѣла Господни и какое счастіе посѣтило Елизара Самсоныча въ его сынѣ.

Прошлись Опенкины по торговымъ *рядамъ*, заглянули въ мучныя лавки, побывали и на пристани. Вездѣ кавалерія производила свой эффектъ, передъ ней снимались шапки и спускались до земли, ее провожалъ говоръ уваженія и удивленія. Возвратившись домой, посовѣтовались, какъ лучше дѣйствовать на Патокина по дѣлу подряда, какъ искуснѣе предъявить ему векселя, и покатили въ Красное-сельцо. Передъ отъѣз-

домъ добро комиссіонера перенесено въ комнату; солдатъ остался караулить его.

Старикъ нерѣдко дорогой перебиралъ что-то по пальцамъ, держа ихъ передъ собою.

— Смотрите, батюшка, не помѣшайтесь на этихъ пальцахъ, какъ старушка Патокина на старичкѣ со звѣздою, — замѣтилъ сынъ. Отецъ перекрестился, глубоко вздохнулъ и сунулъ руки въ карманы пальто, гдѣ ужь могъ свободно предаваться своимъ счетамъ.

Не доѣзжая двухъ верстъ до Краснаго-сельца открылась передъ нашими путниками панорама его во всей красѣ своей.

— Настоящій городокъ,—сказалъ Опенкинъ-сынъ.

— Яма, въ которую положилъ безумецъ половину богатства, накопленнаго трудами дѣда и отца, а другую растратилъ на обѣды и пиры. Изъ нея выйдетъ развѣ, чтобы попасть въ другую яму. Слишкомъ двѣсти тысячъ серебромъ убито на эту игрушку, А что доходу съ нея? спросишь ты. Какихъ-нибудь тысячъ пять. Съ деньгами получилъ бы двадцать, если и по десяти процентовъ отдавать. Нынѣ съ радостью подъ залогъ двѣнадцать дадутъ. Нѣжится съ своею принцессою, словно въ раю магометовомъ, а проснется, будутъ стенанія и великій скрежетъ зубовъ. Пожалуй, можно бы и тебѣ такой городокъ, да всѣ бездоходныя затѣи изъ него вонъ; всѣ эти богатыя оранжереи, бесѣдки и финтифлюшки долой, да умкомъ зажить, приняться за пашеньку. Крестьяне избалованы, первые лѣнтяи въ уѣздѣ, въ синихъ кафтанахъ ходятъ, въ сапогахъ. Пріѣдешь, ни одинъ шапки не ломаетъ. Я бы ихъ тогда въ бараній рогъ согнулъ. Еще грамотѣ съ своей питомкой учатъ на свою бѣду! Ужь о волѣ толковать стали. Я далъ бы имъ волю!... Самъ бы на первыхъ порахъ жилъ въ полѣ, въ молотильномъ сараѣ. Цѣлы-ли у тебя акты, дружокъ?

Опенкинъ-сынъ ощупалъ свой боковой карманъ въ форменномъ сюртукѣ.

— Здѣсь, батюшка, будте покойны.

— Да нѣтъ-ли у тебя прорѣхи въ карманѣ?— спросилъ отецъ, и руками своими удостовѣрился, что бумажникъ, надувшійся актами, обрѣтается на лицо и въ добромъ здоровьѣ.

Въѣзжая въ Красное-сельцо, Опенкинъ-сынъ во все всматривался и всѣмъ любовался.

«А, чортъ побери! хорошо быть богатымъ барином, имѣть Красное-сельцо,—подумалъ онъ,—катался бы въ каретѣ по сосѣдямъ, а не въ варшавской бричкѣ съ мѣшечками хлѣбныхъ пробъ, не труснлъ бы ревизоровъ. А почему бы и не такъ, если пойдетъ въ продажу съ аукціона? Роздалъ бы на торгахъ отступныя и выпустилъ бы голубчиковъ изъ бумажника. Пойдетъ за полцѣны!

У главнаго крыльца встрѣтилъ ихъ слуга и, не обращая вниманія на Опенкина-отца, спросилъ сына:

— Какъ объ васъ доложить?

— Скажи, седьмого класса Опенкинъ.

Слуга съ усмѣшкой посмотрѣлъ на того и другого и пошелъ докладывать своей госпожѣ о пріѣздѣ седьмого класса.

Сергѣй Семеновичъ былъ въ саду. Марѳа Михайловна приняла пріѣзжихъ въ гостиной, устланной богатыми коврами и уставленной дорогими растеніями; съ сыномъ обошлась вѣжливо, отцу сказала:

— Садись, Самсонычъ, будешь гость. Садись, говорятъ тебѣ,—повторила она, несмотря, что Елизаръ Самсоновичъ уже сѣлъ безъ повторенія приглашенія.

— Чай, радъ сынку чиновнику. Слава Богу, одѣлся нынѣ какъ порядочный человѣкъ. Повѣрите ли, въ заплатахъ ходитъ, въ засаленномъ платьѣ. Хоть вы бы отучили его отъ скряжничества. Вѣчно охаетъ, вѣчно

нищенствуетъ. Не можетъ выйти изъ кожи мѣщанина.

Казалось, Патокина находила удовольствіе въ лицѣ отца унижать сына чиновника и кавалера, между тѣмъ, какъ ея Володя находился въ рядахъ солдатскихъ.

— Батюшка ужь съ нынѣшняго дня купецъ,—перебилъ Самсонъ Елизаровичъ дерзкую рѣчь Патокиной.

— Вотъ какъ! Въ какую жь гильдію записался?

— Во вторую.

— Пожалуй, скоро махнетъ и въ первую.

— Все по милости сына,—сказалъ съежившись Опенкинъ-отецъ,—онъ и деньги за меня внесъ.

— Полно, Самсонычъ, людей морочить; порядкомъ набилъ себѣ карманы. А водилъ-ли онъ васъ въ свою кладовую?—прибавила она, обратясь къ Самсону Елизаровичу,—тамъ у него сундуки завалены серебромъ, кушаками, сарафанами, чай подковы есть, тутъ же оклады, содранные къ иконъ. Святой человѣкъ! и изображеніямъ и украшеніямъ молится. Не худо бы вамъ пересмотрѣть и опись составить, не то, каковъ часъ, Θеклушка или пьяный подъячій заберутъ.

«Припомню все тебѣ, Марѳа Посадница»,—думалъ Опенкинъ-отецъ, между тѣмъ сказалъ, усмѣхаясь:—все шутить изволите по обыкновенію.

«Есть у меня, чѣмъ сбить твою спѣсь, гордая купчиха»,—думалъ Опенкинъ-сынъ, ощупывая мысленно свой бумажникъ съ векселями во сто тысячъ.

Приходъ Сергѣя Семеновича прекратилъ этотъ разговоръ, вызывавшій месть обоихъ пріѣзжихъ.

— Я пріѣхалъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе,—сказалъ Самсонъ Елизаровичъ, подавая руку Патокину,—помню благодѣянія вашего отца; онъ записалъ меня въ гимназію, содержалъ на свой счетъ въ губернскомъ городѣ и потомъ въ Москвѣ.

— Меня радуетъ,—отвѣчалъ Сергѣй Семеновичъ, пожимая руку благороднаго человѣка, — что добро пошло въ прокъ.—Вотъ вы ужь и кавалеръ.... безъ особенной протекціи, собственными заслугами. Это дѣлаетъ вамъ честь и должно радовать нашего почтеннаго Елизара Самсоныча.

— Поздравь его, —сказала Марѳа Михайловна,— купецъ 2-й гильдіи.

— Поздравляю отъ души. Въ чемъ мнѣ была неудача, тамъ, вѣроятно, сынъ успѣлъ.

— Позвольте предложить намъ одну услугу,—произнесъ уже своимъ размѣреннымъ, важнымъ голосомъ Опенкинъ-сынъ,—я ѣду въ южныя губерніи, полагаю, увижусь съ вашимъ сыномъ.... даже постараюсь отыскать его.... Молодой человѣкъ по закону еще въ нижнихъ рядахъ.... конечно, нуждается въ покровительствѣ... Я имѣю въ арміи знакомыхъ мнѣ генераловъ, бригадныхъ и дивизіонныхъ. Не слыхали-ли вы имена Пентежгрецкихъ, Кнохберговъ, Османжогловъ?.. Могу замолвить за молодого человѣка...

— Вы?...—гордо перебила его Марѳа Михайловна, обиженная этимъ предложеніемъ,—спасибо! Мой сынъ не имѣетъ нужды ни въ чьемъ покровительствѣ, а еслибъ когда и понадобилось, такъ слава Богу, у насъ есть свои пріятели генералы, не хуже вашихъ Пентежгредскихъ и прочая, и прочая. Впрочемъ сынъ нашъ и безъ нихъ сумѣетъ проложить себѣ дорогу. Вотъ вы сами, Самсонъ, по батюшкѣ *Елизарычъ* (на этомъ словѣ она сдѣлала удареніе), вышли же въ люди безъ генеральской протекціи; вы были все-таки простой студентъ университета, а нашъ сынъ вышелъ кандидатомъ, съ золотою медалью.... не даромъ же ее дали!

Самсонъ Елизаровичъ, чтобы пресѣчь этотъ разговоръ, обидный для него и отца, обратился къ Сер-

гѣю Семеновичу и затронулъ хлѣбный подрядъ. Марѳа Михайловна, довольная, что удовлетворила свою ненависть къ отцу на сынѣ и скучая вновь завязавшеюся бѣсѣдой о хлѣбной торговлѣ, удалилась. Тогда Опенкины, не стѣсняясь болѣе ея присутствіемъ, мало-помалу начали подбираться къ цѣли своей поѣздки въ Красное-сельцо.

— Операція важная, небывалая, приготовленная стеченіемъ нежданныхъ обстоятельствъ! — говорилъ Самсонъ Елизаровичъ. — Кто имѣетъ запасы хлѣба въ южныхъ портахъ, заподряды въ южныхъ губерніяхъ, могъ бы обогатиться, принявъ ее. Мы разчитывали съ батюшкой: по цѣнамъ, которыя должна дать казна (комиссіонеръ объявилъ цѣну), чистаго барыша сто тысячъ. Сбавимъ 20 на непредвидѣнные случаи, все-таки получится восемьдесятъ. Это такъ вѣрно, какъ я, сынъ моего отца, имѣю честь стоять передъ вами. Вотъ къ вамъ, Сергѣй Семенычъ, эти выгоды сами напрашиваются. Вы ихъ какъ будто ждали.

— Хорошо бы, правда, если бы дали цѣну, которую вы объявили мнѣ.

— Безъ того вы имѣете право не брать подряда.

— Но я никогда не имѣлъ подрядовъ въ казну Такого рода дѣла сподручны людямъ ловкимъ, хитрымъ, изучившимъ разныя сдѣлки, о которыхъ я слыхалъ. Можетъ быть, это и клевета... Мое сердце к нимъ не лежитъ. Начнутся, говорили, мнѣ, придирки, браковки, обвѣски; всѣмъ кланяйся, всѣхъ ублажай. Дѣло рискованное, пуще всего не по душѣ.

— О! были, конечно, времена, теперь другія. Правительство строго избираетъ людей честныхъ, надежныхъ... Мнѣ, именно, отданъ важный пунктъ продовольствія войска. Вы поручили бы операцію надежному, ловкому человѣку... Ужь, конечно, сами бы не поѣхали.

— Куда мнѣ! старъ, хилъ сталъ.

— Я все уладилъ бы, я служилъ бы вамъ, какъ вашъ приказчикъ, вашъ повѣренный, вашъ сынъ. Мы, съ батюшкой, вамъ и родителю вашему столько обязаны. Все, что онъ имѣетъ, все, чѣмъ я только пользуюсь—имя, чинъ, мѣсто, этотъ крестъ, все ваше даяніе. Вѣрьте, Сергѣй Семенычъ, имя ваше и вашего родителя въ молитвахъ моихъ идутъ рядомъ съ именемъ отца моего. Развѣ забуду ваши благодѣянія, когда сердце перестанетъ биться.

Опенкинъ-сынъ говорилъ такъ трогательно. На рѣсницахъ его заблистали слезы, выкатившіяся со дна его взволнованной души — чистѣйшіе перлы, на которые ангелы... тьмы, вмѣстѣ съ папенькой, смотрѣли съ умиленіемъ.

Патокинъ былъ тронутъ и началъ колебаться.

Самсонъ Елизаровичъ спѣшилъ воспользоваться благопріятною минутой; онъ просилъ его для конфиденціальной бесѣды перейти въ другую комнату, гдѣ не могли бы ихъ потревожить.

Перешли въ кабинетъ. Начались разсчеты: они казались ясны, выводы вѣрны. Сергѣй Семеновичъ принужденъ былъ сознаться, что поставка хлѣба, по предположенной казною цѣнѣ, чрезвычайно выгодна, а продажа его иностранцамъ, по шаткости времени, опасна; можетъ быть, правительство запретитъ и вывозъ изъ Россіи.

— Но ты знаешь, Елизаръ Самсонычъ, — сказалъ онъ,—что хлѣбъ нашъ горячо торгуютъ иностранцы, пожалуй, и задатки уже взяты; тогда всѣ наши хлопоты будутъ напрасны.

— Мы это, авось, обдѣлаемъ; я самъ берусь ѣхать на мѣсто.

— Хорошо, а фабрика...

— Останется на рукахъ Джонса.

Патокинъ посмотрѣлъ съ изумленіемъ на Опенкина-отца.

— Вы знаете его честность и усердіе.

— Все это очень хорошо... но какъ же однофамилецъ твой, комиссіонеръ, будетъ имѣть съ тобою дѣло?

— Я угадывалъ прежде, что вы сдѣлаете мнѣ этотъ вопросъ. Вы дадите довѣренность на подрядъ Пестрикову.

— Человѣкъ надежный.

— А мнѣ другую. Въ ней скажете, что я уполномоченъ принимать отъ него деньги, уплачивать по разсчетамъ и воленъ смѣнить его во всякое время въ случаѣ, если замѣчу его неисправность и ущербъ вашимъ интересамъ.

— Прекрасно.

— Припасемъ немедленно залоги, составимъ нужные акты въ Москвѣ, и тогда я отправлюсь въ южные порты. Между тѣмъ пошлемъ сейчасъ эстафету къ Пестрикову остановить запродажу хлѣба иностранцамъ. Дома и лавки въ Луковкахъ, домъ въ Москвѣ, Красное-сельцо...

— Ты предлагаешь мнѣ самоубійство, Елизаръ Самсонычъ. Скорѣй заложу себя. Почему-жь не фабрики? Останутся послѣ моей смерти, сыну не быть фабрикантомъ.

— Ну, такъ обойдемся безъ Краснаго-сельца; на домъ вашъ въ Москвѣ и въ Луковкахъ возмемъ залоги; крупчатка ваша...

— Не могу, она не моя, Маѳы Михайловны; ты знаешь, куплена на ея имя... хотя бъ она согласилась, я не соглашусь...

— Дадутъ добрые люди подъ ваше имя залоги въ Луковкахъ, въ Москвѣ.

— Но ты знаешь сроки луковскихъ...

— Вы хотите сказать, луковскихъ долговъ. Можно говорить объ нихъ при сынѣ, потому что они всѣ въ карманѣ его.

— Какъ это?... въ карманѣ? я не понимаю...

— Мы готовили вамъ сюрпризъ...

— Мы съ батышкой,—перебилъ Опенкинъ-сынъ,— позаботились васъ успокоить на этотъ счетъ: луковскіе ваши долги принялъ я на себя.

Смущеніе и удивленіе все болѣе и болѣе выступали на лицѣ Патокина.

— То есть, какъ?... спросилъ онъ.

— Извините, что не предупредили васъ во время. Разскажу вамъ искренно, какъ это случилось. Лѣтъ пять, шесть тому назадъ я взялся быть адвокатомъ по одному важному, спорному дѣлу. Въ случаѣ проигрыша нѣсколько тысячъ десятинъ должны были отойдти отъ владѣльца...

— Я говорилъ вамъ объ этомъ счастливомъ случаѣ,—сказалъ Опенкинъ-сынъ.

— Можетъ быть, не помню хорошо.

— Тогда, за неправильное пользованіе этою землею нѣсколько десятковъ лѣтъ проигравшая сторона должна была заплатить своему сопернику огромную сумму.. я выигралъ это дѣло моему довѣрителю и былъ щедро награжденъ за свои труды. Потомъ... вы знаете, когда счастіе, или несчастіе посѣтитъ человѣка, такъ то и другое валитъ, какъ снѣгъ на голову. Одна благородная, богатая старушка... Сизикова... можетъ быть, вы объ ней слыхали?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я завѣдывалъ долго ея дѣлами, управлялъ домомъ... ухаживалъ за больною, покоилъ, лелѣялъ ее, какъ сынъ... Злые языки, клеветники, большею частью ея наслѣдники, говорили, Богъ знаетъ что... Помилуйте, старушка изсохшая, какъ пергаментъ, еле жи-

вая... Умирая, она оставила мнѣ по духовной всѣ свои наличныя деньги. На рукахъ у меня очутился значительный капиталъ. Не зная, что съ нимъ дѣлать, я просилъ батюшку научить меня, куда отдать эти деньги, какое сдѣлать имъ назначеніе... Онъ указалъ мнѣ на васъ, и тогда луковскіе ваши долги въ разное время скуплены мной и переведены на мое имя...

— Ужь подлинно сюрпризъ, отъ котораго не могу придти въ себя.

— Я просилъ батюшку не увѣдомлять васъ объ этой сдѣлкѣ до того времени, какъ наступятъ сроки платежа и я самъ лично буду имѣть честь засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, благодарить васъ за все, что вы и вашъ родитель, достойной памяти, сдѣлали для насъ... Отецъ мой и я разсчитывали, что вамъ пріятнѣе, спокойнѣе имѣть дѣло съ близкими людьми, одолженными, помнящими ваши благодѣянія, чѣмъ съ луковскими купцами, которые дерутъ съ васъ жидовскіе проценты.

— Могу только благодарить васъ.

— Сроки, какъ вы говорите, по векселямъ наступаютъ; по моему, они ужь наступили... Чтожь за бѣда! Просрочите мѣсяцы, годъ, два, я не буду васъ безпокоить, пока не оборотитесь своими дѣлами. Проценты мы положимъ небольшіе...

Живчикъ сильно забился на лицѣ папеньки. Ужь не слишкомъ ли далеко простиралъ сынъ свои обѣщанія, Впрочемъ, подумалъ онъ для своего успокоенія, это все одни слова, а не письменное обязательство.

— Повѣрьте,—продолжалъ Опенкинъ-сынъ,—я не интересанъ, въ деньгахъ не нуждаюсь, человѣкъ холостой, получаю хорошее жалованье, не скрою отъ васъ, имѣю по службѣ свои выгоды... И батюшка, по милости вашей, не нуждается въ моей помощи; деньги мои въ вѣрныхъ рукахъ, чего-жь мнѣ больше? Кон-

чится наша операція благополучно, съ выгодами, которыя ожидаю для васъ, уплатите мнѣ тогда изъ нихъ, что можете, не стѣсняя себя. Впрочемъ... долженъ сдѣлать оговорку... если мои надежды на васъ по этой операціи не сбудутся, если вы откажетесъ отъ нея, извините... кто себѣ врагъ?... я долженъ буду искать другого подрядчика, можетъ быть, и самъ возьмусь, какъ это дѣлается иногда у насъ... и тогда вынужденъ буду... со всѣмъ прискорбіемъ моимъ... просить объ уплатѣ по векселямъ...

Патокинъ, ошеломленный такимъ трогательнымъ изъясненіемъ и доказательствомъ дружбы, могъ только, въ знакъ благодарности, пожать руку Опенкину-сыну. Ему давали передышку въ уплатѣ долговъ, это ужъ было много для него. Медоточивыя рѣчи кредитора совершенно его побѣдили.

Оставалось ему сказать:—Вы дѣлаете мнѣ великое одолженіе; надѣюсь на снисхожденіе ваше.

— Ты, Самсоша, показалъ бы векселя, они всѣ въ порядкѣ.

— Не сомнѣваюсь; впрочемъ, если вамъ угодно...

Акты одинъ за другимъ, были поданы должнику. Онъ небрежно пересмотрѣлъ ихъ, потомъ взялъ счеты, повѣрилъ капиталы и проценты...

— Почти сто тысячъ въ однѣ руки!...

Патокинъ, казалось, растерялся; минуты съ двѣ глаза его остановились на счетныхъ косточкахъ, обнаружившихъ такую огромную цифру. Никогда не приходило ему въ голову основательно повѣрить свои долги. Онъ находился въ такомъ положеніи, въ какомъ находится зарвавшійся игрокъ, передъ которымъ банкометъ подвелъ итогъ всѣхъ цифръ, записанныхъ на него въ безпорядкѣ по разнымъ мѣстамъ зеленаго сукна. Однакожъ, онъ скоро оправился и повторилъ, что надѣется на снисхожденіе.

— Помилуйте, я отъ своего честнаго слова не отступлюсь, а, въ доказательство, что васъ не потревожу требованіемъ уплаты, я здѣсь, на заемныхъ письмахъ, надпишу, что получилъ проценты впередъ... за какой срокъ вамъ угодно...

Опенкинъ-отецъ испугался не на шутку.

— Извините — сказалъ Сергѣй Семеновичъ съ неудовольствіемъ,—я такого рода подарковъ ни отъ кого не принимаю.

— Я и не хотѣлъ васъ дарить, — возразилъ Опенкинъ сынъ,—а желалъ только удостовѣрить васъ, что мои слова не на вѣтеръ пущены. Впрочемъ сочтите проценты и назначьте сами, какіе вамъ угодно.

— Менѣе десяти я не плачу.

— Довольно съ меня и восьми.

Обмѣнялись рукопожатіями, сочли проценты.

— Такъ какъ вы ужь рѣшились на хлѣбную операцію...

— Да, я *долженъ* рѣшиться.

Слово *долженъ* произнесъ Патокинъ, какъ бы человѣкъ, настигнутый у берега рѣки разбойниками, которому остается одно средство спасенія — броситься въ воду, и пуститься вплавь,—будь, что будетъ!

— Такъ вы потрудитесь съѣздить съ нами въ Москву для совершенія актовъ, о которыхъ говорилъ отецъ мой. Признаюсь вамъ, мѣшкать долго не могу... время дорого. Мнѣ кажется, я отсюда слышу ужь пушечные выстрѣлы... Позвольте попросить васъ... вы меня много обяжете, если завтра поутру...

— Ѣдемъ завтра поутру; но прежде и я долженъ попросить васъ...

— Можете мнѣ приказать.

Сергѣй Семеновичъ былъ смущенъ, точно школьникъ, пойманный надзирателемъ въ дурномъ поступкѣ, затрудняется въ признаніи, боясь, чтобы этотъ посту-

покъ не дошелъ до инспектора. Взглянувъ на Опенкина-сына своимъ добрымъ, мягкимъ взглядомъ, передъ которымъ смирился бы и звѣрь, онъ промолвилъ:— Прошу васъ не говорить объ этихъ долгахъ моей женѣ; они большею частью сдѣланы на устройство Краснаго-сельца, если хотите, на мои прихоти. Марѳа Михайловна объ нихъ не знаетъ. Такъ-ли Елизаръ Самсонычъ?

Опенкинъ-отецъ приложилъ перстъ къ губамъ и сдѣлалъ головой отрицательный знакъ.

— Честное слово, — отвѣчалъ Опенкинъ-сынъ, — такъ подрядъ-съ?

Ударили по рукамъ съ тѣмъ, чтобы Сергѣй Семеновичъ переговорилъ еще объ этомъ подрядѣ съ Марѳой Михайловной, безъ которой,—говорилъ онъ, — ни на что окончательно рѣшиться не можетъ.

— Теперь мнѣ легче, мнѣ кажется, камень съ меня свалился,—сказалъ Самсонъ Елизаровичъ,—я исполнилъ свой долгъ по службѣ и долгъ благодарности передъ вами и достойнымъ памяти родителемъ вашимъ.

Тронутый Патокинъ открылъ свои объятія и принялъ въ нихъ добрѣйшаго человѣка, посланнаго ему самимъ небомъ въ самый развалъ его трудныхъ обстоятельствъ.

Раздался звонокъ къ обѣду. Опенкинъ-отецъ шепнулъ что-то сыну.

— Я задержу васъ на одну минуту,—сказалъ Самсонъ Елизаровичъ Патокину,—есть у меня до васъ покорнѣйшая просьба.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Нынѣ, по утру, служащій на вашей фабрикѣ англичанинъ разыгралъ при мнѣ непріятную сцену съ отцомъ моимъ. Сказаны были грубыя, обидныя слова, отъ которыхъ страдаетъ честь моего старика. Въ лицѣ его я глубоко оскорбленъ и, еслибъ этотъ масте-

ровой не жилъ у васъ, я раздѣлался бы съ нимъ по своему.

— Извините, Джонсъ не мастеровой, а ученый механикъ. И съ простымъ мастеровымъ англичаниномъ раздѣлка повела бы къ большимъ непріятностямъ. Изъ чего-жь все это случилось?

— Бракуетъ цѣлую партію хлопка, — подхватилъ Елизаръ Самсоновичъ,—изъ того, что какой-нибудь десятокъ пудовъ поврежденъ. Я-то чѣмъ виноватъ? Честный, усердный человѣкъ Джонсъ, но заупрямится, такъ всегда хочетъ на своемъ поставить, а отъ его каприза работы на фабрикѣ могутъ остановиться.

— Вы, конечно, — присовокупилъ Самсонъ Елизаровичъ, — не рѣшились бы такъ оскорбить своего послѣдняго слугу.

— О! Джонсъ горяченекъ и слишкомъ уже аккуратенъ. Я сейчасъ напишу ему, я ему замѣчу.

Патокинъ взялъ листокъ бумаги и написалъ по-англійски: «Любезный другъ Джонсъ, вы дѣлаете затрудненія въ пріемѣ полученной изъ Мосвы хлопки. Я прошу васъ принять ее для меня, ради нашей дружбы. Опенкина мнѣ теперь нужно поберечь. Онъ мнѣ необходимъ по одной важной хлѣбной операціи. Посылаю его въ южные порты на нѣсколько мѣсяцевъ, а вы примете на себя управленіе фабрикой до возвращенія его. Надѣюсь, вы въ обоихъ случаяхъ не откажетесь одолжить преданнаго вамъ душою

С. Патокина.

Письмо послано съ нарочнымъ.

За обѣдомъ Опенкинъ-сынъ, какъ почетное лицо, сидѣлъ между Маѳоой Михайловной и Дуней. Первая сдѣлалась теперь привѣтливою, любезною хозяйкой и старалась, какъ свѣтская женщина, исполнить долгъ гостепріимства, къ которому пріучила ее московская жизнь. Она всячески занимала своего гостя; Дуня, съ

своей стороны, ей въ этомъ помогала. Но свѣтскій разговоръ съ комиссіонеромъ не клеился. — Женщины не по моей части,—говаривалъ онъ,—я знаю въ нихъ толкъ, когда могу оцѣнить ихъ серебро, брилліанты; а женщина сама по себѣ въ такомъ случаѣ идетъ только въ придачу. — Мудрецъ, геній по денежнымъ оборотамъ, оказался жалкимъ школьникомъ, ненаходчивымъ, неловкимъ въ бесѣдѣ съ хозяйкой и ея воспитанницей. Умъ, чувство,—все было въ немъ разсчетъ. На Марѳу Михайловну онъ имѣлъ виды для своего подряда, и потому былъ къ ней особенно почтителенъ и находилъ еще нѣсколько словъ для разговора съ нею, но Дунѣ отвѣчалъ очень лаконически и даже небрежно. Замѣтивъ, однакожъ, исподлобья ея привлекательную наружность, онъ тотчасъ сдѣлалъ ей оцѣнку и подвелъ слѣдующій итогъ: «товаръ, дескать, на видъ хоть и хорошъ, но извлечь изъ него нельзя и гроша. Бѣдная сирота, пріемышъ! Что можетъ дать за нею Патокинъ, запутавшійся въ долгу, какъ въ шелку? Ровно ничего. Умъ, образованіе ея не принесутъ никакого дохода. Этотъ балластъ выкинуть хоть въ первый день брака!»

Дуня почувствовала къ комиссіонеру отвращеніе, которое не могла скрыть въ разговорѣ наединѣ съ Марѳой Михайловной.—Не хорошъ собою Лебединскій, очень не хорошъ, но сравнивая, ихъ, находишь его красавцемъ передъ этимъ господиномъ.—Отецъ и сынъ не похожи лицомъ другъ на друга,—говорила она,—но замѣтили ли вы, какое поразительное сходство въ ихъ физіономіяхъ, въ ихъ рѣчахъ. То же двойное зрѣніе, та же боязнь обнаружить себя, то же лукавство, какимъ отличается и папенька. Для какого-жь дѣла пріѣхали они сюда?

— Отецъ привезъ показать намъ своего сынка съ крестомъ на шеѣ. Чудакъ! пріѣхалъ въ деревню съ

кавалеріей!... Кого же онъ думаетъ удивить? Развѣ мужиковъ! А, можетъ быть, и по дѣламъ хлѣбнымъ. Сергѣй Семенычъ такъ довѣрчивъ... боюсь, чтобы папенька и сынокъ не завлекли его въ свои сѣти.

Къ ночи, когда гости ушли на ночлегъ въ отведенное имъ отдѣленіе и супруги остались одни, Сергѣй Семеновичъ разсказалъ женѣ о намѣреніи своемъ взять хлѣбный подрядъ въ казну, всѣ значительныя выгоды, которыя отъ него можно получить, напугалъ его совершеннымъ разореніемъ, если хлѣбъ запродастся иностранцамъ, а порты будутъ осаждены непріятелемъ, передалъ ей, кому онъ поручаетъ это дѣло и подъ чьимъ надзоромъ.

— Пестрикова я знаю,—говорила она, — человѣкъ честный и, кажется, намъ преданный, но къ чему тутъ Самсонычъ? Чтобы ни говорилъ ты, а онъ плутъ, какихъ свѣтъ мало производилъ.

— Это всегдашняя твоя пѣсня. Не Самсонычъ, такъ другой на его мѣстѣ щечился бы также. Чтожь онъ нажилъ въ свою жизнь? Какой-нибудь десятокъ тысячъ! И то отдавая въ ростъ деньги подъ ручные залоги—ты сама это хорошо знаешь. Если онъ пользовался отъ насъ крохами, ломти намъ доставались.

— Напротивъ, я думаю, что крохи намъ достаются, а ломти ему. Всегда такіе негодяи умѣютъ прикидываться бѣдняками. Улитку не узнаешь, съ рожками ли она, или безъ рожекъ, пока она въ своей раковинѣ. Да и сынокъ не нравится мнѣ; боюсь, чтобъ онъ не надулъ тебя. Не могу довѣрять людямъ, которые смотрятъ исподлобья.

Сергѣй Семеновичъ махнулъ рукой.

— Никому не вѣрить, такъ лучше бросить всѣ дѣла. Впрочемъ, я далъ рѣшительное слово, и ты уложишь меня, если помѣшаешь подряду, который посылаетъ намъ Богъ въ нашихъ обстоятельствахъ. По-

думай, я долженъ десятки тысячъ въ Англіи за хлопокъ, долженъ по заподрядамъ хлѣба въ южныхъ губерніяхъ; надо, во чтобы ни стало, выручить эти деньги... Помни, если непріятель... мы въ конецъ разорены, сынъ останется послѣ насъ безъ куска хлѣба... Пеняй тогда на себя.

Этотъ аргументъ сильно подѣйствовалъ на Марѳу Михайловну. Она была побѣждена.

— Такъ рѣшайся,—сказала она,—но будь осторожнѣй. Помни и ты, не совѣтую, но послѣ того, что ты мнѣ сказалъ, не хочу быть въ отвѣтѣ. Дѣлай, какъ знаешь, тебѣ лучше извѣстны дѣла торговыя и политическія.

На другой день, по утру, Опенкинъ-сынъ, вставая съ своего мякаго, пружиннаго ложа, признался отцу, что онъ давно такъ сладко не спалъ.—Воля ваша, батюшка, а хорошо быть красносельскимъ бариномъ, спишь себѣ и безъ персидскаго порошку, отъ котораго у меня всегда дурманъ въ головѣ. А какъ вы думаете? Сергѣй Семенычъ не отступится отъ своего слова?

— Никогда, — сказалъ отецъ, — хоть бы пришлось ему выдержать баталію съ супругой; слабый человѣкъ, но когда дѣло дошло до чести, онъ готовъ идти на чорта... прости, Господи, мои прегрѣшенія!

Опенкинымъ, за завтракомъ, объявлено объ окончательномъ согласіи на подрядъ, и немедленномъ отъѣздѣ въ Москву. Марѳа Михайловна хранила угрюмое молчаніе, но вспомнивъ, что отъ этого подряда зависитъ благосостояніе сына, преодолѣла себя и ласковымъ голосомъ просила Елизара Самсоновича наблюсти за интересами дома Патокиныхъ, даже подала ему руку, какъ въ былое время, когда онъ, по дѣлу съ луковскимъ городничимъ, такъ хорошо исполнилъ въ губернскомъ городѣ ея порученіе.

— Поберегите и вы насъ,—промолвила она, обра-

тясь къ Самсону Елизаровичу,—увидите сына, скажите ему, что мы живы, здоровы... Когда-то мы съ нимъ увидимся?...

У этой женщины, обыкновенно твердой, пресѣкся голосъ отъ слезъ.

— Елизаръ Самсонычъ, если понадобятся ему деньги, давайте, сколько потребуетъ.

Экипажи были ужь поданы къ крыльцу. Между тѣмъ Сергѣй Семеновичъ улучилъ нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобы пройтись еще по саду своей Аркадіи. Дуня, увидавъ изъ окна, что онъ возвращается, поспѣшила къ нему на встрѣчу. Патокинъ былъ необыкновенно грустенъ. Она схватила его руку, крѣпко, нѣжно поцѣловала ее. Не укрылось отъ него, что горячія слезы упали на эту руку. — Я ничего не понимаю въ дѣлахъ торговыхъ,—сказала она,—можетъ быть, подрядъ, который вы берете, очень выгоденъ; но позвольте, мой благодѣтель, мой второй отецъ, мой другъ, сказать вамъ: не забудьте словъ вашей матери, когда она умирая завѣщала вамъ быть осторожнѣе съ Опенкинымъ. Теперь ихъ *два* Опенкина. Тамъ, вдали отъ васъ, съ клевретами ихъ, можетъ статься, будетъ ихъ цѣлый легіонъ.

Сергѣй Семеновичъ обнялъ ее, прижалъ ея голову къ своей груди, долго, долго продержалъ ее такъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

— Да, другъ мой, дитя мое, безцѣнный мой изумрудный-крестикъ; не знаю отъ чего, отъ болѣзни ли, можетъ быть отъ предчувствія, сердце у меня сильно замираетъ, будто стоишь на высокой колокольнѣ и чувствуешь, что перила, на которыя опираешься, того и гляди обломятся. Никогда въ жизнь мою не было со мною такой невыносимой тоски. Прошелся по саду... все такъ пасмурно глядитъ; деревья осыпали меня своимъ желтымъ листомъ, все въ природѣ уми-

раетъ. Придется-ли мнѣ еще увидѣть этотъ садъ въ весенней красѣ?...

— Зачѣмъ такія черныя мысли? Если вы боитесь за подрядъ, есть еще время отказаться... пользуйтесь минутами.. рѣшайтесь... откажитесь...

Дуня проговорила это съ необыкновенною твердостью, какъ бы вызывая своего воспитателя на такое же чувство.

— Нѣтъ, другъ мой,—сказалъ Патокинъ, покачавъ грустно головой, — поздно!... Мои обстоятельства таковы, что мнѣ надо рисковать. Никто въ нихъ не виноватъ, кромѣ меня самого. Благодарю Бога, что сынъ не въ меня. Прости, дитя мое, что я тебя огорчилъ. Полно... поручимъ себя милосердному Отцу... Меня ждутъ *мои товарищи*... (Горько произнесъ онъ послѣднія два слова). На прощанье перекрести меня.

Благоговѣйно перекрестила она его и потомъ поцѣловала въ глаза, мокрыя отъ слезъ.

Скоро послѣ того выѣзжали изъ Краснаго-сельца экипажи, уносившіе Патокина съ его *товарищами* и съ ними его судьбу.

Черезъ два часа послѣ ихъ отъѣзда пріѣхалъ въ Красное-сельцо Джонсъ. Съ помощью Дуни, онъ разсказалъ Марѳѣ Михайловнѣ о продѣлкахъ Опенкина съ хлопкомъ и о многихъ другихъ на фабрикѣ и объявилъ ей, что долженъ разстаться съ Сергѣемъ Семенычемъ.

— Переведите, миссъ Дуня, это письмо,—сказалъ онъ, подавъ ей письмо, только-что полученное имъ отъ Патокина, и когда оно было переведено, спросилъ Марѳу Михайловну, можно ли послѣ того оставаться долѣе на службѣ у такого слабаго, безхарактернаго человѣка, какъ ея супругъ.

— Нѣсколько писемъ получилъ я изъ Англіи отъ своего старшаго брата. Онъ богатъ, вдовецъ, бездѣтенъ, близкихъ родныхъ у него нѣтъ. Требуетъ, чтобы

я пріѣхалъ къ нему для утѣшенія его въ старости. Мнѣ легче будетъ умирать, пишетъ, когда я буду знать, что твоя рука закроетъ мнѣ глаза. До сихъ поръ я не говорилъ вамъ объ этихъ письмахъ. Признаюсь вамъ, я васъ всѣхъ такъ люблю, такъ уважаю... мнѣ жаль было оторваться отъ здѣшнихъ мѣстъ... Но теперь вижу, я здѣсь болѣе не нуженъ... Не могу долѣе терпѣть мошенничества съ одной стороны и слабодушія съ другой... не хочу видѣть вашего разоренія...

Марѳа Михайловна умоляла его остаться, не покидать ихъ въ такое время, когда онъ такъ нуженъ имъ, доказать имъ теперь свою дружбу. — Вы одинъ честный человѣкъ, который остается при насъ,—прибавила она.—Мы безъ васъ пропали... Подумайте, на чьихъ рукахъ оставите фабрику; надо будетъ ее закрыть.

Джонсъ былъ неумолимъ. Тогда Марѳа Михайловна, зная вліяніе Дуни на англичанина, поручила ей уговорить его.

Дуня пригласила Джонса въ садъ и разсказала ему, что говорила своему воспитателю, прощаясь съ нимъ, и что онъ ей сказалъ.

— Другъ мой Джонсъ, неужели послѣ того, что я вамъ передала, вы будете такъ жестоки, что оставите насъ? Пожалѣйте Сергѣя Семеныча, этого добраго человѣка. Онъ васъ такъ любитъ. Не судите его строго. Должны быть у него дѣла, которыя онъ скрываетъ отъ насъ. Вѣроятно они держатъ его въ нѣкоторой зависимости отъ Опенкина. Докажите, что вы любите насъ, что вы любите меня.

И взяла его Дуня за руку и взглянула на него такимъ нѣжнымъ, умоляющимъ взглядомъ.

Джонсъ растерялся.

— О! не смотрите такъ на меня, миссъ Дуня, вашими чудными глазами. Люблю васъ, какъ родную се-

стру и не долженъ васъ любить другою любовью. Чего не сдѣлаю для васъ? Велите мнѣ броситься въ огонь, пролить для васъ послѣднюю каплю крови, я отдамъ вамъ кровь свою, свою душу.

Никогда Джонсъ не говаривалъ Дунѣ съ такимъ жаромъ. Она испугалась этой нежданной рѣчи и отняла свою руку.

— И не должны вы любить меня другою любовью. Это было бы несчастіе для меня и для васъ.

— Да, это было бы безуміе съ моей стороны. Ради Бога не сердитесь на меня; не знаю самъ, какъ я увлекся... Простите меня.

— Такъ чтожь, мой добрый, милый Джонсъ, мой старшій братъ, остаетесь?

— Остаюсь. Могу ли вамъ въ чемъ отказать? Но не забудьте моихъ словъ: господинъ Патокинъ увлеченъ своею судьбою; Опенкинъ погубитъ его. Дай Богъ, чтобъ я въ этомъ случаѣ не былъ пророкомъ, чтобы слова мои не сбылись. Если жь Господь наложитъ на васъ свою руку, помните также, что у васъ есть преданный человѣкъ, по имени Джонсъ. Обратитесь тогда къ нему, и гдѣ бы онъ ни былъ, онъ сейчасъ явится къ вамъ на помощь.

Англичанинъ объявилъ Маріѣ Михайловнѣ, что остается.

Черезъ нѣсколько дней возвратился Патокинъ домой. Довѣренность, какую желалъ имѣть Опенкинъ-отецъ, ему выдана; залогами, достаточными для предполагаемаго подряда, онъ снабженъ и укатилъ вмѣстѣ съ сыномъ на югъ. Съ этого времени Сергѣй Семеновичъ сталъ часто впадать въ глубокое уныніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Владиміръ Патокинъ нашелъ свой полкъ на походѣ къ берегамъ Дуная. Командиръ полка, служившій нѣкогда подъ начальствомъ генерала Огрызкова, былъ уже предупрежденъ въ пользу молодого человѣка письмомъ своего бывшаго начальника и потому принялъ новобранца очень ласково. На первыхъ же порахъ, чтобы избавить его отъ трудовъ пѣшехожденія, предложилъ ему одну изъ своихъ верховыхъ лошадей.

— Она у меня лишняя,—говорилъ командиръ,—и если вамъ понравится, вы, пожалуй, можете купить ее для будущаго своего офицерства.

— Вѣроятно, прочіе унтеръ-офицеры идутъ пѣшкомъ во время похода,—отвѣчалъ молодой Патокинъ.—Благодарю васъ за ваше вниманіе и снисхожденіе, но если я воспользуюсь ими, то какими глазами будутъ смотрѣть на меня мои товарищи, когда они будутъ идти по щиколодки въ грязи, а я стану гарцовать передъ ними на конѣ и обрызгивать ихъ грязью? Я, какъ унтеръ-офицеръ, далъ себѣ слово нести свою обязанность наравнѣ съ другими рядовыми и не позволю себѣ ничего, чего они не могутъ себѣ позволить. Я не избалованный барскій сынокъ, воспитанный въ хлопкахъ; здоровье мое, благодаря Бога, крѣпко, и

потому не считаю за тягость исполнять то, что другіе, и постарше меня лѣтами и службой, выполняютъ. Впрочемъ, если лошадь у васъ лишняя, я куплю ее для будущаго офицерства.

На этомъ буцефалѣ сталъ гарцевать Парфенъ съ походнымъ имуществомъ своего барина. Самъ же баринъ продолжалъ идти пѣшкомъ съ прочими рядовыми и несъ съ ними наравнѣ всѣ тяжести походной жизни.

Офицеры дружески приняли его въ свой кругъ. Они помнили, что въ ихъ полку, еще не очень давно, служилъ богатый купеческій сынокъ, также унтеръ-офицеръ, который бросалъ по пятидесяти цѣлковыхъ пѣсенникамъ, качавшимъ его на рукахъ, закуривалъ трубку кредитками, билъ на пропалую жидовъ и платилъ имъ за мировую большія деньги, приглашалъ врача лечить его отъ простуды, которую онъ будто получилъ, промочивъ ноги въ шампанскомъ. За то дошелъ до того, что, ставя къ званому завтраку нѣсколько дюжинъ бутылокъ подъ фирмою мадамъ Клико, могъ только предложить на брата по тощей котлеткѣ, потому что вино отпускали ему изъ погреба въ кредитъ, а съѣстное мясники ужь въ долгъ не давали. Окурилъ-ли онъ свои проказы порохомъ — врядъ-ли; такіе господа, храбрые только съ бутылкой въ рукѣ, не любятъ его. Нѣкоторые думали найти въ Патокинѣ подобнаго распашнаго малаго, и крѣпко ошиблись. Приглашаемый на ихъ пирушки,онъ не пилъ болѣе одного, двухъ бокаловъ, и у себя, дома, предлагалъ очень скупое число бутылокъ. Карты были единственнымъ развлеченіемъ офицерскаго кружка; Володя до картъ не дотрогивался, говоря, что не умѣетъ различать валета отъ короля. Онъ не старался приноравливаться къ чужимъ понятіямъ и вкусамъ, да и не навязывалъ имъ своихъ.

. . . . . .

Патокина прозвали они *ученымъ*, что значило у нихъ никуда негоднымъ.... Не любя угощать офицеровъ, онъ былъ, однакожъ, щедръ на приварокъ для солдатъ одного съ нимъ взвода и умѣлъ своимъ обращеніемъ и бесѣдами съ ними снискать ихъ любовь. Иногда, по просьбѣ ихъ, писалъ подъ диктовку задушевныя письма къ ихъ роднымъ и вкладывалъ въ эти посланія для нарядовъ женѣ собственную синюю кредитку, а у кого были дѣти и десятирублевую. Отличный стрѣлокъ по милости своего дядьки Парфена, онъ обучилъ и солдатъ не терять понапрасну зарядовъ. Командиръ отряда, по прибытіи полка въ дѣйствующую армію, успѣлъ замѣтить его во время разныхъ стычекъ съ непріятелемъ на берегахъ Дуная. Особенно въ одной ночной экспедиціи, куда молодой Патокинъ былъ отряженъ за офицера съ нѣсколькими десятками солдатъ и гдѣ долженъ былъ застать врасплохъ непріятельскій пикетъ и срѣзать его, онъ отличился своею отвагой и благоразуміемъ. За это дѣло получилъ онъ солдатскій георгіевскій крестъ. . . . . .

Одинъ изъ адъютантовъ командира отряда, искусный грамотѣй и дѣлецъ, безнадежно заболѣлъ. Узнавъ, что Патокинъ кончилъ курсъ въ университетѣ, генералъ сталъ употреблять его для корреспонденціи съ высшимъ начальствомъ и даже по суднымъ дѣламъ. Прочіе адъютанты, и особенно аудиторъ, косо смотрѣли на Патокина и, когда онъ обратился къ нимъ съ просьбой указать ему нѣкоторыя обрядности дѣловыхъ бумагъ, сухо отвѣчали, что если кто взялся за дѣло, такъ долженъ его знать, а указкой ему не намѣрены быть. Съ своей стороны генералъ отзывался, что всѣ бумаги, составленныя Патокинымъ, читаетъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ. — Что иной размажетъ на страницахъ, то онъ скажетъ въ нѣсколькихъ строкахъ дѣльно, ясно, полно такъ, что ни прибавить, ни уба-

вить въ нихъ ничего не нужно. Генералъ ставилъ его въ примѣръ другимъ адъютантамъ, особенно многоглаголивому аудитору. Съ этого времени онъ приблизилъ Патокина къ себѣ, оказывалъ ему при всѣхъ особенное вниманіе и вскорѣ, желая сдѣлать сюрпризъ своему любимцу, представилъ его, секретно отъ своей канцеляріи, за отличіе въ офицеры. Кстати истекалъ шестимѣсячный срокъ его унтеръ-офицерства. Между тѣмъ одинъ смѣлый отвѣтъ Патокина разстроилъ эти пріятныя отношенія.

Нерѣдко начальникъ отряда приглашалъ къ себѣ на чай или бивуачный обѣдъ, по выбору, своихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ. Домашній его секретарь и будущій адъютантъ, какъ онъ называлъ Патокина, хотя и унтеръ-офицеръ, обыкновенно находился въ этомъ кругу. Генералъ любилъ разсказывать о своей прежней боевой жизни и подвигахъ русскихъ солдатъ, которыхъ превозносилъ выше солдатъ другихъ народовъ. Разъ, въ подтвержденіе этого отзыва, передалъ онъ замѣчательный случай.

— При осадѣ Варшавы, — говорилъ онъ, — когда ослабѣвала уже битва, одному пѣхотному полку, довольно поработавшему около Воли, приказано было отойти за боевую линію. Командиръ полка, исполнивъ это приказаніе, отдыхалъ ужь въ кругу своихъ офицеровъ и солдатъ, уцѣлѣвшихъ отъ непріятельскаго огня. Кто изъ солдатъ стоялъ около него, опираясь на ружье, кто изъ нихъ, болѣе утомленный, лежалъ на землѣ. По усамъ и бакенамъ ихъ, нафабреннымъ порохомъ, видно было, что они въ этотъ день скусили не одинъ десятокъ патроновъ. Нашлись краснобаи, которые, вмѣсто отдыха, вели жаркую бесѣду о гренадерахъ, помявшихъ польскіе огороды съ пѣснею:—«Ахъ, на что жь было городъ городить, на что жь было капусту садить.» — Словами этими впослѣдствіе главно-

командующій встрѣчалъ иногда генерала П., начальника этихъ пѣсенниковъ. Слышались остроты на счетъ того и другого изъ товарищей, или непріятелей.

«— Гляньте-ка, братцы,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—занялась и корчма. Только-что приложились мы къ ней, какъ и отбой; не успѣли и жидовской водочки понюхать. А водка должна быть первый сортъ, варшавская, вольная, не то, что у насъ въ матушкѣ Россеѣ, пополамъ съ водицей.

«Полковой командиръ оглянулся: огоньки, то погасающіе, то опять вспыхивающіе, перебѣгали по гребню корчмы, стоявшей саженяхъ въ двухстахъ отъ мѣста, гдѣ онъ расположился съ своимъ полкомъ; непріятель оспаривалъ ее у нашихъ, ружейные выстрѣлы и крики сражающихся все еще отдавались съ этой стороны.

«— Эхъ, ребята,—сказалъ полковой командиръ,—горло пересохло отъ жару; куда какъ хорошо бы промочить глоткомъ водки.

«— Промочимъ, ваше высокоблагородіе, — отозвались голоса, — дозвольте только намъ отлучиться маленько. Кстати поработаемъ и выпьемъ за ваше здоровье.

«— Спасибо, молодцы, — успѣлъ только сказать полковой командиръ, какъ трое охотниковъ бросились по направленію къ корчмѣ.

«Черезъ четверть, полчаса что ли, одинъ изъ троихъ окровавленною рукою подалъ своему начальнику манерку съ водкой; двое не возвращались...»

Многіе изъ слушателей этого разсказа молчали, другіе стали выхвалять геройскій подвигъ солдатъ.

— А вы что думаете, мой будущій адъютантъ?— спросилъ генералъ, обращаясь къ Патокину, грустно поникшему головой.

— Солдаты были храбрецы, — отвѣчалъ онъ,—но

командиръ ихъ иначе назвать нельзя, какъ безчеловѣчнымъ. Когда люди его полка отдыхали и онъ не получалъ приказа посылать ихъ опять въ дѣло, этотъ черствый, бездушный человѣкъ, ради своей прихоти или молодечества, вздумалъ играть ихъ жизнью. Удивительно, какъ могъ онъ пить водку изъ окровавленныхъ рукъ; думаю, тѣни павшихъ солдатъ долго преслѣдовали его во снѣ.

Генералъ побагровѣлъ и поблѣднѣлъ.

— А что вы скажете,—спросилъ онъ ужь тономъ оскорбленнаго самолюбія,—когда я вамъ признаюсь, что полковой командиръ былъ,—я?

. . . . . .

Съ этими словами онъ отвернулся и сталъ отдавать приказанія по службѣ. Всѣ бывшіе въ палаткѣ, получившіе и не получившіе приказанія, спѣшили удалиться; молодой Патокинъ послѣдовалъ за ними.

Кончилась эта исторія тѣмъ, что онъ, за дерзкія слова начальству, просидѣлъ нѣсколько дней подъ арестомъ, и генералъ не требовалъ его болѣе къ себѣ.

Получивъ первый офицерскій чинъ по представленію генерала, молодой Патокинъ счелъ долгомъ явиться къ нему и благодарить его.

— Не за что,—сказалъ сухо командиръ отряда,—вы заслужили.

Объ адъютантствѣ не было ужь помину. Но черезъ нѣсколько времени, на походѣ при отступленіи отъ Силистріи, генералъ, повыше того, о которомъ шла до сихъ поръ рѣчь, слышавшій отъ кого-то похвальные отзывы о Патокинѣ, прислалъ за нимъ и предложилъ ему мѣсто адъютанта при себѣ.

— Я не изъ дворянъ,—отозвался Патокинъ,—а у вашего превосходительства прочіе адъютанты изъ аристократическихъ фамилій.

— Это мое дѣло, а не ваше,—отвѣчалъ генералъ,— мнѣ нужны помощники дѣловые, письменные, съ одною протекціею своего образованія и службы, а такимъ мнѣ васъ рекомендовалъ (такой-то), съ которымъ вы были на несчастномъ штурмѣ.

Оставалось Патокину благодарить за честь...

За осаду Силистріи Володя получилъ крестъ въ петлицу. Не было у него, по этому случаю никакихъ шумныхъ, наружныхъ изъявленій радости, никакихъ пирушекъ ни въ походной полаткѣ, ни въ трактирахъ городовъ, черезъ которые проходилъ корпусъ, въ которомъ онъ служилъ, на маршѣ изъ Турціи. Торжествовалъ онъ только въ душѣ *право* перескочить черезъ одну перегородку и съ нимъ побѣду надъ всѣми Хрюконовскими, Минервами своего рода и клубными старшинами. Болѣе же всего радовала его мысль, что успѣхи его по службѣ доставятъ нѣсколько радостныхъ часовъ отцу и матери.

— При первомъ удобномъ случаѣ,—думалъ онъ,—въ первомъ городѣ, гдѣ найду фотографа, закажу для нихъ портретъ свой въ адъютанскомъ мундирѣ, съ двумя знаками отличія, а другой въ унтеръ-офицерскомъ, съ солдатскимъ крестомъ — для моей милой, незабвенной Дуни. Въ этой простой, грубой амуниціи прощался я съ нею».

Можно вообразить, какой восторгъ произвело въ Красномъ-сельцѣ письмо Володи, въ которомъ онъ описывалъ всѣ замѣчательные случаи своей боевой жизни. Письмо это переходило изъ рукъ въ руки и было нѣсколько разъ прочитываемо. Отслужили благодарственное молебствіе въ храмѣ всенародно, молились и келейно. Молилась Дуня въ глубокую полночь, когда одинъ Богъ могъ слышать ея молитву за того, кого при всѣхъ называла братомъ, а въ душѣ другими, болѣе сладкими, именами. Въ этихъ молитвахъ она не просила

ничего для себя—все ему, здоровье, безопасность, радости, почести! А она ужь будетъ счастлива его счастіемъ.

Володя приписывалъ въ письмѣ къ матери:

«Скажи милой сестрѣ Дунѣ, что мысль о ней одушевляла меня во всѣхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ: я знаю, она не любитъ трусовъ. Поцѣлуйте ее крѣпко, крѣпко за меня.»

На этотъ разъ Марѳа Михайловна не имѣла духа ревновать къ своей воспитанницѣ и горячо исполнила порученіе сына.

Созваны сосѣдніе помѣщики на пиръ велій, много выпито шампанскаго въ честь виновника этого пира. Самъ Сергѣй Семеновичъ, ходившій до сихъ поръ пасмурный, глубоко озабоченный, понуривъ голову, повеселѣлъ. Какъ нарядна и хороша была Дуня въ этотъ день, точно обрученная съ милымъ ей человѣкомъ! Какъ шло къ ней любимое ея украшеніе—бѣлая роза въ черныхъ волосахъ! А любила она его, потому что Володя нѣсколько разъ восхищался этимъ нарядомъ. Какимъ огнемъ горѣли ея глаза изъ-подъ сѣтки длинныхъ рѣсницъ! Старики, приглашенные на пиръ, находили въ ея бесѣдѣ особенное удовольствіе, потому что она умѣла ихъ занять предметомъ разговора, приличнымъ ихъ лѣтамъ и вкусамъ. Молодые люди были очарованы ея красотой, любезностью и умомъ. Слышно было, что одинъ изъ нихъ, очень пріятной наружности, съ хорошимъ состояніемъ, образованный и неглупый, влюбился въ нее; но когда объявилъ отцу своему, что желаетъ просить ея руки, тотъ строго настрого приказалъ ему и не помышлять о такомъ неравномъ бракѣ съ луковскою мѣщанкой. Они и не подозрѣвали, что въ сердцѣ ея было другое, болѣе несокрушимое препятствіе—любовь къ Володѣ. Въ случаѣ согласія отца, молодой столбовой дворянинъ

получилъ бы навѣрно рѣшительный отказъ отъ мѣщанки.

Здѣсь позвольте мнѣ маленькое отступленіе отъ моего разсказа.

Я могъ бы, по примѣру нашихъ и не нашихъ романистовъ, заставить Дуню вести журналъ всѣхъ ея помышленій, чувствъ и приключеній до мельчайшихъ подробностей, но отказываюсь отъ такого рода уловокъ, изъ-за которыхъ всегда выглядываетъ настоящій ихъ авторъ, да и позволяю себѣ замѣтить, что этотъ путь сочинительства у насъ избитъ до приторности. Не прибѣгаю также въ этомъ случаѣ и къ перепискѣ съ какою-нибудь пріятельницей, потому что моя героиня съ того времени, какъ сама узнала о настоящихъ своихъ чувствахъ къ Володѣ, никому не повѣряла ихъ, кромѣ Бога. Если они и выглядывали въ короткой, дружеской перепискѣ съ Володей, такъ одинъ онъ могъ только читать ихъ своимъ сердцемъ между строками. Впрочемъ и то долженъ я сказать, что любовь эта не обильна была никакими яркими проявленіями, а я не хочу насильно притягивать ихъ въ мой разсказъ, чтобы въ немъ было побольше любви, какъ можно больше, да еще пикантной... Послѣ этой оговорки обращаюсь къ пиру

Веселились отъ души и крестьяне, для которыхъ также устроено было обильное угощеніе, пили, ѣли до отвалу, пѣли до осиплости, до упаду и разошлись по домамъ только съ пѣтухами. Многіе хлебнувъ черезъ край за здоровье молодого господина, едва могли, и то съ помощью заботливыхъ супругъ, дойти до своей избы; иные, съ которыми не могли сладить ихъ нѣжныя половины, въ безчувственномъ состояніи повалились, гдѣ попало, у изгородей и заворотней. Ужь и прославляли они господскій праздникъ. Мужику угощеніе не въ угощеніе, если онъ идетъ домой въ па-

мяти, здоровый, и на слѣдующій день не трещитъ у него голова отъ похмѣлья.

Володя получилъ письмо на походѣ изъ Бессарабіи въ Крымъ, гдѣ рукою Провидѣнія водружалась уже кровавая купель, въ которой Россія должна была омыться и изъ которой суждено ей было выдти преображенною.

На адресѣ письма онъ узналъ четкую, бойкую руку Дуни, писавшей обыкновенно адресы на письмахъ своихъ воспитателей, и съ сердечнымъ трепетомъ распечаталъ его.

Патокины писали сыну, что могли только писать счастливые, нѣжно любящіе отецъ и мать. Въ концѣ письма была приписка отъ Дуни:

«Много радостныхъ слезъ было пролито надъ твоимъ письмомъ, милый другъ и братъ. Сколько благодарныхъ молитвъ услышалъ Богъ съ того времени въ домѣ нашемъ и въ крестьянской избѣ! Говорю это не для фразы; ты знаешь, я не охотница до нихъ. Повѣрь, тебя любятъ и помнятъ всѣ въ Красномъ-сельцѣ. Добро, которое ты дѣлалъ тайно, не скрылось отъ меня: видишь, какъ я слѣдила за тобой. О себѣ скажу, сестра твоя Дуня была безъ ума отъ твоей приписки. Умѣлъ же ты найти для нея слова, которыя вскружили ей голову и наполнили сердце удовольствіемъ, никогда еще ею не испытаннымъ въ такой степени. О! Еслибъ ты зналъ, какъ я была горда и счастлива въ эти дни! Мамаша описывала тебѣ пиръ, заданный сосѣдямъ въ Красномъ-сельцѣ, въ честь твою. Повѣришь-ли? я внутренно такъ возгордилась, что воображала себя царицей этого праздника. Когда пили за твое здоровье съ желаніемъ тебѣ дослужиться до генерала и звѣзды, я едва удержалась, чтобы за тебя не отвѣсить гостямъ по поклону. Вотъ бы надѣлала бѣдъ!... Когда жь я выпила за твое здоровье цѣлый

бокалъ шампанскаго, не о генеральствѣ твоемъ, не о звѣздѣ думала, а молила Бога, чтобы онъ вынесъ тебя невредимо изъ всѣхъ опасностей войны, чтобы ты скорѣй возвратился къ намъ. Мамаша передала мнѣ твой поцѣлуй; онъ глубоко, навсегда сохранился въ сердцѣ моемъ. Пиши къ намъ, какъ возможно, чаще о себѣ и удѣли мнѣ въ письмахъ своихъ хоть по двѣ строчки. Это будетъ намъ вознагражденіемъ за все, что мы выстрадаемъ до полученія ихъ.

PS. По просьбѣ папаши генералъ Огрызковъ выхлопоталъ Лебединскому мѣсто уѣзднаго стряпчаго въ одномъ изъ городовъ нашей губерніи. Съ своею рѣзкою любовью къ правдѣ уживется-ли онъ тамъ долго?..

«Будешь въ Приморскѣ, справься по дѣламъ нашего папаши. Онъ взялъ подрядъ на продовольствіе войска, а завѣдываетъ всѣмъ Оненкинъ. Боюсь, чтобы Самсонычъ съ своимъ сыномъ, комиссіонеромъ, не воспользовались добротой его и не ввели его въ большія хлопоты по этому подряду. Папаша совершенно ввѣрился ему, какъ будто обвороженный имъ.

«Общій пріятель нашъ, Джонсъ, посылаетъ тебѣ свой сердечный поклонъ. Ахъ! еслибы всѣ окружающіе насъ были такъ честны и благородны, какъ онъ, нечего было бы опасаться за дѣла ваши».

Володя читалъ эту приписку не только по строкамъ, но, какъ я сказалъ, и между строкъ, и крѣпко призадумался надъ ней.

Въ Приморскѣ привезъ къ нему офицеръ, только что пріѣхавшій, другое, тяжеловѣсное письмо отъ Мишеля Суздалина. Давно не имѣлъ Володя объ немъ слуху, а онъ сильно дорожилъ его дружбою. Можно

судить, какъ онъ обрадовался вѣсти отъ него. Правда, было что и почитать въ этомъ письмѣ, или лучше сказать цѣлой тетради. Нѣсколько листовъ почтовой бумаги были исписаны и перекрещены мелкимъ почеркомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Преслѣдую тебя, любезный другъ, Володя»,—писалъ Суздалинъ,—по всѣмъ концамъ Россіи. Сперва сказали мнѣ, что полкъ вашъ въ Царствѣ Польскомъ, потомъ—на Волыни, далѣе на берегахъ Дуная; надняхъ узналъ, что вы направили свой орлиный полетъ въ Крымъ. Махнете, пожалуй, и туда,

«Гдѣ вѣтры могутъ только дуть.

«Гдѣ-жь они не могутъ дуть? спросилъ бы я у поэта. Ужь не на курьерскихъ-ли скачутъ ваши полки? А право, стоило бы нарисовать васъ въ такомъ поѣздѣ съ вашими шефами и аншефами. Признаюсь, усталъ я крѣпко въ поискахъ за тобою. Только и перевелъ духъ, удостовѣрясь, что могу перенять тебя въ Приморскѣ. Кстати одинъ морякъ, нашъ суходолецъ, ѣдетъ туда и взялся доставить тебѣ мое письмо. Какъ хочешь, стой и не движись, мое свѣтлое солнышко, хоть часика на три, въ этомъ полурусскомъ, полугреческомъ, полуитальянскомъ городѣ, и прочти мое посланіе. А тамъ скачи себѣ опять, пока крылатые кони ваши не выбьются изъ силъ, или оси вашей колесницы не загорятся.

«Съ того времени, какъ мы разстались, въ сердцѣ моемъ накопилось столько грузу, что я долженъ непремѣнно облегчить его на груди твоей. Чтеніе приказовъ, рапортовъ, нарядовъ и маршрутовъ должно тебѣ надоѣсть; книжекъ вы съ собою не таскаете, такъ ради развлеченія, прочти мою новѣйшую исторію, которая, право, стоитъ иного романа. Увидишь, что я, *по своему*, употребилъ *вящее* стараніе отдѣлать литературное повѣствованіе о похожденіяхъ новаго Телемака Уллисовича въ лицѣ моемъ, чтобы ты не соскучился, читая ихъ. *Стиль* — важное дѣло, братецъ, иные авторы только и берутъ имъ. Увѣренъ, что ты примешь дружеское участіе въ моихъ сердечныхъ дѣлахъ. Но прежде одно важное Nota bene—читая мое письмо, помнить, что я ужь не тотъ вѣтреный, пустой юноша, какимъ ты зналъ меня прежде, что мнѣ ужь за четверть вѣка, что я остепенился и видомъ и характеромъ, ношу что-то родѣ бороды, внушающей уваженіе, и не считаю предметовъ своего обожанія по нумерамъ, а поклоняюсь только одному, безнумерному божеству въ глубинѣ своего сердца. Чуръ, не смѣяться надъ моимъ чувствомъ, а то я могу глубоко оскорбиться, какъ ты нѣкогда оскорблялся, когда я посмѣивался надъ твоею братскою привязанностью къ изумрудному-крестику. Послѣ этой оговорки приступаю къ дѣлу.

«Вѣдай, что я обрѣтаюсь нынѣ въ нашемъ знаменитомъ, богоспасаемомъ градѣ Суходольскѣ, знаменитомъ уже тѣмъ, что это моя родина и родина твоихъ настоящихъ и будущихъ подвиговъ. Я перешелъ сюда на службу по желанію моей матери имѣть меня поближе къ себѣ. Моя борода, видно, ручалась ей, что я ужь способенъ быть опорою ея старости и удержать на крѣпкихъ раменахъ своихъ наше суходольское имѣніе въ томъ благоустроенномъ положеніи, въ какомъ

эта рѣдкая мать семейства и хозяйка поддерживала его. По прибытіи моемъ сюда, губернаторъ предложилъ мнѣ мѣсто при себѣ младшаго чиновника особыхъ порученій. Воображаю, какую гримасу сдѣлали мои бывшіе товарищи по службѣ (ужь конечно не ты) и по университету, узнавъ, что я принялъ должность *младшаго*. Гдѣ жь намъ, дескать, въ такой маленькой сферѣ размахнуться нашими орлиными крыльями, употребить въ дѣло наши великія способности и высшее образованіе! Но какъ я, съ своими крылышками, могу только пускаться недалеко отъ гнѣзда своего и увѣренный, что лучшая школа для новичка на *дѣйствительной* службѣ — провинція, то и принялъ охотно должность, мнѣ предложенную. Здѣсь, по мнѣнію моему, могу быть полезенъ всякому *человѣчеству* и, если нужно, по средствамъ и силамъ сражаться, сколько умѣнья хватитъ съ *античеловѣчествомъ* съ которымъ буду имѣть встрѣчи. Не хвастаюсь, что это подвигъ— я исполняю волю матери; служа, могу заниматься и своими хозяйственными дѣлами, сосредоточенными въ здѣшней губерніи.

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ познакомился я въ домѣ нашемъ съ одною очаровательной женщиной, Катериной Александровной Можайской. Тогда я узналъ не болѣе, что она вдова, имѣетъ малолѣтнюю дочь, слѣдовательно, почти свободна. Она жила прежде съ мужемъ въ Одессѣ, потомъ овдовѣвъ, въ степной деревнѣ, и недавно пріѣхала въ свою суходольскую усадьбу, откуда нѣсколько лѣтъ изгоняли ее печальныя воспоминанія. Я назвалъ Можайскую очаровательною по впечатлѣнію, которое она на меня произвела въ первыя недѣли нашего знакомства. Вообрази себѣ типъ южной красоты (въ Молдавіи ты, конечно, встрѣчалъ его не разъ). Миндалеобразные, черные глаза то подернуты влагою сладострастнаго изнеможенія, то

пускаютъ въ тебя изъ-подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ цѣлый пукъ жгучихъ стрѣлъ. Нѣсколько смуглое, сухощавое лицо, съ правильными, тонкими чертами, не подкрашено никакими косметическими снадобьями. Обаяніе нѣги разлито во всей ея наружности; тѣлодвиженія ея, обыкновенно лѣнивыя, какъ у жительницъ гарема, внезапно дѣлаются быстры, исполнены жизни. Дѣйствительно, она кровное дитя юга, по мужскому колѣну гречанка, по женскому—молдаванка. Въ сердце моемъ, при первомъ сближеніи съ нею, не было ни чистыхъ помысловъ, ни любви, смѣшанной съ уваженіемъ; нѣтъ, это было какое-то раздражающее, опьяняющее чувство, жажда наслажденія, наслажденія и ничего болѣе. Признаюсь тебѣ, я не видалъ въ жизни женщины, которая могла бы возбудить сильнѣе остроту этого чувства. Я спросилъ ее однажды, любитъ ли она поэзію.—«Зачѣмъ?» отвѣчала она довольно нескромно: «я сама поэзія». Да подумалъ я, ты поэзія Парни — не болѣе. Удивишься ты, когда послѣ этого описанія, скажу тебѣ, что этой женщинѣ подъ сорокъ—такъ она умѣла, какъ говорятъ, сохранить себя. А казалось бы, перекрестный огонь приключеній, сквозь который жизнь ея прошла, долженъ былъ положить на ея наружность слѣды свои. Увѣренъ, что она, и за сорокалѣтній бальзаковскій срокъ, найдетъ себѣ обожателей. Добра она—по увлеченію, готова отдать съ себя дорогую вещь бѣдному, если не имѣетъ денегъ, умна, какъ бѣсъ, и также зла, какъ онъ, когда почитаетъ себя обиженной. Тогда языкъ ея безъ пощады рѣжетъ, какъ бритва, язвитъ, какъ жало пчелы, которая не выпуститъ своей жертвы, пока не истощитъ на ней весь свой запасъ яда. Мужъ ея, по отцу моему, приходился намъ роднею, правда, седьмая вода на киселѣ, и потому я попалъ скоро въ кузены ея, хотя, по степенямъ родства, могъ

ближе считаться ея племянникомъ. Пріѣзжая сюда изъ деревни, она была заинтересована молвою обо мнѣ. Надо тебѣ сказать, что по одной мнимой побѣдѣ (клянусь тебѣ, мнимой) надъ сердцемъ довольно интересной особы, я едва не имѣлъ дуэли съ ея ревнивымъ мужемъ, и потому попалъ въ провинціальные донъ-Жуаны, а по моему тенору, который, какъ ты знаешь, угодно было московскимъ диллетантамъ находить пріятнымъ и одушевленнымъ, я произведенъ здѣсь едва ли не въ Маріо. Названная кузина любитъ окружать себя молодыми людьми, любитъ италіянскую музыку, и я скоро сдѣлался ея любимцемъ: мнѣ дано было право входить къ ней во всѣ часы дня безъ докладу, когда она бываетъ здѣсь въ Суходольскѣ (долго не имѣлъ я случая быть у ней въ деревнѣ). Я сказалъ тебѣ, что чувство мое къ ней было какое-то опьяненіе. Слава Богу, я скоро протрезвился. Правда, искушенія были сильныя, но я вышелъ изъ нихъ побѣдителемъ. Прошло нѣсколько времени, я вглядѣлся въ нее попристальнѣе, и очарованіе, которымъ мое воображеніе и первое впечатлѣніе ее окружили, изчезло; изъ пышнаго вѣнка, которымъ я ее убралъ, стали опадать, одинъ за другимъ, по лучшему цвѣтку. Я заглянулъ и къ себѣ поглубже въ душу и увѣрился, что Катерина Александровна *не по мнѣ*, что я не могу ее любить, какъ хотѣлъ бы любить женщину по созданному мною идеалу. Къ тому жь мой добрый геній, въ видѣ матери, пришелъ ко мнѣ на помощь, когда разсудокъ мой ослабѣлъ. Она передала мнѣ исторію Катерины Александровны въ одинъ изъ важныхъ кризисовъ ея жизни, въ которомъ отецъ мой игралъ довольно значительную роль.

«Не только я пересталъ посягать на обладаніе ея очаровательною персоною и оставилъ арену свободною болѣе смѣлымъ рыцарямъ, но едва было съ нею не

разсорился, и вотъ по какому случаю. Катерина Александровна отпустила злую остроту на счетъ моихъ гражданскихъ добродѣтелей и чистоты нравовъ, взлелѣянныхъ, какъ она говорила, подъ крыломъ римской матроны. Я бы смолчалъ, или, просто, безобидно отшутился, если бы стрѣла, пущенная въ меня, не задѣла моей матери; но тутъ я не остался въ долгу и отплатилъ госпожѣ Можайской монетой съ такимъ рѣзкимъ чеканомъ, отъ котораго глаза ея помутились. Таила ли она послѣ того что-нибудь противъ меня въ душѣ своей, мнѣ неизвѣстно. Правда, разжалованъ я былъ изъ ami intime въ ami de la maison, но этимъ наша размолвка и ограничилась. Катерина Александровна не обнаруживала, что получила отвѣтную посылку. Я продолжалъ посѣщать ея домъ, какъ домашній другъ, какъ любезнѣйшій кузенъ, съ которымъ она находила удовольствіе бесѣдовать о разныхъ городскихъ новостяхъ, выходившихъ изъ ряду обыкновенныхъ, и котораго страстное пѣніе любила подъ часъ слушать. Отъ всякихъ поползновеній на болѣе короткія отношенія я былъ видимо отстраненъ, да и самъ не добивался ихъ. Эта женщина сдѣлалась фатумомъ моей жизни, и потому я долженъ разсказать тебѣ ея исторію, какъ она передана мнѣ матерью и еще человѣчкомъ, о которомъ буду говорить въ этомъ же письмѣ, въ свое время.

«Отецъ Катерины Александровны былъ русскій заслуженный контръ-адмиралъ съ греческою фамиліею, проживавшій послѣ своей отставки въ Херсонѣ. По смерти матери она осталась семилѣтнимъ ребенкомъ. Старикъ отецъ страстно ее любилъ, но замѣтивъ въ ней вспышки горячей натуры, доставшейся ей въ наслѣдство отъ матери, хотѣлъ передѣлать эту натуру методическимъ, строгимъ воспитаніемъ. Онъ, старая русская нянька, старая француженка гувернантка, пе-

ренесшая на свою воспитанницу ригоризмъ правилъ, которымъ сама подчинена была въ одномъ изъ парижскихъ монастырей, гдѣ образовалась, близкіе родственницы, большею частью старики и старушки, — вотъ все общество, въ которомъ прошла затворническая жизнь Кати до 17 лѣтъ, правда, общество любящее, заботливое о ней, но пуританское, скучное. За черту его не позволено было дѣвочкѣ заглядывать, не позволено было знать, что дѣлается тамъ, гдѣ живутъ другіе люди, какими отношеніями они движутся, знакомы-ли имъ другія чувства, кромѣ любви и уваженія къ родителямъ, воспитателямъ и роднымъ. Воспитаніе ея ограничилось знаніемъ французскаго языка, на которомъ она выучилась говорить и писать, какъ истая парижанка; съ русскимъ же языкомъ до того была незнакома, что не могла правильно составить на немъ двухъ строкъ. Поверхностныя, научныя свѣдѣнія, танцы и музыка, которымъ учила ее та же гувернантка, довершили ея воспитаніе. Чтеніе ея не шло далѣе нравственныхъ твореній madame de Genlis и Фенелона. Однакожь, когда наставница спросила шестнадцатилѣтнюю воспитанницу свою, какое мѣсто болѣе всего понравилось ей въ Телемакѣ, Катя, краснѣя, назвала страницы, гдѣ описано пребываніе сына Улисова на островѣ Калипсо. Увы! краснорѣчивыя сентенціи преосвященнаго автора не спасли ее отъ чувства, которому такъ просто учитъ сама природа. Зато отвѣтъ заслужилъ длинную проповѣдь цѣломудренной француженки. Надо замѣтить, что проповѣдь эта была послѣдняя, предсмертная. Когда Катеринѣ Александровнѣ минуло 17 лѣтъ, отецъ ея переселился въ Одессу. Тамъ она появилась на блестящемъ вечерѣ, данномъ по случаю пріѣзда одной высокой особы. Онъ хотѣлъ еще передъ смертью насладиться впечатлѣніемъ, которое произведетъ въ обществѣ ея красота и

скромность. Когда она, сбираясь на этотъ вечеръ, скинула съ себя ситецъ, бывшій обыкновенно ея форменной одеждой, одѣлась въ шелкъ и кружева и посмотрѣлась въ трюмо, замѣнившее ея крошечное зеркальце, тайный голосъ сказалъ ей, что она прехорошенькая. И въ самомъ дѣлѣ, красота ея, еще рѣзче выступавшая подлѣ дряхлаго, полуслѣпого старика, опиравшагося на ея руку при входѣ въ бальную залу, произвела электрическое впечатлѣніе. Говоръ восторга встрѣтилъ ее и провожалъ на каждомъ шагу. Сама высокая особа обратила на нее вниманіе, подняла ее на танецъ и успѣла насказать ей множество лестныхъ словъ, на которыя она, краснѣя, робко и лаконически отвѣчала. Слова эти были повторены и отцу съ приглашеніемъ въ Петербургъ, гдѣ дочь его могла бы первенствовать своею красотой и составить себѣ блестящую партію. Старикъ даже испугался торжества дочери.

«Вскорѣ присватался за нее Дмитрій Алексѣевичъ Можайскій, занимавшій довольно видное мѣсто въ Одессѣ. Пріятная наружность, хорошее состояніе, округляющее то, которое она должна была получить по смерти отца, надежды на будущую карьеру жениха, благопріятные отзывы въ пользу его характера и болѣе всего страхъ оставить ее одну среди обольщеній свѣта, рѣшили скоро участь Катерины Александровны. Она не замедлила отдать руку и сердце первому мужчинѣ, первому Телемаку, умѣвшему раскрыть это сердце для чувства, ей доселѣ невѣдомаго, и сказать ей сладкія, обворожительныя слова, никогда ею неслыханныя. Отецъ успѣлъ еще насладиться счатіемъ четы, не только въ медовые мѣсяцы, но и въ первые два года ея супружества. Сердце его, прежде чѣмъ перестало биться, еще радостно отозвалось на первый крикъ внучки Таисіи. Со смертью его, весь

міръ Катерины Александровны сосредоточился въ мужѣ и дочери. Она страстно полюбила его, старалась угадывать его желанія, истощала для него ласки и угожденія, какія могло только придумать ея молодое сердце. Чего не сдѣлалъ бы разумный, нѣжный мужъ изъ этой женщины, безгранично любящей, отдавшейся вполнѣ своему другу и любовнику! Можайскій принялся перевоспитывать ее по своему. Ему не нравилась ея скромность, похожая на робость институтки, только что вышедшей изъ ограды, въ которой она столько лѣтъ была замкнута, ему не нравились ея отвращеніе отъ шумнаго общества, ея уединенная жизнь у домашняго очага, большею частью, глазъ на глазъ съ мужемъ, у колыбели ребенка, котораго она сама кормила. Дмитрій Алексѣевичъ хотѣлъ, чтобы она, для своего здоровья, взяла кормилицу; Катерина Александровна не безъ слезъ исполнила его желаніе. Крикъ Таечки возмущалъ его, и Таечка перенесена въ дальнюю комнату, откуда нѣжный слухъ родителя не могъ оскорбляться этими криками. Успѣвъ разгадать врожденный умъ Катерины Александровны, до сихъ поръ пригнетенный пуританскимъ воспитаніемъ, Можайскій старался развернуть его на свой ладъ, для свѣтскаго общества, гдѣ она могла бы выказать его и блеснуть имъ. «*Совѣты матерямъ*» и другія книги о воспитаніи, которыми она запаслась, брошены въ кладовую на съѣденіе мышамъ; ихъ замѣнили «Новая Элоиза» и другія французскія произведенія, умѣющія такъ искусно разжигать воображеніе и кровь. Онъ хотѣлъ, чтобы красота ея возбуждала зависть соперницъ, восторгъ мужчинъ. Поболѣе блеска, ѳиміама, поклонниковъ около божества, котораго онъ жрецъ, и самъ жрецъ возвысится въ глазахъ другихъ. Съ желаніемъ, чтобы жена занимала блестящее мѣсто въ свѣтѣ, соединялось и желаніе освободиться отъ стѣсненія, въ которомъ дер-

жала его замкнутая жизнь ея. А онъ до женитьбы любилъ шумный свѣтъ, пиры, карточную игру, общество разгульныхъ молодыхъ людей и женщинъ легкаго поведенія. Пока отецъ ея былъ живъ и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти его, Дмитрій Алексѣевичъ притворялся добрымъ семьяниномъ, но время тягостнаго искуса прошло — привычка и природа взяли свое, и онъ обратился къ прежней своей жизни. Жена, изъ угожденія мужу, стала безъ строгаго разбора принимать къ себѣ общество, которое нравилось ему. Налетѣлъ въ ихъ домъ рой молодыхъ людей, военныхъ и гражданскихъ, всякой масти, раскрылись карточные столы, на зеленомъ полѣ ихъ явились цѣлыя колонны цифръ. Мужъ, если не бывалъ дома, пріѣзжалъ нерѣдко съ зимнимъ разсвѣтомъ домой. Сначала это очень огорчало Катерину Александровну, потомъ она попривыкла къ такому порядку вещей, и сама сдѣлалась полуночницей. Красота ея не могла не найти себѣ жаркихъ поклонниковъ. Слухъ ея пріучился къ страстнымъ рѣчамъ и даже не оскорблялся двусмысленностями, потому что не оскорблялся ими мужъ, при которомъ онѣ говорились. Въ два, три года нельзя было узнать прежней Катерины Александровны, краснѣвшей отъ каждаго комплимента, къ ней обращеннаго, отъ каждаго нескромнаго слова, при ней сказаннаго. Женщины, съ которыми она подружилась, старались ввести ее въ грѣшный міръ свой, чтобъ не казаться имъ однѣмъ грѣшницами. Въ такой школѣ она не могла не дѣлать успѣховъ. Между тѣмъ эта свѣтская, бойкая дама, кокетка по наружности, несмотря на всѣ искушенія, была вѣрна мужу, все-таки любила его, едва ли не съ прежнею горячностью.

«Въ одинъ несчастный для Можайскаго карточный вечеръ онъ зарвался, проигралъ всѣ свои наличныя деньги, проигралъ еще значительную сумму на чест-

ное слово. Денегъ взаймы онъ не могъ нигдѣ сыскать, потому что ему перестали вѣрить, и обратился къ казенному ящику. Положеніе его было отчаянное. Дмитрій Алексѣевичъ признался во всемъ женѣ. Въ этомъ случаѣ Катерина Александровна показала себя истинно великодушной, любящей женщиной. Ни одного упрека не сдѣлано, ни одной жалобы не произнесено. Она не долго думала, заложила свои брилліанты и серебро, дала на свое имя заемныя письма и спасла мужа отъ наказанія и позора, которые его ожидали. Онъ падалъ передъ нею на колѣна, плакалъ, цѣловалъ съ жаромъ ея руки, клялся не играть болѣе въ карты, посвятить отнынѣ всего себя женѣ и дочери. Съ этого времени супруги стали вести скромную жизнь. Мужъ прервалъ связи съ разгульными друзьями, оба ограничились болѣе тѣснымъ, избраннымъ кругомъ, карты были изгнаны изъ дому. Несмотря на толки и пересуды людскіе, чета жила такъ съ годъ—цѣлая вѣчность для человѣка, привыкшаго къ разсѣянной, безпорядочной жизни, находившаго лучшее свое наслажденіе въ тревогахъ ея, — одинъ часъ для женщины, увѣрившейся, что тотъ, кого она любитъ, ей вполнѣ принадлежитъ.

«Пріѣхала пѣвица, италіянка, жившая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Одессѣ и производившая тамъ фуроръ своею красотой и голосомъ, болѣе страстнымъ и одушевленнымъ, нежели правильнымъ и высокимъ. Она растеряла уже нѣсколько изъ своихъ прелестей и нотъ, молодость ея уже была сомнительна, но актриса умѣетъ не скоро стариться и особенно на театральныхъ подмосткахъ долго привлекательна, если къ тому одарена сценическимъ талантомъ. Первое ея появленіе въ «Семирамидѣ» было для нея настоящимъ тріумфомъ, вызовы не кончались, букеты и вѣнки легли передъ ея ногами пышнымъ ковромъ. Но зрители видѣли, какъ она среди этого торжества искала

кого-то между ними, пронзая ряды креселъ и ложъ своимъ пламеннымъ взглядомъ, и потомъ, забывшись, поникла головою на грудь. Первая ея арія въ слѣдующемъ актѣ началась глубокимъ вздохомъ. Въ театрѣ не было того, кого она искала, чьимъ привѣтливымъ взглядомъ дорожила болѣе всѣхъ восторженныхъ криковъ, болѣе всѣхъ вѣнковъ, бросаемыхъ къ ея ногамъ. Этому избраннику отдала она нѣкогда первую свою любовь, лучшіе дни своей молодости. Не было въ театрѣ Дмитрія Алексѣевича Можайскаго, хотя жена и приглашала его ѣхать слушать пѣвицу, которую такъ превозносили. Оговоркой ему было нездоровье: онъ боялся, чтобы при первомъ взглядѣ на примадонну его сердца, при первыхъ звукахъ ея голоса, потрясавшихъ такъ часто его душу, не проснулась прежняя его любовь и онъ не увлекся. Два-три слѣдующія представленія онъ также не пошелъ въ театръ. Несмотря на слабость своего характера, на приглашеніе друзей, восторгавшихся пѣвицей, онъ умѣлъ побѣдить себя.

«Разъ, при входѣ въ сѣни палаты, которой онъ былъ начальникомъ, молодая женщина подала ему письмо. — «Сеньоръ», — сказала она ему по-италіянски, — «я прислана отъ навѣстной вамъ особы: дайте отвѣтъ».

«Можайскій поколебался было взять письмо, наконецъ дрожащими руками взялъ и распечаталъ. Отъ цвѣтной бумажки пахнуло воздухомъ, вѣющимъ только подъ знойнымъ небомъ полуденныхъ странъ. Читая письмо, онъ взглянулъ раза два пытливымъ взглядомъ на швейцара, какъ бы вывѣдывая на лицѣ его, не угадалъ ли онъ тайны письма; потомъ судорожно вынулъ карандашъ изъ бумажника, написалъ на присланномъ листочкѣ только слово *буду*, вложилъ листокъ въ кувертъ и отдалъ женщинѣ, дожидавшейся отвѣта.

«Вотъ что онъ прочелъ въ письмѣ:

«Четырехлѣтняя дочь наша спитъ вѣчнымъ сномъ на берегахъ Арно; цвѣтами, опавшими съ померанцеваго дерева на ея могилу, я надушила бумажку, на которой тебѣ пишу. Прими въ этомъ ароматѣ послѣднее ея дыханіе. Она умерла со словами: папа Димитрій. Ты знаешь, я разсталась съ тобою, чтобы увидаться съ отцомъ и матерью и обезпечить ихъ послѣдніе дни. Я не застала ихъ въ живыхъ. Все мое умерло, только не умерла любовь моя къ тебѣ, неблагодарный и невѣрный другъ. Въ краяхъ, далекихъ отъ тебя, мнѣ предлагали богатыя условія, мнѣ представлялась блестящая партія, но я отвергла все, чтобы тебя увидѣть, сказать тебѣ, что я люблю тебя попрежнему, излить на твои уста всю мою жизнь. И чтожь? Узнаю, что ты женатъ. Мало, ты даже не хотѣлъ видѣть меня на сценѣ, услышать отъ меня страстныя слова, которыя готовила тебѣ твоя обожаемая царица, какъ ты называлъ меня прежде, у ногъ которой ты клялся ей въ вѣчной любви, клялся дать ей имя супруги и дочери имя отца. Обманутая, сокрушенная, потерявъ все, чѣмъ красилась и поддерживалась жизнь моя, я уѣзжаю изъ Одессы. Поѣду въ Алжиръ, въ Америку, на край свѣта, гдѣ видъ счастливой соперницы не будетъ отравлять раны моего сердца, гдѣ буду жить только воспоминаніями прежняго моего блаженства и умру вмѣстѣ съ ними. Но прежде, чѣмъ уѣду, я хочу съ тобой видѣться и сказать тебѣ послѣднее прости. Неужели ты будешь такъ жестокъ, откажешь въ этой просьбѣ женщинѣ, которая тебѣ всѣмъ пожертвовала? Жду тебя на моей квартирѣ по окончаніи спектакля».

«Въ полночь Можайскій былъ у италіянки, былъ и нѣсколько разъ послѣ того. Частыя, противъ обыкновенія, отлучки изъ дому, позднее возвращеніе домой, смущеніе, невольно выступавшее на его лицѣ, неопре-

дѣленные, уклончивые отвѣты, когда его спрашивали, гдѣ онъ провелъ ночь, стали сильно тревожить Катерину Александровну. Она подумала, что мужъ ея предался опять несчастной карточной игрѣ. Усиленныя ласки, хитрость, притворная холодность, все, что можетъ только изобрѣсти женщина, чтобы вывѣдать тайну отъ человѣка, нѣжно ею любимаго, было пущено въ дѣло, и напрасно. Между тѣмъ тайна, скрытая отъ жены, была ужь извѣстна въ городѣ. Нѣкоторые жаркіе поклонники актрисы, ухаживавшіе за нею, первые выслѣдили ночныя экскурсіи Можайскаго. Узналъ объ нихъ и одинъ молодой человѣкъ (имя его по нѣкоторымъ причинамъ, я долженъ утаить; скажу тебѣ только, что отецъ мой былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, а отецъ мой находился тогда по дѣламъ службы въ Одессѣ). Этотъ молодой человѣкъ любилъ Катерину Александровну постоянно-страстно, но съ осторожностью, съ уваженіемъ, которыми истинная любовь умѣетъ окружать предметъ свой и охранять отъ профанаціи свѣтскаго суда имя, для него святое. Катерина Александровна оказывала ему предпочтеніе передъ всѣми его соперниками въ то время, когда она, въ угожденіе мужу, разыгрывала роль эманципированной женщины. Онъ видѣлъ, что препятствіемъ обладанія ею была привязанность къ мужу, и спѣшилъ воспользоваться случаемъ, который ему представлялся, чтобы разрушить это препятствіе. Онъ пріѣхалъ къ ней и засталъ ее одну. Затронута была имъ искусно рѣчь объ актрисѣ, объ ея сценическомъ талантѣ, о красотѣ ея, довольно увядшей. Брошены были намеки на прежнія отношенія къ ней Дмитрія Алексѣевича, наконецъ молодой человѣкъ полуоткровенно дошелъ до того, что было извѣстно въ городѣ, а оставалось только тайною для жены. Глаза Можайской заблистали зловѣщимъ огнемъ, по ней пробѣжала судорож-

ная дрожь, но это была дрожь тигрицы, когда она готова броситься на свою жертву. Не о святости брака думала она, не о благодарности за все, что сдѣлала для мужа; но пренебречь ею, предпочесть ей соперницу старѣе и хуже ея, — этого оскорбленія и униженія она не могла снести. Кровь матери—молдаванки, въ ней заговорила. Разные планы мщенія зароились въ головѣ ея; она остановилась на одномъ.

«— Знаю васъ за благороднѣйшаго человѣка, — сказала Катерина Александровна роковому гостю:—но если вы изобрѣли эту исторію, чтобы поссорить меня съ *нимъ*, если вы сказали неправду...

«— Тогда я человѣкъ безъ чести, и вы можете передать мои слова мужу вашему; но если я представлю вамъ ясныя доказательства.

«— Тогда я ваша, и вотъ вамъ рука моя.

«Можайская протянула ему холодную руку, которую онъ покрылъ поцѣлуями.

«Уговорились въ первую же полночь, несмотря на погоду, если Дмитрій Алексѣевичъ не будетъ дома, идти вдвоемъ къ квартирѣ актрисы и тамъ подстеречь невѣрнаго мужа. Для молодого человѣка это былъ вопросъ высочайшаго блаженства, вопросъ чести и, можетъ быть, смерти. Катерина Александровна въ этотъ день притворилась спокойной, веселой, ничего не вѣдающей о томъ, что дѣлалось за кулисами ея дома. Мужу не пришло и въ голову никакихъ подозрѣній. Онъ былъ очень любезенъ и объявилъ женѣ, что ѣдетъ на вечеръ къ одному пріятелю, у котораго, можетъ статься, замедлится, и потому милая, безцѣнная Катя не должна безпокоиться, если онъ поздно возвратится домой.

«— Я и сама поѣду на вечеръ,—сказалъ Катерина Александровна: — къ такой-то (она назвала фамилію); думаю, поздно возвращусь.

«Супругъ, прощаясь съ нею, подарилъ ее горячимъ поцѣлуемъ, который она отплатила съ такою же нѣжностью, хотя ревность своими когтями рвала ей грудь.

«Въ полночь, переодѣвшись въ самый скромный костюмъ и накрывъ голову капоромъ, она вышла черезъ переднюю и главное крыльцо на улицу. Здѣсь ожидалъ ее молодой человѣкъ, ея наперсникъ. Ночь была ненастная. Сперва отправились они къ дому, гдѣ, говорилъ мужъ, будетъ проводить вечеръ. Осторожно справились, нѣтъ ли между экипажами, стоявшими у подъѣзда, экипажа Можайскаго, и, удостовѣрясь, что нѣтъ и не было, они направились къ квартирѣ актрисы. Пройдя мимо подъѣзда, несмотря на темную ночь, они замѣтили рысьими глазами ревности и любви, что у крыльца стоятъ крытыя дрожки и что это были дрожки Дмитрія Алексѣевича.

«Катерина Александровна крѣпко сжала руку своего спутника.

«Въ домѣ свѣтъ падалъ только изъ одного окна верхняго этажа сквозь опущенную розовую занавѣску и отражался на глянцевитой мостовой, омытой дождемъ. Вывѣдавъ мѣстность, дозорщики стали за угломъ забора, выходившаго на главную улицу, недалеко отъ подъѣзда, въ глухой переулокъ. Изъ этой засады можно было наблюдать, кто выходилъ изъ квартиры актрисы и слышать, какъ будутъ требовать экипажъ. Дождь продолжалъ падать густыми потоками, бѣдная женщина дрожала отъ холода и душевнаго волненія. Молодой человѣкъ окуталъ ее своимъ плащомъ, прижималъ къ груди своей, согрѣвалъ ея руки своимъ дыханіемъ, горячими поцѣлуями. Покорная, какъ слабый, больной ребенокъ, она не противилась, не произнесла ни одного слова. Прошло съ полчаса—онъ показался ей вѣчностью. Стукнула дверь изъ сѣней на подъѣздъ. Катерина Александровна вздрогнула и

превратилась вся въ зрѣніе и слухъ. Молодой человѣкъ слышалъ, какъ стучало у нея сердце, будто хотѣло выскочить изъ груди. — Дрожки!—закричалъ слуга, и вслѣдъ затѣмъ вышелъ изъ сѣней высокій мужчина; въ то-же время отворилось окно въ верхнемъ этажѣ и женскій голосъ сладкозвучно произнесъ: «adio; caro mio, Dimitri». Дмитрій Алексѣевичъ — нельзя было ужь сомнѣваться, что это былъ онъ, — садясь въ дрожки, сдѣлалъ прощальный знакъ рукой, кучеръ тронулъ лошадей. Катерина Александровна бросилась было имъ поперекъ, но молодой человѣкъ, изъ рукъ котораго она вырвалась, остановилъ ее: кучеръ осторожно ихъ объѣхалъ и сердито сказалъ: «эки черти! суются подъ ноги лошадей, чуть не раздавилъ.»

«Возвратившись домой, Можайскій спросилъ у людей въ передней, дома ли барыня. — «Нѣтъ дома», былъ отвѣтъ: «а лошадей не закладывали». Этотъ отвѣтъ показался ему страннымъ: онъ спросилъ горничную — та доложила, что барыня изволили уйти куда-то пѣшкомъ, и человѣка съ собой не взяли.

«— Въ такой дождь? — подумалъ онъ, — удивительно!

«Онъ прошелъ въ свой кабинетъ, въ ожиданіи жены хотѣлъ заснуть, но не могъ; угрызенія совѣсти и какое-то мучительное предчувствіе не дали ему спать. Часы пробили четыре, засуетились слуги въ передней. Дмитрій Алексѣевичъ догадался, что пріѣхала жена и пошелъ въ ея туалетную.

«Катерина Александровна раздѣвалась. Плечи ея были обнажены. Она спѣшила накинуть на себя мантилью, выслала горничную и потомъ сказала мужу:

«— Что вамъ угодно?...

«Этотъ вопросъ и тонъ, которымъ онъ былъ произнесенъ, озадачили его... Однакожъ, стараясь опра-

виться отъ своего смущенія, онъ спросилъ заискивающимъ голосомъ:

«—Гдѣ ты была такъ долго, другъ мой?

«— Я, другъ мой? — отвѣчала она съ холоднымъ презрѣніемъ, смотря на него свысока:—я была у своего любовника.

«— Вы шутите!

«— Точно такъ, какъ вы шутили со мною, проведя ночь у своей примадонны.

«Ошеломленный этими словами, онъ не зналъ, что сказать.

«— Вотъ видите, — продолжала она съ необыкновенною твердостью,—я откровеннѣе, благороднѣе васъ. Послѣ того, что я сказала вамъ, сударь, вы должны понять, что наши супружескія отношенія кончились навсегда. И это такъ вѣрно, такъ неизмѣнно, какъ святъ Богъ. Прошу сцены никакой не дѣлать; мы не на театральныхъ подмосткахъ. Надѣюсь, въ васъ найдется еще довольно благородства и чести, чтобъ удержаться отъ всякихъ мужицкихъ словъ, тѣмъ болѣе дѣйствій. Въ противномъ случаѣ, вы знаете... всѣ люди мои; я вынуждена буду на то, чего желала бы избѣгнуть. Бумажнаго процесса вы также, конечно, со мною не затѣете, зная, что на моей сторонѣ законъ, свидѣтели и деньги. Гораздо лучше, покойнѣй, не тревожась, келейно разойтись такъ, чтобы свѣтъ не зналъ о нашей размолвкѣ. Живите на своей половинѣ—я останусь на своей. Мнѣ полная свобода принимать, кого я хочу, пользуйтесь и вы тою же свободой. Дочь вашу можете видѣть, когда вамъ заблагоразсудится; воспитаніе ея беру на себя. Имѣніе ваше заложено и перезаложено, вы и теперь живете на мой счетъ. Карточный долгъ вашъ, по которому даны мною заемныя письма, будетъ мною очищенъ. Управленіе моими пятьюстами душами предоставляю себѣ.

Но знайте, что вы останетесь мужемъ моимъ для свѣта, а для меня только отцомъ моей дочери. Клянусь вамъ въ томъ великимъ именемъ Бога. Пускай Онъ накажетъ меня всѣми возможными бѣдствіями, пускай отниметъ у меня что всего дороже для меня въ мірѣ—дочь мою, если я измѣню когда-нибудь этимъ условіямъ. Человѣка, котораго презираешь, который довелъ жену свою до преступленія, полюбить снова нельзя. Оставляю вамъ сутки на размышленіе. Затѣмъ прощайте, Дмитрій Алексѣичъ.

«Можайскій ничего не сказалъ.

«Въ ту же ночь переѣхалъ онъ въ гостиницу.

«Въ слѣдующіе затѣмъ дни онъ искалъ своего противника и дослѣдилъ его.

«Они стрѣлялись. Отца моего, по родству, пригласилъ Дмитрій Алексѣевичъ къ себѣ въ секунданты. Молодой человѣкъ былъ тяжело раненъ, но, почувствовавъ черезъ нѣсколько недѣль облегченіе, по совѣту врачей, поѣхалъ долѣчиваться на Кавказъ. Говорили, что Катерина Александровна провожала его и онъ тамъ умеръ на ея рукахъ. Можайскій, потерявшій свое мѣсто по случаю дуэли, отправился въ чужіе края. Италіянка скрылась изъ города. Судъ общественный, обыкновенно, снисходительный къ слабостямъ и проступкамъ, даже грязнымъ, если они не выходятъ изъ ряда обыденныхъ, если они ловко замаскированы и не сопровождаются роковыми перипетіями, былъ на этотъ разъ неумолимо строгъ въ Катеринѣ Александровнѣ и едва не осудилъ побить ее каменьями.—«Развѣ не могла бы она», кричали въ обществѣ и, можетъ быть, самые грѣшные члены его: «развѣ не могла бы она уладить это дѣло полюбовно, безъ всякихъ эксцентрическихъ выходокъ ревности, не объявляя такъ самоотверженно мужу о своемъ проступкѣ, не выставляя себя какою-то героиней романа? Мужъ остался

бы при своей актрисѣ, она отомстила бы ему, взявъ себѣ любовника, ни того, ни другого судьба не подвергалась бы такимъ ужаснымъ послѣдствіямъ, и жизнь ихъ устроилась бы прекрасно.» Катерина Александровна, преслѣдуемая этимъ строгимъ, безпощаднымъ судомъ и своею совѣстью, уѣхала въ степную деревню, гдѣ и заключила себя на нѣсколько лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ.

«Можайскій, возвратясь въ Россію, когда утихли послѣдствія его дуэли, жилъ то у себя въ деревнѣ, то въ Москвѣ или Петербургѣ; въ столицахъ былъ постояннымъ посѣтителемъ клубовъ и игорныхъ домовъ. днемъ спалъ, ночи проводилъ за картами; ѣздилъ на ярмарки, гоняясь по зеленому полю за фортуной, но она не давалась ему. Лѣса старые и молодые, оставшіеся еще нетронутыми въ деревняхъ, были имъ срѣзаны, хлѣбъ продавался на корню. Продавши одному покупщику и взявши задатокъ, перепродавалъ другому. Тяжебныхъ дѣлъ завелось у него множество. Онъ занималъ деньги даже у своихъ слугъ и крестьянъ. Несчастливый въ игрѣ, онъ пустился въ разные проекты: разводилъ піявокъ въ прудахъ, высиживалъ цыплятъ паровой машиной, дѣлалъ прививки плодовыхъ деревъ къ лѣснымъ, леталъ, съ помощью изобрѣтенныхъ имъ крыльевъ, съ балкона. Подостланныя перины не спасли его, однакожъ, отъ ушиба. Мало того, онъ сталъ отыскивать клады, завелъ связи съ знахарями, рылъ курганы, тревожилъ прахъ мертвыхъ. Всѣ эти предпріятія не принесли ему ничего, кромѣ убытковъ. Манія проектовъ до того его обуяла, что онъ на нихъ помѣшался. Много смѣшныхъ анекдотовъ ходило о немъ. Разскажу тебѣ, для примѣра, хоть одинъ.

«Пріѣхавъ разъ въ Москву, онъ выигралъ какъ-то близъ тысячи рублей. По расплатѣ за разныя покупки и расчетѣ въ гостиницѣ у него оставалось въ бумаж-

никѣ триста. Этихъ денегъ доставало только на дорожныя издержки. Чемоданы были ужь уложены, почтовыя лошади запряжены въ экипажъ и стояли у подъѣзда. Къ Можайскому пришелъ на проводы одинъ изъ его пріятелей. Роспили съ нимъ бутылку шампанскаго, простились и шли по корридору гостиницы съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ разстаться у экипажа. Навстрѣчу имъ какой-то господинъ, со всклокоченнымъ тупеемъ, окинулъ обоихъ дикими глазами и остановился передъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ.

— Ше лонеръ de parler à monsieur Mochaiski?— спрашиваетъ онъ.

— Точно такъ, что вамъ угодно?

«— Прошу на пару словъ безъ свидѣтелей, — говоритъ незнакомецъ ломаннымъ французскимъ и русскимъ языками,—вашно тѣло.

«Можайскій извиняется передъ своимъ пріятелемъ и входитъ съ незнакомцемъ въ новый нумеръ, который приказываетъ корридорному отвесть ему, а пріятеля своего проситъ подождать его въ прежнемъ нумерѣ, еще не запертомъ. Пріятель ждетъ, покуривая папироску; слуга ждетъ у экипажа, ждетъ и извозчикъ съ бляхой и павлинымъ перомъ на шляпѣ, похаживаетъ около своихъ лошадей; искоса прищуривая то одинъ, то другой глазъ, укорачиваетъ или пускаетъ подлиннѣе постромки, отъ нечего дѣлать то стегнетъ одну пристяжную, то другую, наконецъ начинаетъ роптать и говорить слугѣ, что отпущенъ со станціи на срокъ и принужденъ будетъ отпречь лошадей. Между тѣмъ Можайскій, переговоривъ съ незнакомцемъ и отпустивъ его, входитъ въ нумеръ, гдѣ ожидаетъ его пріятель. Лицо Дмитрія Алексѣевича сіяетъ отъ радости.

«— Поздравь меня, говоритъ онъ, торжественно держа въ поднятой рукѣ щегольскую фарфоровую

банку, — я сдѣлался богачемъ, купилъ у иностранца, котораго ты видѣлъ, за 300 рублей, секретъ, какъ дѣлать диковинную горчицу. Беру привиллегію. — Корридорный! крикнулъ онъ.

«Явился корридорный.

«— Прикажи моему Іоасафу отпустить почтовыхъ лошадей и перенесть все мое добро въ этотъ нумеръ. Я, братецъ, остаюсь у васъ еще на время. На меня съ неба упало богатство.

«Озадаченный корридорный отворялъ уже дверь, чтобы исполнить его приказаніе.

«— Постой!—закричалъ опять Можайскій.—А гдѣ, скажи-ка ты мнѣ, покупаете вы горчицу? Скажи хозяину своему отъ моего имени, какъ бишь его?

«— Иванъ Парфентьичъ.

«— Нѣтъ, братъ, Иванъ Парфентьичъ, шалишь, отнынѣ будешь покупать горчицу подъ фирмою Можайскаго, будутъ покупать ее во всѣхъ гостиницахъ, трактирахъ, лавкахъ. Слышишь? привилегированную, вотъ видишь, въ такихъ фарфоровыхъ банкахъ, только съ орлами, съ портретами Наполеона, Викторіи и разныхъ королей.

«Корридорный не преклонился передъ этими громкими именами, а только усмѣхнулся, посмотрѣвъ лукаво на пріятеля Можайскаго. Пріятель махнулъ рукою, плюнулъ и убѣжалъ.

«Разумѣется, важный секретъ оказался пуфомъ. Какъ ужь извернулся Дмитрій Алексѣевичъ, чтобы выѣхать изъ Москвы,—Богу извѣстно.

«Наконецъ этотъ несчастный совершенно растерялся. Видали, что тотъ, кто ѣзжалъ не иначе какъ четверкою въ мякишевской каретѣ, плелся на парѣ кляченокъ въ рогожной кибиткѣ, пріѣзжая въ Москву останавливался ужь не въ гостиницахъ, а на подворьѣ, въ какомъ-нибудь вонючемъ переулкѣ, и

покупалъ сахаръ по кусочкамъ, а чай по щепоткамъ. Правда, Катерина Александровна, узнавъ объ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не одинъ разъ присылала ему довольно значительныя деньги, платила многіе изъ его долговъ и срочные проценты по залогу имѣнія, но все это не шло ему въ прокъ. Самая наружность его ужасно измѣнилась. Нельзя было въ немъ узнать того красиваго мужчину, который нѣкогда въ Одессѣ сдѣлалъ себѣ львиную репутацію Онъ обрюзгъ, пожелтѣлъ, оплѣшивѣлъ, потерялъ зубы, сдѣлался прежде времени старикомъ.

«Съ женою онъ не старался сблизиться, да и она не дѣлала никакихъ попытокъ къ этому сближенію Оба оставались тверды и неумолимы въ своихъ отношеніяхъ одинъ къ другому, — разъ установленныхъ.

«Послѣ *египетской ночи*, какъ я ее называю, имѣла ли Катерина Александровна другіе связи, кромѣ связи, кончившейся такъ ужасно дуэлью и смертью человѣка, которому она отдалась изъ мести мужу, покрыто для меня завѣсою неизвѣстности. Дочь свою Дмитрій Алексѣевичъ видалъ не разъ, когда Таечка пріѣзжала въ Москву съ матерью, приносилъ ей игрушки, лакомства, ласкалъ ее, горячо цѣловалъ, — цѣловалъ ея ручки и разставался съ нею со слезами на глазахъ. Доброе дитя, узнавъ отъ няньки, что это ея *папа*, хотя порядочно не понимала этого слова, платила ему ласками, какія внушали ей доброе сердце и кровный инстинктъ.

«Лѣтъ за семь тому назадъ, купаясь у плотины мельницы въ своей суходольской деревнѣ Гостинцы, Можайскій утонулъ.

«Говорили, что онъ утопился, тяготясь жизнью. За нѣсколько же лѣтъ до своей смерти, подумавъ вѣроятно, о дочери, онъ свелъ счеты съ женою и при-

слалъ ей заемныя письма на суммы, втрое превышавшія то, что онъ признавалъ себя ей должнымъ. И потому имѣніе его, продававшееся впослѣдствіе съ аукціона, сдѣлалось собственностью Катерины Александровны».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается,» — говорили намъ наши нянюшки, убаюкивая насъ на сонъ грядущій старинными легендами. Такъ и съ моимъ разсказомъ. По счету матери моей, со времени замужества Катерины Александровны, прошло едва-ли не двадцать лѣтъ, а по счету самой Можайской—только шестнадцать. Дочь ея, Таисія, въ это время росла, какъ растутъ всѣ смертные, родившіеся подъ благодатными лучами звѣзды Венеры, и воспитывалась, какъ обыкновенно воспитываются дочки богатыхъ и великосвѣтскихъ маменекъ. Долго не представлялось мнѣ случая увидать ее. Пріѣзжая къ нимъ въ деревню Гостинцы, я раза два заговаривалъ Катеринѣ Александровнѣ, что желалъ бы познакомиться съ своей неѣсой, но она всегда находила предлогъ отклонить это знакомство. Дочь ея еще такъ молода, говорила она: только недавно бросила играть въ куклы, сидитъ за уроками, отвлекать отъ нихъ считаетъ мать преступленіемъ. Выпустить ее такъ рано въ общество мужчинъ—ученье не пойдетъ на умъ. Сдѣлать же для васъ исключеніе было бы странно. «Я желаю,»—прибавляла Можайская, «чтобы Таечка, сколько можно долѣе, оставалась дитятей. Будетъ время, созрѣетъ ея разумъ, успѣетъ наслушаться вашихъ лукавыхъ рѣ-

чей, сумѣетъ остеречься отъ опрометчиваго выбора, успѣетъ еще ваша праздная болтовня наскучить ей».

«Разумѣется, я отблагодарилъ ее за всю нашу братью.

«Мать моя видала нѣсколько разъ Таечку и передала мнѣ, что Катерина Александровна, дѣйствительно, держитъ свою дочь, какъ дитя, стрижетъ ея прекрасные, густые волосы въ кружокъ, одѣваетъ ее à l'enfant и увѣряетъ всѣхъ, что ей только пятнадцать лѣтъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что ей едва ли не восьмнадцать. Можайской, повидимому, не хочется попасть въ «бальзаковскія женщины»; желая себя молодить, она убавляетъ года и дочери. Какой-нибудь уродецъ, думалъ я сначала; но мать моя увѣрила меня, что Таечка прехорошенькая, имѣетъ прекрасные глаза, въ которыхъ свѣтится умъ, замѣтный и въ разговорахъ съ нею, и ни мало ни застѣнчива, какъ слѣдовало бы предполагать по затворничеству, въ которомъ ее держатъ. Мать моя никогда не настаивала у Можайской о дозволеніи привезть къ ней сына въ деревню, не желая дать поводъ думать, что она для этого сынка прочитъ богатую невѣсту. Меня, однакожь, сильно подмывало, на зло «Синей-бородѣ» въ образѣ Катерины Александровны, во чтобы ни стало увидѣть Таечку, скрываемую отъ меня за тридевятью замками. Заповѣданное, какъ вѣдаешь самъ, сильнѣе и искушаетъ.

«Узналъ я какъ-то, что Можайская пріѣхала въ городъ. Утаивъ (согрѣшилъ) это обстоятельство отъ матери, я напомнилъ ей отдать моей кузинѣ визитъ, давнымъ давно не оплаченный. Когда жь экипажъ былъ поданъ, просилъ ее взять меня съ собою. Мать моя подозрѣвала умыселъ, но, желая сдѣлать мнѣ удовольствіе, согласилась. А умыселъ мой былъ такой:—Можайская живетъ за тридцать верстъ отъ города; мы отправимся въ полдень, какъ разъ пріѣдемъ къ обѣду;

гувернантка Таечки, англичанка немолодыхъ лѣтъ, мистрисъ Гордонъ, бойкая и умная, уполномочена хозяйкою дома, въ отсутствіе ея, принимать, занимать и угощать по своему усмотрѣнію; навѣрно она будетъ такъ вѣжлива, что не отпуститъ насъ голодныхъ домой; не запретъ же на это время свою ученицу. — Вѣдь я Таечкѣ по матери прихожусь дядюшкой, а мать мою, какъ мнѣ было извѣстно, называетъ она grand maman. Надо тебѣ замѣтить, что я, собираясь въ деревню Можайской, подстригъ себѣ бороду (за которую,—скажу тебѣ въ скобкахъ,—доставалось мнѣ и по *службѣ*), чтобы не испугать ею милое *дитя*. Разумѣется, Катерина Александровна не могла пріѣхать къ себѣ въ деревню на коврѣ-самолетѣ.

«Какъ слѣдовало быть по всѣмъ естественнымъ законамъ, мы не нашли ея у себя. Гувернанткѣ доложили о нашемъ пріѣздѣ. Она была въ саду и велѣла насъ просить туда. Когда мы пробирались за слугою, указывавшимъ намъ дорогу, пахнулъ на насъ встрѣчный вѣтерокъ, напитанный ароматомъ липъ, бывшихъ тогда въ полномъ цвѣтѣ. «Хорошее знаменіе»,—подумалъ я. Въ то же время мы замѣтили на лужайкѣ дѣвушку, довольно взрослую, и дѣвочку, лѣтъ тринадцати, играющихъ въ серсо. Такъ какъ онѣ были довольно далеко отъ насъ, а я, какъ ты знаешь, немного близорукъ, то и не могъ опредѣлить, хорошенькія-ли онѣ, или дурнушки; замѣтилъ только, что старшая была очень граціозна.

«Англичанка ожидала насъ подъ тѣнью старыхъ липъ, остриженныхъ въ видѣ стога сѣна. Разговоръ нашъ шелъ на родномъ ея языкѣ, на которомъ,—какъ тебѣ извѣстно,—мать моя и твой покорнѣйшій слуга, могутъ порядочно объясняться. Она приняла насъ съ любезностью свѣтской женщины, сожалѣла, что мы совершили такое далекое путешествіе и не нашли хо-

зяйки дома, но что она съ миссъ Тайсъ постараются замѣнить ее, какъ могутъ. Мистрисъ Гордонъ ударила раза три въ ладонь, примолвивъ: «у насъ здѣсь свои массонскіе знаки, и вы увидите, какъ ихъ хорошо понимаютъ».

«Въ самомъ дѣлѣ, на этотъ знакъ явились дѣвушка постарше и дѣвочка, игравшія въ серсо.

«— Съ grand' maman вы старые друзья,—сказала гувернантка первой, перемѣшивая англійскія слова съ французскими:—но вашъ дядя, que voici, былъ для васъ до нынѣшняго дня, какъ житель береговъ Ореноко, или вѣрнѣе, comme une illusion.

«Гувернантка, упоминая о берегахъ Ореноко, хотѣла, конечно, выказать, что воспитанница ея довольно сильна въ географіи. Но мнѣ въ эти минуты было не до учености; я остолбенѣлъ и растерялся, увидавъ Таечку.

«Повѣришь ли, передо мною стояла Авдотья Петровна, когда она въ Москвѣ съ твоимъ отцомъ и матерью провожали тебя,

jeune et beau Dunois, partant pour la Syrie».

«Тотъ же граціозный ростъ, такіе же каріе глаза, въ которые смотришь, замирая, какъ будто въ глубину бездоннаго неба; такіе же черные волосы съ голубоватымъ отливомъ. Видно, на зло Катеринѣ Александровнѣ и ея ножницамъ, они растутъ не по днямъ, а по часамъ, и покрываютъ густыми кудрями ея бѣлоснѣжную шею. Такое же очертаніе лица. Можетъ быть, поставивъ ее и вашъ «Изумрудный-крестикъ» рядомъ, я замѣтилъ бы въ нихъ какое-нибудь тонкое различіе, но теперь для меня сходство это было изумительно. А когда заговорила Таечка, Боже мой, думалъ я, да это говоритъ сестра моего Володи! Слуху моему и душѣ моей отдались тѣ же гармоническіе звуки, которыми я, нѣкогда, упивался, слушая вашу

Дуню. Да, странная игра природы! Я увидалъ двойника ея. Одно, что портило сходство, такъ это нѣкоторыя принадлежности дѣтскаго туалета, которыя странно противорѣчили росту Таечки и развитости ея формъ. Смотря на нее, я стоялъ, какъ истуканъ. Она протянула было мнѣ свою руку, но остановилась и вся запылала, увидавъ, что я не двигаюсь съ мѣста и не говорю ни слова. Не знаю, сколько бы продолжался мой столбнякъ, еслибъ не вывелъ меня изъ него голосъ англичанки:

«Вы оба, — сказала она:—какъ будто растерялись, и я угадываю отъ чего: monsieur Michel оттого, что думалъ увидѣть дитя, а Таисъ отъ того, что думала встрѣтить въ своемъ дядѣ человѣка пожилого, и оба ошиблись. Надо замѣтить, что миссъ Можайски не по годамъ высока и развита. Но придите же въ себя и дайте оба другъ другу руки, какъ родные.

«Мы оба, неподвижные визави, невольно улыбнулись и подали другъ другу руки.

«— Правда, мистрисъ Гордонъ,—сказалъ я не безъ умысла: — мнѣ причудилось, что моя ньеса вотъ это дитя, что стоитъ подлѣ васъ.

«— Эта глупенькая,—отозвалась гувернантка, трепля рукою розовыя щечки дѣвочки:—моя дочь Алисъ, представляю вамъ ее. Увидавъ васъ, она открыла ротъ отъ удивленія, что дядя ея подруги отъ старика, какимъ она воображаетъ себѣ всѣхъ дядей, превратился въ молодого человѣка.

«Алиса сдѣлала книксенъ, какъ механическая куколка, которую дернули за нитку. Однакожь, она, по бойкимъ глазкамъ своимъ, вовсе не походила на глупенькую.

«Между тѣмъ какъ мы переговаривались съ англичанкой, Таечка бросилась къ моей матери, принявшей ее въ свои объятія, и извинялась, что занялась своимъ

дядей, прибывшимъ съ береговъ Ореноко, прежде чѣмъ съ grand' maman, которую давно знаетъ и такъ любитъ.

«— Признаюсь вамъ, мистрисъ Гордонъ,—продолжалъ я, обращаясь къ гувернанткѣ и все-таки искоса любуясь Таечкой:—причина моего столбняка была другая. Ваша воспитанница такъ похожа на одну знакомую мнѣ миссъ, какъ будто онѣ двойники.

«— Любопытно бы узнать, кто такая, — спросила Тая, поймавъ острымъ слухомъ мои слова.

«Въ это время, не выходя изъ объятій матери, она сдѣлала такой граціозный полуоборотъ головой и станомъ, что художникъ почелъ бы себя счастливымъ схватить ее въ этой позѣ и перенести на полотно.

«— Ее завутъ Изумрудный-крестикъ.

«— Изумрудный-крестикъ?—повторила она: — что за романическое названіе!

«— И та, которая его носитъ, преинтересная особа. Когда-нибудь разскажу вамъ объ ней много и много, а будемъ всѣ вмѣстѣ въ Москвѣ, познакомлю васъ съ нею.

«— Желала бы очень; до сихъ поръ я видѣла только своего двойника въ зеркалѣ.

«— Молодежи скучно будетъ на одномъ мѣстѣ, да еще со старушками, — сказала гувернантка Таечкѣ— (мистрисъ Гордонъ, какъ мнѣ казалось на видъ, преждевременно записалась въ старушки),—постарайтесь до обѣда занять вашего дядю, покажите ему нашъ садъ — вѣдь онъ былъ здѣсь зимой и видѣлъ его въ снѣжной пудрѣ, и то изъ окна. А право, стоитъ на него взглянуть; онъ похожъ на сады нашихъ старыхъ аббатствъ. Кстати, возьмите *мою* съ собою.

«Мы, то-есть Таечка, я и маленькая Алисъ пошли въ садъ. По разговорамъ съ своей пьесой, я нашелъ въ ней смѣсь дѣтской наивности съ разсудительностью

взрослой дѣвушки, игривость характера смѣнялась иногда въ ней внезапною задумчивостью. Она много читала—путешествій, историческихъ книгъ, даже романовъ, но все англійскихъ—ни одного французскаго. Съ русскою литературой была вовсе незнакома.

«— Дали мнѣ какъ-то Державина,—сказала она:— но онъ пришелся не по моему вкусу. Все какіе-то богатыри, башни за облака бросаютъ, станутъ на горы— горы трещатъ. Слыхала я о Пушкинѣ, о Лермонтовѣ, но ихъ, не знаю почему, не даютъ мнѣ.

»Между разговоровъ я нерѣдко наблюдалъ ее и довольно неосторожно, такъ, что она это замѣтила.

«— Вы, дядя, все сличаете меня съ ввшимъ Изумрудным-крестикомъ,—сказала она, — не разочаровались ли наконецъ?

«Нѣтъ, чѣмъ болѣе на васъ смотрю, тѣмъ болѣе нахожу въ васъ обѣихъ дивное сходство. Только съ однимъ различіемъ: вы — дитя (въ голосѣ моемъ слышалась иронія), а той, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ, было восемнадцать лѣтъ.

«— Дитя! дитя!—перебила она меня съ неудовольствіемъ: — и вы тоже! Довольно, что я это каждый день, каждый часъ слышу отъ мамаши. Развѣ я не знаю, сколько мнѣ лѣтъ? Воля ея, а все-таки не желаю оставаться малолѣткой; я хочу пользоваться тѣмъ, что Богу угодно было мнѣ дать, а не тѣмъ, чѣмъ хотятъ меня сдѣлать. Прикажите, дядя, говорить съ вами, какъ малолѣткѣ?

«— Боже сохрани! Въ этомъ случаѣ я потерялъ бы много. Вы видите, что я бесѣдовалъ съ вами не такъ, какъ говорилъ бы съ маленькой Алисой.

«Маленькая Алиса, въ свою очередь, нахмурилась, надула губки и сдѣлала свой отчетливый книксенъ.

«— Видите, какой я неловкій, изъ огня да въ полымя. Простите мнѣ, миссъ Таисъ, и вы, миссъ Алисъ,

я знаю васъ еще такъ мало. Признаюсь вамъ откровенно, Таисія Дмитріевна, вашъ дѣтскій нарядъ ввелъ меня въ заблужденіе.

«— Настоящій маскарадъ!—сказала Таечка, слегка пожавъ плечами. — Сдѣлайте одолженіе, не обижайте меня впередъ, дядя, напоминая мнѣ мое фальшивое дѣтство.

«— Вы знаете, можетъ быть, русскую пословицу: «по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ». Рѣшено, ma chère nièce, съ этого часа мы проводили ваше дѣтство,—аминь!

«Такъ разговаривали мы, бродя, гдѣ попало, по саду. Я, какъ страстный ботаникъ, нашедшій въ глуши рѣдкое растеніе, подробно разбиралъ его,—она, какъ это растеніе, не вѣдающее, что съ нимъ дѣлаютъ, раскрывала предо мною все, что въ умѣ и чувствахъ ея было прекраснаго, и свои недостатки.

«Садъ, въ самомъ дѣлѣ, походилъ на запущенный садъ древняго аббатства; дорожки въ немъ содержались болѣе человѣческими слѣдами, чѣмъ руками ихъ. Видно было, что нынѣшняя владѣлица Гостинцевъ не любила тратить денегъ на поддержку его и украшеніе. Кое-гдѣ воспользовались только расположеніемъ деревъ, чтобы устроить подъ ними натуральныя бесѣдки Огромный прудъ, къ которому мы подошли, поросъ во многихъ мѣстахъ водяными растеніями; осока выказывала изъ воды свои зелено-коричневыя иглы, кувшинчики съ распластанными листьями обрисовали ее разными узорами. При появленіи нашемъ стая разнородной дичи, находившей въ нихъ надежный пріютъ, высыпала съ шумомъ, какой производитъ фейерверочный буракъ. Въ серединѣ пруда островъ и на немъ курганъ съ башнею въ развалинахъ, въ которой, какъ я узналъ послѣ, покойный Можайскій производилъ химическіе опыты. Все это обросло рощицами.

Легкая зелень березъ, оттѣняемая темною зеленью кедровъ и пихты, бѣлые и коричневые ихъ стволыживописно отражаются въ водѣ. На одномъ мысу столѣтніе корни, осмѣлившіеся было выступить не въ свою стихію, обрѣзаны топоромъ и образовали родъ пристани, на которую можно ступить, не промочивъ ноги.

«— Какъ хорошо должно быть на этомъ островѣ,— сказалъ я,—вижу лодку, близко насъ, у берега, однакожь не берусь, перевозить васъ на ней; признаюсь, я не мастеръ управлять весломъ.

«— Хотите? Мы съ Алисой перевеземъ васъ.

«— Вы?—спросилъ я, усмѣхаясь,—сладите ли вы съ невѣрною стихіей?

«— Почему жь не такъ! Насъ пріучили не бояться воды. Въ степной нашей деревнѣ рѣка пошире этого пруда; мы часто переправлялись черезъ нее. И здѣсь сколько разъ перебирались на островъ, и не въ такую погоду, не только на лодкѣ, но и вплавь. Не даромъ насъ здѣсь прозвали островитянками.

«Можетъ быть многія изъ нашихъ *барышень* почли бы такую откровенность нескромною, воображеніе другого слушателя, иначе настроенное, нежели мое, могло бы привесть его въ искушеніе усмѣхнуться, какъ усмѣхается на картинѣ художника пустынникъ, увидавшій изъ-за деревъ купающуюся русалку. Мнѣ, въ эти минуты, не приходила и въ голову никакая лукавая мысль. Смотря на лицо Таечки, озаренное свѣтомъ чистой, непорочной души, я слушалъ ея рѣчь, какъ бы слушалъ лепетъ невиннаго ребенка.

«— Прежде, — сказалъ я: — позвольте осмотрѣть лодку.

«— Извольте осмотрѣть mon vènèrable oncle.

«На берегу подмостки, въ нихъ укрѣплено кольцо— и въ него задѣтъ крюкъ, удерживающій лодку отъ своевольной прогулки по волѣ вѣтра.

«Лодку нашелъ я въ надежномъ состояніи; на водѣ и въ воздухѣ была такая тишь, что брошенный мною въ нее листокъ не шевелился. Я хотѣлъ было подать руку Таечкѣ, чтобы облегчить ей переходъ на лодку, но она отказалась и закричала, чтобы я сѣлъ на среднюю скамью.

«— Чуръ не шевелиться, — прибавила она, грозя мнѣ пальцемъ, сама же прыгнула проворно съ мостика въ лодку, Алиса за нею.

«Обѣ взяли по веслу.

«— Отдаюсь вамъ тѣломъ и душою, — сказала я, исполнивъ приказаніе моей повелительницы.

«Таечка правила весломъ за рулевого и вмѣстѣ съ тѣмъ помогала своей подругѣ грести. Во всѣхъ движеніяхъ ея видны были смѣлость и ловкость, но между тѣмъ она не теряла граціи женственности. Лодка быстро отплыла отъ мостика и скользнула по водѣ. Удовольствіе изображалось на лицахъ моихъ гондольерокъ; казалось мнѣ, слабыя существа гордились, что перевозятъ мужчину, одареннаго отъ природы силою и смѣлостью, и помѣнялись съ нимъ ролями. Лодка шла быстрымъ ходомъ. Маленькая Алиса сдѣлала своей подругѣ знаки головой и плутовскими глазками, Таечка ихъ поняла, и лодка стала описывать по пруду то круги, то идя зигзагами. Признаюсь, я пугался не столько за себя, сколько за нихъ, боясь, чтобы желаніе пощеголять своимъ искусствомъ не кончилось чѣмъ-нибудь худымъ. Но онѣ, довольно помучивъ меня и натѣшившись своими маневрами, осторожно обогнули маленькій островъ, который, какъ пышный цвѣтникъ, выступалъ изъ воды,—такъ много было на немъ цвѣтовъ. Вдругъ лодка полетѣла стрѣлою къ пристани и остановилась у нея.

«— Довольны ли вы нами? — спросила меня Таечка.

«— Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, если бы сказалъ: нѣтъ. Вы заставили меня полюбить катанье по водѣ и, если позволите, на обратномъ пути я поработаю весломъ, а вы меня поучите.

«— Прекрасно дядя,—сказала Таечка, — втроемъ мы заставимъ лодку идти еще скорѣе; кстати въ ней есть третье весло.

«Алиса была въ восхищеніи.

»Сдѣлали обзоръ острова съ его рощами, курганомъ и развалинами башни, съ которой видъ былъ довольно хорошъ. Я желалъ скорѣе приняться за наши уроки; они могли бы сблизить меня съ Таечкой, начинавшей сильно интересовать меня. Мои спутницы видимо сокращали путь къ пристани, и мы скоро были опять на ней. На этотъ разъ я смѣлѣе вскочилъ въ лодку и, какъ будто поступившій на службу морякъ, съ особеннымъ уваженіемъ принялъ въ нее моихъ командировъ. Схвативъ третье весло, я приложилъ руку къ козырьку, въ ожиданіи приказаній. Таечка посмотрѣла на меня свысока и, немного нахмуривъ брови, повелительно указала мнѣ мѣсто у кормы, возлѣ себя. Алиса смѣялась отъ души, а я готовъ былъ упасть на колѣни передъ Таечкой, такъ она была хороша въ этой позѣ. Мнѣ приказано было грести, но первые пріемы мои были неудачны; я то болталъ воду, то обрызгивалъ Алису, приходившуюся какъ-то цѣлью моихъ неловкихъ движеній. Хорошенькій капитанъ мой кричалъ мнѣ. — «господинъ юнгъ, не такъ, держите ваше весло вотъ какъ, не смотрите на меня, а на конецъ вашего носа»,—и, чтобы лучше внушить мнѣ урокъ, налагала свою теплую ручку на мою руку, иногда немилосердно повертывая ее. Что происходило у меня тогда въ душѣ, я и самъ понять не могъ; знаю только, что мнѣ сильно хотѣлось поцѣловать эту ручку и продлить, какъ можно долѣе, ученье.

Но съ господскаго двора потянули звуки колокольчика.

«— Насъ зовутъ обѣдать, — сказала Таечка, — теперь капитанъ и юнгъ въ сторону. Прошу, дядя, положить ваше измученное весло на покой и позволить намъ доставить васъ на твердую землю.

«Сошли на берегъ; я благодарилъ моихъ островитянокъ за удовольствіе, мнѣ доставленное, и прибавилъ, что считаю нынѣшній день однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

«— И мы долго будемъ помнить его. Иногда стараешься веселиться, а все какъ-то не ладится. Я читала гдѣ-то, что есть особенные дни отъ Бога— одни для нашихъ радостей, другіе для печали; ни тѣхъ, ни другихъ, какъ ни старайся, не переиначишь по своему.

«— Неужели и къ вамъ, въ ваши лѣта, приходятъ дни печали?

«— А почемужь и не такъ? Развѣ я въ семьѣ людской исключеніе?

«Когда мы пришли домой, Таечка и Алисъ отдали мистрисъ Гордонъ отчетъ въ нашей прогулкѣ и рекомендовали меня своимъ ученикомъ. Смѣялись много наши старушки, когда имъ разсказали, какъ отъ моего неумѣнья доставалось бѣдной дѣвочкѣ. Къ столу повелъ я своихъ учителей, извиняясь передъ мистрисъ Гордонъ, что нынѣшній день принадлежу имъ, и сѣлъ за столъ между ними. Я замѣтилъ, что добрая моя мамаша съ удовольствіемъ смотрѣла на меня и Таечку, сидящихъ рядомъ. Всѣ были веселы и послѣ обѣда, такъ что мы не замѣтили, какъ солнце стало ужь садиться. Боясь, чтобы Катерина Александровна своимъ пріѣздомъ не спугнула нашего веселья и не испортила этотъ прекрасный для меня день, подаренный намъ, по выраженію Таечки,—Богомъ,—я напомнилъ

maman, что пора отправиться домой; не то, ночь можетъ застать насъ на худомъ спускѣ въ оврагъ.

«Когда мы собрались уѣзжать, по лицу Таечки пробѣжало душевное облачко; она задумалась.

«— Вы не откажете мнѣ въ одной просьбѣ, ma chère niéce?—спросилъ я ее.—Я, конечно, не попрошу васъ ни о чемъ, чего вы не можете исполнить.

«Она посмотрѣла на меня какъ-то особенно ласково и сказала:

«— Съ удовольствіемъ.

«Я вынулъ свою памятную книжку и подалъ ей карандашъ.

«— Напишите мнѣ нынѣшнее число, мѣсяцъ и годъ.

«Она написала дрожащею рукою: 15-го іюня 185..., нарисовала якорь и подписала:

«*Одна изъ островитянокъ.*

«Алисъ, по моей просьбѣ написать мнѣ что-нибудь на память нынѣшняго дня, нарисовала очень мило три весла, связанныя бантомъ и подписала:

«*Другая островитянка.*

«Дорогою я только и думалъ о Таечкѣ; прекрасный образъ ея носился безпрестанно передо мною, голосъ ея все еще звучалъ въ моемъ сердцѣ. Я съ восторгомъ говорилъ объ ней моей матери; она съ своей стороны отзывалась объ ней съ особенною любовью.

«На полудорогѣ къ городу мы встрѣтились съ Катериной Александровной. Экипажи наши остановились рядомъ; изъ оконъ ихъ мы перекинули другъ другу нѣсколько словъ. Я замѣтилъ, что она, увидавъ насъ, смутилась. Мать моя разсказала ей, какъ Таечка, дѣлая les honneurs de la maison, обворожила насъ своею любезностью.

«— А вы какъ нашли ее? — спросила меня Катерина Александровна.

«— Еслибъ я не зналъ маменьки, сказалъ бы, что не видалъ никого лучше въ жизни моей.

«Она погрозила мнѣ пальцемъ, потомъ обратясь къ матери, сказала:

«— Поздравьте меня; на-дняхъ пріѣдетъ ко мнѣ учитель музыки, monsieur Hautbois. Пріятельница пишетъ изъ Петербурга, что его увлекали на перерывъ во многіе дома, но ей выпалъ счастливый жребій перехватить его для меня. Правда, дорогонекъ, слишкомъ тысячу рублей monnaie sonnante. Но я не жалѣю: музыка по разнымъ обстоятельствамъ оставалась почти въ пробѣлѣ въ воспитаніи моей дочери, а время уходитъ. Учиться, учиться ей надо, пока годы не ушли.

«Она послала намъ рукой по поцѣлую и велѣла тронуть лошадей; мы приказали то же сдѣлать. Отъѣхавъ немного, я выглянулъ въ окно, экипажъ Можайской летѣлъ на крыльяхъ вѣтра, окутанный облакомъ пыли. Видно, кучеръ, по приказанію барыни, гналъ лошадей и въ хвостъ и въ гриву.

«— Боюсь,—сказалъ я матери, — чтобы не досталось Таечкѣ за прогулку по водѣ.

«— Ужь, конечно, у барыньки на душѣ не свѣтло и не тихо, но повѣрь, она довольно умна, чтобы не показать этого, даже своимъ домашнимъ.

«Не смотря на то, что сердце тянуло меня въ Гостинцы, дѣла службы помѣшали мнѣ быть у Можайскихъ ранѣе трехъ недѣль. Надо тебѣ сказать, что я, собираясь къ нимъ, на всякій случай взялъ нѣсколько уроковъ у здѣшняго рыбака и набрался у него премудрости лодковожденія, въ которой могъ уже состязаться съ моими островитянками.

«Я засталъ своихъ друзей,—такъ ужь привыкъ въ сердцѣ называть мистрисъ Гордонъ, Таечку и Алису,—

въ гостиной. Катерина Александровна съ учителемъ музыки, monsieur Hautbois, пошла осматривать хозяйственныя заведенія. — «Вотъ какъ, madame Можайская»,—подумалъ я: «вы прежде не знали, что такое озимое и яровое поле, смѣшивали снопъ съ копною и умѣли только получать денежки отъ своего бурмистра, да развѣ счесть ихъ, нынѣ принимаете изъ рукъ monsieur Гобуа жезлъ хозяйства! Даже скотный дворъ и птичныя, куда ваша ножка боялась ступить, имѣютъ счастіе видѣть васъ на своей навозной территоріи? Что съ вами сдѣлалось? Нужны были сильныя побужденія для такого переворота. Не перевернулось ли солнце ваше на оси своей?...»

«Отъ перваго взгляда на моихъ друзей не укрылось, что всѣ онѣ находились подъ гнетомъ какой-то тягостной перемѣны въ ихъ быту; однакожъ, онѣ обрадовались мнѣ.

«— Вы насъ совсѣмъ забыли, дядя, — сказала Таечка своимъ задушевнымъ голосомъ, и протянула мнѣ ручку. Гордонъ сдѣлала мнѣ такой же упрекъ, маленькая Алисъ бросилась ко мнѣ навстрѣчу и ужь безъ книксена хотѣла подать мнѣ руку.

«— То-же, какъ большая особа, — закричала на нее мать,—протягиваетъ руку; поцѣлуй въ щеку, въ щеку, дѣвочка, и непремѣнно два раза, за себя и за меня.

«Съ большимъ удовольствіемъ принявъ отъ Алисы двойной поцѣлуй, я отплатилъ его безъ счету на щечкахъ дѣвочки зардѣвшихся отъ стыда.

«— Желанія быть у васъ было у меня много, — сказалъ я, — но долгъ службы, какъ нарочно, сталъ поперекъ моего сердечнаго влеченія. За счастливый день, записанный въ памятной книжкѣ и сердцѣ моемъ, я у васъ въ долгу. Не знаю, буду ли когда въ состояніи отплатить вамъ такимъ же. Неблагодарность

не въ моемъ характерѣ, вы видите это по щечкамъ миссъ Алисъ.

«Оправдываясь, я между тѣмъ пристально всматривался въ Таечку. Меня поразила въ ея наружности какая-то перемѣна. Волосы ея ужь не падали на шею, а собраны были пышнымъ узломъ на головѣ á la Diane chasseresse, исчезли нѣкоторыя принадлежности дѣтскаго туалета. Какъ она еще похорошѣла! И это преобразованіе сдѣлано вслѣдствіе моего замѣчанія... Самолюбіе и другое, болѣе сладкое, чувство подали мнѣ голосъ изъ глубины души моей. Она старалась мнѣ угодить, сдѣлать мнѣ удовольствіе, думалъ я.

«Это удовольствіе, выступившее такъ ясно на лицѣ моемъ, не скрылось отъ проницательныхъ глазъ мистрисъ Гордонъ.

«— Видите, — замѣтила она, — какой сдѣлали *мы* успѣхъ только отъ одного вашего урока. Посмотримъ, хотѣла я сказать, такъ ли понятливъ *нашъ* ученикъ, да нынѣ врядъ ли придется васъ экзаменовать. Надо прибавить: Таисъ умѣла храбро одержать побѣду, да еще какую, —стоитъ ватерлооской. Признась, я не знала въ ней до сихъ поръ такой твердости характера.

«— Я очень благодарна дядѣ,—сказала Тая, — онъ заставилъ меня открыто сбросить униженіе, которое я таила въ душѣ моей. Пора было!...

«Я поздравилъ ее съ пріѣздомъ учителя музыки, она ничего не отвѣчала, но я прочелъ на лицѣ ея неудовольствіе.

«— Il n'y a pas de quoi, — отозвалась за нее мистрисъ Гордонъ, голосомъ, въ которомъ слышалась горькая иронія: — настоящій музыкальный учитель, играетъ на всѣ тоны... Мудрено ль? Французъ! Вчера музыкантъ, завтра учитель языковъ, если нужно, инженеръ, все, что вамъ угодно, лишь бы въ томъ видѣлъ свои выгоды. Увѣрилъ нынѣ мистрисъ Можай-

ски, что онъ великій агрономъ, домоводъ, птицеводъ и прочее и прочее. Вотъ и пошли они ревизовать здѣшнее хозяйство.

«Чтожъ, — подумалъ я: — французъ не виноватъ, какъ и всѣ его собратья, пріѣзжающіе къ намъ дѣлать свою фортуну—на помадѣ ли, на мылѣ, на любви, на желѣзныхъ дорогахъ: благо, наша Русь податлива, а, можетъ быть, и простенька.

«Я только-что успѣлъ мысленно сдѣлать это заключеніе, какъ раздался въ передней крикливый голосъ Катерины Александровны, чего не было доселѣ въ ея привычкахъ.

«Я замѣтилъ, что Таечка вздрогнула отъ этого крика.

«Вслѣдъ затѣмъ появилась Катерина Александровна съ пылающими отъ гнѣва глазами; за нею шелъ незнакомый мнѣ мужчина. Увидавъ меня, она старалась принять спокойный видъ и, указывая мнѣ на своего спутника, а ему на меня, проговорила: — Mon cousin Michel Sousdaline, monsieur de Hautbois.

«Произнесенное очень отчетливо de при такой и безъ него громкой фамиліи, вызвало саркастическую улыбку на лицѣ моемъ, не укрывшуюся, конечно, отъ взоровъ Катерины Александровны. Ты знаешь, я не могу воздержаться отъ этой улыбки, когда вижу смѣшное противорѣчіе словъ съ дѣломъ.

«Я и monsieur Гобуа оглядѣли другъ друга. Онъ видимо, хотѣлъ, que je fasse les avances, но я стоялъ, не шевелясь и не произнося ни слова. Наконецъ, французъ съ медовою улыбкой протянулъ мнѣ руку и сказалъ, «что ему пріятно познакомиться со мною, что онъ столько ужъ наслышался хорошаго обо мнѣ отъ madame Mochaisky».

«Я слегка поклонился и подалъ ему руку.

«Я не знаю, какое впечатлѣніе сдѣлалъ я на гос

подина де-Гобуа, но онъ мнѣ какъ-то не понравился, несмотря на его красивую и даже очень красивую наружность. Ему можно дать лѣтъ 35. Лицо его, съ правильными, рѣзкими чертами, обрамлено волнами бѣлокурыхъ волосъ, въ родѣ львиной гривы á la Mirabeau, падающей на плечи, усики немного вздернутые, живописная эспаньолка, каріе глаза, блестящіе огнемъ, зубы бѣлые, какъ перлы, которые онъ имѣетъ искусство выказывать, произнося слова, руки бѣлыя и нѣжныя, какъ у женщины; все это должно привлекать къ нему особъ прекраснаго пола. Но мнѣ, — какъ я сказалъ, — онъ не понравился. Въ глазахъ его проглядываетъ коварство, въ рѣчахъ отзывается самохвальство и по временамъ вырываются слова, непринятыя въ порядочномъ обществѣ. Почти къ каждому случаю гремитъ онъ о превосходствѣ своего народа надъ жалкимъ, русскимъ народомъ—невольникомъ. Этотъ человѣкъ ни надъ чѣмъ не задумывается, все знаетъ, все считаетъ для себя доступнымъ, все ему трынъ-трава. Онъ изъясняется посредственно и по-русски, хотя и съ иностраннымъ акцентомъ и стараніемъ выговаривать слова грамматически, по-книжному. Угадываю въ немъ смѣлаго авантюриста, по нашему пройдоху. И въ Алжирѣ-то онъ былъ, и въ Мексикѣ, и на Кавказѣ. Вездѣ его чуть не на рукахъ носили.

«— Вообр-зите, cousin, какъ насъ, русскихъ помѣщиковъ, обманываютъ,—сказаза мнѣ Катерина Александровна:—какіе мы до сихъ поръ невѣжи и глупцы.

«Я поклонился.

«— Вы ко всему придираетесь, — прибавила она съ досадой: — *мы*, отношу къ себѣ и подобнымъ мнѣ; ваша собственная персона ограждена отъ всякихъ погрѣшностей:

«Я опять поклонился.

«— Полноте дурачиться, слушайте меня.

«— Слушаю, прекрасная кузина.

«— Вообразите, въ какомъ печальномъ состояніи наше хозяйство; наши крѣпостные люди обкрадываютъ насъ немилосердно, даютъ намъ изъ милости, что имъ угодно пожаловать, да еще и за это спасибо говори. Мы были сейчасъ съ monsieur Гобуа (на сей разъ она не прибавила *de*), обходили хозяйственныя заведенія, скотный дворъ, птичную, домъ, гдѣ сушатъ хлѣбъ. Вездѣ безпорядокъ.

«— О ужасъ! и ваше обоняніе, привыкшее къ fleur d'orange и mille fleurs, не оскорбилось запахомъ навоза?

«— Полноте шутить, не то замолчу.

«— Нѣтъ, ради Бога, продолжайте, мнѣ очень любопытно знать послѣдствія вашей ревизіи.

«— Я вамъ ужь говорила, что въ хозяйствѣ остановилась на *a* и *b*. Къ счастью узнаю, что monsieur Гобуа великій агрономъ; вотъ я и попросила его взглянуть на мои заведенія. Страшно сказать, какую неурядицу мы тамъ нашли. Imaginez, моя курица даетъ въ годъ 50 яицъ, а въ имѣніи papa de monsieur Гобуа 200; у меня корова удостоиваетъ отпускать намъ по 30 фунтовъ масла, а у папа его даетъ по 3 пуда. Въ Гостинцахъ слишкомъ сто куръ, огромное стадо коровъ, ужь, право, забыла, сколько. Сочтите, что я теряю. C'est inouis! Просто, грабежъ!

«— Папа monsieur Гобуа,—осмѣлился я замѣтить:— живетъ въ странѣ, гдѣ лѣто продолжается девять мѣсяцевъ, гдѣ косятъ искусственные луга три раза въ годъ, гдѣ коровы почти круглый годъ содержатся на стойлѣ, а мы, русскіе, обиженные природой и всѣми, кому только вздумается насъ обижать, съ лѣтомъ въ три мѣсяца, съ лугами, которые воздѣлываетъ, обсѣваетъ и орошаетъ одинъ Богъ, можемъ ли мы сравняться въ хозяйствѣ съ французскими фермье. Вспом-

ните, что наша скотина, по крайней-мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ въ году ѣстъ солому, развѣ дойныя получаютъ въ это время по клочку сѣна.

«— Развѣ не всѣ дойныя? Безъ того, что за выгода держать ихъ?

«На это невинное замѣчаніе я и даже monsieur Гобуа улыбнулись.

«— Позвольте доложить вамъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—трудъ и наука побѣждаютъ и природу и почву; а здѣсь невѣжество, лѣнь, плутни на каждомъ шагу. Чтожъ дѣлаетъ управляющій, бургемейстеръ что-ли, зачѣмъ онъ берется не за свою должность?

«— Ему велѣли быть управляющимъ, какъ у насъ велятъ быть музыкантомъ, механикомъ, всѣмъ, чѣмъ хочетъ помѣщикъ, и онъ поневолѣ управляющій.

«— Все-таки скажу, que ce doit être un fieffé coquin; сейчасъ по глазамъ видно.

«— О! да вы второй Лафатеръ, monsieur Гобуа, увидали только разъ человѣка и тотчасъ опредѣлили его нравственныя качества.

«Это замѣчаніе, видимо, не понравилось ни Катеринѣ Александровнѣ, ни французу.

«— Говорите, что вамъ угодно, — перебила она меня: — а я у себя хозяйка, и сейчасъ смѣняю этого негодяя.

«— Матвѣя Савельича, котораго вы столько разъ мнѣ превозносили до небесъ, которому за честность и усердіе дарили почетные кафтаны, бархатныя шапки, кушаки?

«— Чтожъ дѣлать, я женщина, хозяйства не понимаю, не имѣла подлѣ себя человѣка, который открылъ бы мнѣ глаза: не мудрено, была обманута, видѣла все въ розовомъ цвѣтѣ. Неужели мнѣ и теперь, когда я прозрѣла по милости monsieur Гобуа, добровольно за-

крыть глаза и сказать этимъ ворамъ: — продолжайте, друзья мои, обкрадывать меня, дочь мою, берите мое серебро, брилліанты, платья, чепчики, ленты...

«Тутъ Катерина Александровна отъ гнѣва не могла болѣе говорить; она судорожно схватила колокольчикъ со стола и зазвонила такъ, что ушамъ нашимъ было больно.

«Вошелъ что-то въ родѣ мажордома, судя по его наружности.

«— Объяви Матюшкѣ, что онъ съ этой минуты не бурмистръ, а пастухъ.

«Дворецкій осмѣлился было сказать:

«— Матвѣю Савельичу?

«— Савельичемъ онъ былъ, а теперь знай, Матюшка

«Никогда не видалъ я, да и не могъ думать, что увижу мою очаровательную кузину въ такомъ бѣшеномъ состояніи. Она, казалось, изъ свѣтской, любезной дамы сдѣлалась степною помѣщицей, въ родѣ Плюшкиной.

«Я посмотрѣлъ на Таечку—она была блѣдна, какъ полотно.

«— Маменька,—сказала она со слезами на глазахъ, цѣлуя руку у матери: — вспомните, Савельичъ служилъ вѣрно и усердно тридцать лѣтъ дѣдушкѣ, отцу моему, вамъ... Если онъ не знаетъ чего по новому хозяйству, такъ его научатъ... Онъ уменъ и сейчасъ пойметъ все, будетъ дѣлать, какъ ему растолкуютъ.

«— Vous êtes une enfant, ma chere, ты ничего не понимаешь. У тебя были только деревянныя и фарфоровыя коровки и курочки, будешь имѣть живыхъ, другое запоешь.

«Таечка просила, но Катерина Александровна была неумолима и строго приказала ей замолчать и не вмѣшиваться въ дѣла, которыя ей не по лѣтамъ.

«— Буду молчать, но теперь скажу, что это несправедливо и жестоко.

«— Вотъ видите cousin, плоды вашихъ уроковъ,— сказала Катерина Александровна, обращаясь ко мнѣ.— Я хотѣла еще прежде замѣтить вамъ, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Вы ужь, конечно, успѣли торжествовать свою побѣду надо мной въ дѣлѣ туалета. Поздравьте, особа. совершенныхъ лѣтъ!..

«Она указала на Таечку.

«— Не съ уставомъ и не въ монастырь пришелъ я, Катерина Александровна, а въ дружеское, родное семейство, которое люблю и уважаю. Какъ дядя, я сдѣлалъ только замѣчаніе моей племянницѣ. Очень радъ, что наслѣдница вашей красоты сбросила съ себя то, что ее такъ уродовало—позвольте мнѣ это сказать, несмотря на вашъ вкусъ, на вашу любовь ко всему прекрасному.

«Хотя и сладко пѣлъ, но по привычкѣ не могъ не посмотрѣть коварно на учителя музыки, агронома, физіономиста и прочая.

«— Ну, полноте, cher cousin и льстецъ великій,— перебила она меня, подавая мнѣ руку въ знакъ примиренія. — Я никогда не была сварливой бабой, тѣмъ менѣе желаю ею быть при постороннемъ лицѣ; а въ доказательство, что на васъ не сержусь, предлагаю вамъ продолжать ваши уроки въ *мореходствѣ*. Подивитесь, monsieur Hautbois.

«Во время переговоровъ Катерины Александровны съ дочерью и со мной, ловкій французъ ускользнулъ отъ насъ въ глубину комнаты, гдѣ мистрисъ Гордонъ и Алисъ занимались шитьемъ по канвѣ, какъ будто затѣянная кутерьма была не его дѣло. Здѣсь онъ попытался завязать вкрадчивый разговоръ съ матерью, но видя, что она не вкушаетъ его сладкорѣчія, обратился

къ дочери, разсматривалъ ея работу, хвалилъ золотыя ручки. И тутъ не найдя удачи, обратился опять къ матери.

«— Прекрасно—сказалъ онъ:—но какая цѣль этой работы; какую пользу можетъ она принести? Доставитъ ли насущный хлѣбъ?

«— Все-таки лучше, чѣмъ добывать его пустословіемъ и клеветой на ближняго;—сказала мистрисъ Гордонъ.

«Озадаченный этимъ жестокимъ урокомъ, онъ отошелъ къ окошку и началъ насвистывать какую-то пѣсеньку, потомъ развалился въ креслахъ и закурилъ сигару.

«Когда жъ имя его было произнесено Катериной Александровной, онъ подлетѣлъ къ ней.

«— Подивитесь, monsieur Гобуа,—повторила она:— mon coisin Мишель не умѣетъ даже взяться за весло; моя дочь и маленькая Алисъ учатъ его управлять лодкой... Онѣ свыклись съ водой, какъ будто родились на ней, переправляются однѣ черезъ огромный прудъ. Мы съ madame Гордонъ считаемъ это однимъ изъ важныхъ предметовъ воспитанія.

«— Очень справедливо,—отвѣчалъ Гобуа:—мало ли что можетъ случиться въ ихъ жизни. Жаль, что не могу участвовавать въ этихъ урокахъ; мнѣ надо еще заняться дѣломъ по вашему порученію. А то я скоро бы создалъ изъ monsieur Суздалинъ un fier mantonnier. Sacré Dieu! могу похвастаться въ домашнемъ кругу, что разсѣкаю морскія волны, какъ будто ножемъ разрѣзываю ломоть хлѣба. На оконечности мыса Финистера я спасъ на лодкѣ съ разбитаго бурею корабля десять человѣкъ. Когда-нибудь покажу вамъ и медаль за спасеніе ихъ.

«Я не хотѣлъ болѣе коварно усмѣхаться, какъ это дѣлалъ прежде, боясь прогнѣвить кузину и упу-

стить случай погулять и побесѣдовать съ Таечкой. Желая замаскировать цѣль прогулки, я спѣшилъ предложить руку мистрисъ Гордонъ. Наши спутницы успѣли ужь надѣть шляпки и выпорхнуть изъ комнаты. Мы нашли ихъ, сходящихъ ужь съ лѣстницы терассы.

«— Благодарю небо,—сказала мнѣ Гордонъ, ожесточенно махая на себя вѣеромъ: — наконецъ могу успокоить свои нервы. Вы не повѣрите, какъ они раздражены всѣми этими рѣзкими звуками колокольчика, этими криками, которые мы въ первый разъ слышимъ. Меня особенно возмущаетъ нахальство француза. Дерзкій, даже неловкій авантюристъ! Пріѣхалъ учить музыкѣ, въ которой, — правду сказать, — не очень силенъ, и принимается теперь за хозяйство. Пуще всего мнѣ жаль Таисъ. Вообразите, этотъ невѣжа вздумалъ во время уроковъ, при малѣйшей ошибкѣ, бить карандашомъ по пальцамъ. Она перестала играть и вышла изъ комнаты. Достался же ему отъ меня порядочный урокъ. Я, просто, сказала ему:—что такъ не обращаются даже съ горничными.— Да, жаль мнѣ Таисъ. Люблю ее не менѣе своей дочери, и нельзя не любить: умна, добра, правда, съ увлеченіями, но все-таки эти увлеченія показываютъ благородную, свѣтлую душу.

«Все это сказано было мистриссъ Гордонъ съ пониженіемъ голоса, чтобы наши спутницы, шедшія впереди насъ, не слыхали нашего разговора.

«Я молчалъ.

«— Никто здѣсь не любитъ его, разумѣется, кромѣ одной особы. Даже моя Алисъ говоритъ, что она чувствуетъ къ нему антипатію. Я порядочно ее за это пожурила; ей ли, дѣвочкѣ, знать симпатію и антипатію! Таисъ молчитъ, за то у нея на душѣ не легче; тайная грусть снѣдаетъ ее. Посѣщайте насъ, пожа-

луйста, почаще. Вы ей дядя и, какъ я замѣтила, успѣли пріобрѣсть надъ нею какое-то вліяніе — по родству ли, или просто потому, что вы поняли другъ друга. Сильна и упряма воля самой владычицы; несмотря на это, прежнее дитя умѣло поставить на своемъ въ дѣлѣ туалета—и все отъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ вами. Вы видѣли, съ какимъ восторгомъ она васъ встрѣтила. Этотъ цвѣтокъ, отъ домашней непогоды поникнувшій головкой, при васъ оживляется. А спросите-ка меня, съ какимъ нетерпѣніемъ она и моя дѣвочка васъ ожидали; всѣ уши прожужжали мнѣ объ васъ: и милый-то онъ, и умный, и добрый. Я сама полюбила васъ, какъ сына; иначе не была-бы съ вами такъ откровенна.

«— Благодарю васъ, добрая мистрисъ Гордонъ, за вашу дружбу,—отвѣчалъ я:—позвольте и мнѣ платить вамъ такимъ же чувствомъ и такою же откровенностью, даже большею. Вы не можете вообразить, какъ ваши слова приводятъ меня въ восхищеніе. Признаюсь вамъ, я не равнодушно смотрю на вашу воспитанницу. Сначала поразило меня сходство ея съ одною миссъ... Не подумайте, что я питаю къ этой особѣ страстное чувство, имѣю виды на ея руку,—нѣтъ, клянусь вамъ, уважаю ее, поклоняюсь ея уму, ея душевнымъ качествамъ—ничего болѣе. Но Таисія ваша сдѣлала на меня какое-то роковое впечатлѣніе; я видѣлъ ее только два раза, и чтожъ? это впечатлѣніе такъ сильно, что не могу совладать съ собою. Честью моей завѣряю васъ, я самый несчастный изъ людей, если не заслужу ея взаимности.

«Гордонъ посмотрѣла на меня своими голубиными глазами, какъ называетъ ихъ мать моя, и покачала головой.

«— Ого! такъ скоро? Ужь и несчастный! Если бы вы не употребили слово «честь», — я васъ

спросила бы, — а сколько разъ вы были такъ несчастны?

«— Ни однажды. Я бывалъ влюбленъ, какъ мальчикъ, потомъ какъ вѣтреный юноша, но развѣ это любовь? Скоро утѣшался я въ случаѣ неудачи; еслижъ встрѣчалъ какую-нибудь взаимность, такъ она кончалась двумя, тремя балами. На этотъ разъ я люблю на жизнь и на смерть. Мнѣ ужь подъ тридцать, мистрисъ Гордонъ.

«— А Таечкѣ пятнадцать; вы это забыли,—перебила она меня, лукаво улыбаясь.

«— Не вамъ бы это мнѣ говорить, не мнѣ бы слушать. Матери моей извѣстны лѣта миссъ Можайской не хуже ея родной матери, самой миссъ Таисѣ онѣ извѣстны; какъ же вы притворяетесь въ невѣдѣніи ихъ?

«— Положимъ, такъ. Одного только не могу понять: вы ей близкій родственникъ, а говорите объ ней словами влюбеннаго человѣка; вѣдь по вашимъ законамъ дядя...

«— Дядя только въ угоду Катеринѣ Александровнѣ. Если ужь выводить наше родство правильно, юридически, такъ я самой маменькѣ прихожусь троюроднымъ племянникомъ. Чѣмъ же я прихожусь дочери, можете сами вывесть. Можайская моложава, желаетъ еще нравиться... не ловко жь ей имѣть племянника съ бородой, какъ вашъ покорнѣйшій слуга; вотъ и пожаловали меня въ кузены.

«— Такъ эта статья чиста, препятствій нѣтъ.... но.... опять одно *но*, и самое важное, и опять на прежнюю тему. Мы знаемъ, наконецъ, что Таечкѣ скоро восемьнадцать лѣтъ. Захочетъ ли маменька отступиться отъ того, что прежде утверждала, показаться смѣшною въ глазахъ вашихъ, въ глазахъ своихъ знакомыхъ обнаружить, что она лгала, чтобы

скрыть свои годы? Думаю даже, теперь это несбыточнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Она ужь объявила галерному французу мнимыя лѣта своей дочери и будетъ все твердить, что Таечкѣ пятнадцать лѣтъ, будетъ опираться на законы... На томъ дѣло остановится.

«— Буду ждать годъ, два.

«— Хорошо, попытайтесь, ѣздите къ намъ... запрещеніе снято, la glace est rompue.... старайтесь заслужить расположеніе, пожалуй, чувство болѣе сильное Таисы. Помните, однакожъ, вы ужь не дядя ей, а я вамъ сказала, что она полюбила васъ, какъ добраго, любезнаго родственника. Вы видите, листъ перевернулся. Если Таисъ васъ полюбитъ, какъ избранника ея сердца, такъ и она будетъ ждать. Въ твердости ея характера я увѣрена, хоть ее все считали ребенкомъ. Къ сердцу ея, къ сердцу найдите путь, и съ Богомъ! Что до меня, я въ душѣ моей благословлю вашъ союзъ, какъ бы благословила союзъ моей дочери съ человѣкомъ достойнымъ, подобнымъ вамъ.

«— Тысячу разъ благодарю васъ, добрая мистрисъ Гордонъ, за ваше участіе ко мнѣ,—сказалъ я, пожавъ ей крѣпко руку.—Боюсь, однакожь, что я, утративъ имя дяди, утрачу и то чувство, которое въ ней возбудилъ, какъ вы говорите, подъ этимъ именемъ. Не лучше ли остаться при немъ?

«— Нѣтъ, дѣйствуйте прямо, открыто, какъ благородный, отважный рыцарь, поднявъ свое забрало, а не подкрадываясь, какъ татъ, къ своей добычѣ.... Я сама постараюсь искуснѣе сказать ей, что вы ей вовсе не дядя, и тогда посмотримъ, обманулась ли я на счетъ ея чувства.

«Наша передовая парочка, какъ будто услыхала эти слова и остановилась. Алиса обернулась къ намъ и погрозила пальцемъ. Мы прибавили шагу и поровнялись съ ними.

«— Кому ты грозишь?—спросила мать.

«— Ужь конечно не вамъ, мама, а дядѣ. Хочу напомнить ему объ островитянкахъ; думали онѣ повеселиться на водѣ, а теперь, по милости вашихъ секретныхъ совѣщаній, должны скучать на сушѣ.

«— Ужь и тебѣ мистеръ Суздалинъ дядя? Пожалуй, онъ такъ сдѣлается и всесвѣтнымъ. И Таисъ ему племянница, какъ онъ мнѣ племянникъ; это сейчасъ разъяснилъ онъ мнѣ.

«Таечка посмотрѣла на меня съ изумленіемъ и какъ будто испугалась этого открытія.

«— Какъ же это?—спросила она, покраснѣвъ.

«— Маменькѣ вашей угодно было назвать меня своимъ кузеномъ, и потому звенья нашего родства перемѣшались. Скорѣй я вамъ прихожусь троюроднымъ или четвероюроднымъ братомъ.

«— Поэтому я не смѣю назвать вашу maman, grand'maman. Нѣтъ, какъ хотите, оставьте мнѣ это удовольствіе.

«— Никто, — сказала гувернантка, — не лишаетъ васъ этого удовольствія, какъ никто не запрещаетъ вамъ, если вамъ нравится, называть вашего ученика дядей, тѣмъ болѣе, ваша maman этого желаетъ—вы позволите, monsieur Суздалинъ?

«— Мнѣ еще пріятнѣе было бы, еслибъ меня называли просто: дядя Мишель

«— Ну, такъ все остается по старому,—закричала Алиса, захлопавъ отъ радости въ ладоши:—все по старому. Такъ мы съ дядей Мишелемъ начнемъ наши уроки.

«Мы подошли къ берегу пруда; у мостика, съ котораго начались наши прежнія похожденія по водѣ, стояла лодка, но я ее не узналъ, такъ ее разукрасили. На мачтѣ, увитой цвѣтами, развѣвался зеленый флагъ съ надписью: 15-го іюня 185.... года. Корма была украшена цвѣтами, весла перевязаны зелеными бан-

тами. Таечка и Алиса пристально вглядывались въ меня, стараясь угадать на лицѣ моемъ чувство, которое произведетъ ихъ сюрпризъ. Добрая старушка притворилась, будто не посвящена въ ихъ тайны, и лукаво улыбалась. Въ эти минуты ужь, конечно, были сброшены съ сердца всякія заботы и горе, какія могъ только имѣть каждый изъ насъ.

«— Поѣзжайте съ Богомъ, дѣти,—сказала мистрисъ Гордонъ,—а я присяду здѣсь, на скамейкѣ, и буду слѣдить за вами глазами и сердцемъ.

«Старушка усѣлась съ своимъ чулочнымъ рукодѣльемъ на скамейкѣ, стоявшей въ тѣни, на берегу пруда. Я подалъ руку Таечкѣ, чтобы перевесть ее съ мостика въ лодку, и почувствовалъ, что рука ея осторожнѣе, чѣмъ въ прежнюю нашу прогулку, опиралась на мою руку.

«— Теперь, monsieur Мишель, — сказала она, садясь на скамейку посрединѣ лодки: — обмѣняемся ролями; сядьте у кормила и дѣлайте то, что я дѣлала прошлый разъ, а я стану наблюдать, такъ ли вы поняли нашъ урокъ; Алиса будетъ вамъ помогать.

«Я взялся за весло, и лодка, повинуясь на этотъ разъ мощной рукѣ мужчины, отлетѣла отъ берега съ быстротою птичьяго полета такъ, что мои спутницы ахнули; Алиса не успѣвала за мною работать весломъ. Показавъ имъ свою удаль, я умѣрилъ ходъ лодки и сталъ ужь приноравливаться къ силамъ моего маленькаго товарища. Лодка шла быстрымъ ходомъ, но не дѣлала ужь такого сальто-мортале, которымъ я хотѣлъ изумить моихъ учителей.

«— Или вы притворялись, что не умѣете взяться за весло, — сказала Таечка, — или вы много упражнялись съ того времени, какъ мы васъ не видали.

«— Не умѣю притворяться,— отвѣчалъ я, — а что упражнялся, такъ это можетъ быть. Сюрпризъ за

сюрпризъ. Чегожь бы не сдѣлалъ я, чтобы угодить вамъ! Вы пожелали бы, чтобъ я сдѣлался каменьщикомъ, кузнецомъ, чѣмъ вамъ угодно, и вы увидали бы, какой бы я вышелъ искусный каменьщикъ, кузнецъ.

«Таечка поблагодарила меня своею ангельской улыбкой, Алиса отъ души смѣялась, воображая меня, какъ она говорила, съ огромнымъ молотомъ въ рукѣ и запачканнаго углемъ.

«— А чтобы испытать, такъ ли вы исполняете, какъ говорите, спойте намъ что-нибудь. Мамаша говорила, что вы прекрасно поете.

«Не заставляя себя просить, я спѣлъ, что попало мнѣ на умъ и по душѣ—старинный романсъ:

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой.

«Лодка наша едва двигалась, кругомъ была совершенная тишь, ограда деревьевъ по берегамъ пруда закрывала отъ насъ всяческое человѣческое жилище; надъ нами стоялъ голубой сводъ неба, по которому бѣжали легкія облачка, подъ нами такой же сводъ; казалось, мы были одни на свѣтѣ и плыли въ воздушномъ пространствѣ. Весла, осторожно и мѣрно разрѣзывая воду и скатывая съ себя серебряные всплески, ударяли въ тактъ. Алиса, зная немного музыку, старалась не сбиться съ него. Издали эхо вторило нѣсколькимъ словамъ, которыя я сильнѣе другихъ произносилъ, какъ будто отдавался голосъ изъ другого міра. Окончивъ послѣдній куплетъ, я взглянулъ на Таечку. Облокотясь на край лодки и положивъ голову на руку, она вся еще погружена была въ слухъ. Щеки ея разгорѣлись, въ отуманенныхъ глазахъ, на меня обращенныхъ, горѣлъ тусклый огонь. Не слыша болѣе моего пѣнія, она встрепенулась, вздохнула и отвернулась, чтобы не показать своего смущенія. Немного погодя, я сказалъ Алисѣ:

«— Возьмите тактъ поживѣе, и запѣлъ, для разнообразія, извѣстный романсъ: «Пловцы», котораго каждый куплетъ оканчивается припѣвомъ: «Лети, мой челнъ!»

«Въ самомъ дѣлѣ нашъ челнъ летѣлъ.

«— Теперь ваша очередь, сказалъ я Таечкѣ.

«— Я не пою,—отвѣчала она.

«— Такъ прочтите мнѣ что-нибудь изъ какого-нибудь англійскаго поэта.

«— Это я могу; дайте мнѣ только подумать.

«Она приложила руку ко лбу, продержала ее такъ минуты съ двѣ и потомъ прочла мнѣ прекрасно своимъ симпатичнымъ голосомъ отрывокъ изъ Борнса.

«Прокатившись еще по пруду, мы воротились къ мѣсту, гдѣ ожидала насъ мистрисъ Гордонъ.

«— А вы не слыхали, какъ я аплодировала пѣвцу, — сказала она, когда мы къ ней подошли.

«— Пѣніе дяди Мишеля насъ такъ заняло, что мы только его и слышали,—отозвалась Таечка.

«Съ своей стороны я передалъ Гордонъ, какое наслажденіе доставило мнѣ чтеніе стиховъ ея воспитанницы, дѣлающее честь наставницѣ.

«Возвращаясь домой, мы встрѣтили Катерину Александровну съ учителемъ музыки. Они шли полюбоваться на наше катанье по водѣ, но такъ какъ мы объяснили, что урокъ нашъ конченъ и довольно устали, то они и присоединились къ нашему обществу.

«— Тая, — сказала Можайская дочери, — поблагодари monsieur Гобуа.

«— За что, машаша?

«— Онъ такой добрый,—выпросилъ у меня прощеніе бурмистру Матвѣю, обѣщался давать ему уроки въ агрономіи и экономіи, Матвѣй валялся у него въ ногахъ, клялся исправиться.

«*У него?*... подумалъ я.... А дочь со слезами умо-

ляла? И вы отказали, Катерина Александровна?... До какого унизительнаго признанія дошли вы! У него?... Бѣдный Матвѣй!»

«Таечка хранила угрюмое молчаніе, мистрисъ Гордонъ съ горькою усмѣшкой посмотрѣла на меня.

«Вскорѣ послѣ обѣда я собрался въ обратный путь; со мною всѣ простились очень любезно, monsieur Гобуа особенно, прося позволенія посѣтить меня въ Суходольскѣ. Возмущенный противъ него, я не соблюлъ даже долга свѣтскаго приличія и ничего не отвѣчалъ. Конечно, я своею невѣжливостью нажилъ себѣ врага, а можетъ быть, и двухъ. Но Таечка была на моей сторонѣ—я это замѣтилъ: она простилась со мною такимъ магическимъ, задушевнымъ взглядомъ, который могъ съ лихвою вознаградить меня за эту вражду.

«Стремился было я нѣсколько дней спустя опять въ Гостинцы. Душа моя витала около Таечки, но персону мою оцѣпилъ сонмъ неотвязчивыхъ духовъ въ видѣ исправниковъ, становыхъ, стряпчихъ, жандармовъ и не выпускали меня изъ своего очаровательнаго круга. Наконецъ я получилъ свободу на всѣ четыре стороны и, разумѣется, тотчасъ полетѣлъ отыскивать душу мою.

«Можайской не было дома; она уѣхала за нѣсколько дней тому назадъ съ Гобуа и бурмистромъ Матвѣемъ, опять Савельичемъ, водвореннымъ въ прежнія милости и довѣріе, въ свои степныя деревни, верстъ за пять сотъ. Мнѣ показалось даже, что слуга, докладывавшій объ этомъ отъѣздѣ, коварно усмѣхнулся, а, можетъ статься, я поставилъ эту усмѣшку на томъ мѣстѣ, гдѣ ей слѣдовало быть по нравственнымъ законамъ сего міра, какъ неминуемо ставишь знакъ восклицанія, послѣ междометія: о!...

«Я засталъ мистрисъ Гордонъ одну.

«— Наши пошли гулять,—сказала она,—мнѣ что-то неможется. Онѣ вѣчно въ саду и все тамъ, гдѣ вѣтеръ въ сосновыхъ деревьяхъ поетъ свои оссіановскія, заунывныя пѣсни. Боюсь, чтобъ Таисъ не сдѣлалась меланхолическою дѣвушкой. Меня, бѣдную, оставляютъ одну на съѣденіе грустнымъ думамъ. Побудьте нѣсколько минутъ со мною; только въ бесѣдѣ съ вами могу отвесть душу. Сядьте-ка сюда, поближе.

«Она указала мнѣ мѣсто возлѣ себя, на диванѣ, и дружески положила свою руку на мою, какъ это дѣлаетъ мать моя, когда ведетъ со мною задушевную рѣчь.

«— Вамъ навѣрно сказали, что лэди отправилась съ французомъ за пять сотъ верстъ, но чего вы еще, конечно, не знаете—нашъ учитель музыки поступаетъ въ управляющіе всѣми нашими деревнями. Вотъ и поѣхали они вмѣстѣ ревизовать дальнее имѣніе. Хорошо еще, что взяли съ собою Mathieu Isabelle, какъ называетъ его нашъ авантюристъ, закрѣпившій уже свой якорь у здѣшней пристани.

«— А музыка?

«— До нея ли намъ, когда разыгрывается здѣсь такая музыка, подъ которую пляшетъ вся нечистая сила. Да, нашъ добрый другъ, здѣсь творятся на яву такія чудеса, которыя и во снѣ не пригрезились бы нашимъ мудрецамъ, — какъ сказалъ бы нашъ Шекспиръ.—Французъ сдѣлался настоящимъ хозяиномъ въ домѣ, повелѣваетъ, кричитъ, награждаетъ, наказываетъ... Только и слышно: «мошенникъ! розга! сто палокъ!»

«Я замѣтилъ, что иностранцы, управляющіе у насъ крѣпостными, поступаютъ гораздо жесточе, самовластнѣе съ ними, нежели сами русскіе, между тѣмъ какъ у себя, въ своемъ краю, не смѣютъ никого щелчкомъ тронуть, никому сказать грубаго слова.

«— Гнѣвъ Божій, видно, постигнулъ этотъ домъ за наши грѣхи,—продолжала Гордонъ. — Лэди точно околдована этимъ пришельцемъ; все знаетъ, все слышитъ и молчитъ! Забыто всякое приличіе, всякій стыдъ, который данъ намъ въ удѣлъ со времени нашей прабабушки Евы, безъ котораго женщина дѣлается отвратительной. Забываетъ даже, у нея взрослая дочь, гувернантка въ домѣ,—забываетъ все на свѣтѣ. Таисъ дитя по ея мнѣнію; но и дитя чутьемъ души можетъ, хотя смутно, понимать семейный скандалъ. А здѣсь онъ нарушаетъ всякое приличіе. Вообразите, Таисъ застала разъ Гобуа у матери въ шлафрокѣ. Когда бѣдняжка пришла ко мнѣ, на ней лица не было, губы ея побѣлѣли, какъ у мертвеца. Я спросила ее, что съ нею сдѣлалось; отвѣтомъ были однѣ слезы. Въ другой разъ этотъ галерный осмѣлился назвать миссъ Можайски Таечкой. Надо было видѣть, какъ она выпрямилась, какимъ гордымъ, презрительнымъ взглядомъ посмотрѣла на него и съ какою твердостью сказала:

«— Меня такъ можетъ называть только мать моя, или мистрисъ Гордонъ. Если вы въ другой разъ осмѣлитесь...

«Мать захохотала.

«— Что-жь вы сдѣлали бы, важная особа?—спросила она.

«— У меня нѣтъ брата, который могъ бы за меня заступиться,—отвѣчала Таисъ твердымъ голосомъ,— я попросила бы защиты у мистрисъ Гордонъ.

«Этотъ отвѣтъ, довольно жестокій, проскользнулъ по груди матери, но стрѣлы, пущенной въ грудь оскорбленной дѣвушки, не вынуть ужь никогда! Духовный разрывъ между ними неминуемъ. До этого времени почтительная, любящая дочь стала ужь холодно и сухо обращаться съ матерью. Боюсь за ея здоровье, за ея характеръ, который я всегда называла ангель-

скимъ. Къ чему это поведетъ, Боже мой! Я оставила бы сейчасъ этотъ домъ, обреченный позору и семейному несогласію, еслибъ не знала, что теперь я нужнѣе Таисъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Покинуть ее въ такое время, да это стоитъ наказанія Божьяго.

«Мистрисъ Гордонъ заплакала и закрыла глаза рукою.

«— Но, — сказала она, придя въ себя, — не хочу долѣе лишать ее удовольствія видѣть васъ и съ вами поговорить. Вы одни можете разсѣять ея горе, увѣряю васъ. Поищите ихъ въ саду; сердце ваше приведетъ васъ скорѣе къ ней, нежели проводникъ.

«Конечно, не у пруда,—думалъ я,—надо ихъ искать; въ грустномъ состояніи, въ которомъ находится Таечка, она не захочетъ тѣшиться прогулками по водѣ; поищу ее въ сосновой рощѣ, гдѣ, по словамъ мистрисъ Гордонъ, вѣтеръ напѣваетъ свою оссіановскую пѣснь. Высокая, сосновая роща видна мнѣ была изъ-за другихъ деревъ, которыя, какъ малыя дѣти, приходились великанамъ ея по грудь; окраина ея была срѣзана правильной линіей. Вскорѣ я сталъ передъ колоннадой стройныхъ, величавыхъ сосенъ, сквозь которыя, на всемъ протяженіи рощи, можно было видѣть, кто въ ней движется. Однакожь не видать было никого. Полумракъ и пустота царствовали въ ней. Небо застилалось мохнатыми вѣтвями, будто черными крыльями, подъ ногами мохъ, папортникъ, брусничникъ и ни одного цвѣтка. Прислушался — хоть бы гдѣ-нибудь птичка подала свой голосъ; только дятелъ однообразно стучалъ клювомъ своимъ, какъ долотомъ. Нѣсколько тропинокъ бѣжали въ разныя стороны. По которой мнѣ идти? спросилъ я сердце свое; сердце мое было глупо въ эти минуты и не дало мнѣ отвѣта, обѣщаннаго мистрисъ Гордонъ. Еслибъ я былъ въ другомъ расположеніи духа, то погадалъ бы, какъ рыцари нашихъ сказокъ: «прямо пойдешь — найдешь то-то, налѣво —

найдешь, это, направо пойдешь—найдешь прекрасную царевну». И пошелъ бы я направо. Кто-то, неподалеку отъ меня, запѣлъ, протяжнымъ напѣвомъ нашихъ раскольниковъ, псаломъ, и вдругъ голосъ его оборвался. Какая-то человѣческая фигура наклонилась и спряталась за можжевеловымъ кустомъ. — «Нѣтъ, подумалъ я, кто бъ ни былъ, хочу видѣть, что ты за персона»—махнулъ черезъ кустъ и наступилъ на ноги какого-то человѣка, обутыя въ башмаки съ огромными серебряными пряжками.

«— Встань, чего ты боишся?—сказалъ я.

«И передо мною всталъ человѣчекъ пожилыхъ лѣтъ, худенькій, сухонькій; острый носъ его выдавался изъ лица, какъ птичій клювъ; вѣки маленькихъ, сѣрыхъ глазъ, подъ черными бровями, моргали отъ испуга, сѣдые волосы, остриженные въ кружокъ, выпадали изъ-подъ пуховой шляпы въ родѣ клока, видавшаго взгоды и непогоды. Борода его была тщательно обрита. Пальто англійскаго сукна, по которому вѣникъ и щетка довольно погуляли, вѣроятно съ широкихъ господскихъ плечъ, сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Бархатный жилетъ, порыжѣлый и изрытый, полосами, едва не доходилъ до колѣнъ. На ногахъ болтались шелковые чулки, тѣлеснаго цвѣта, довольно заштопанные нитками. Съ ногъ спали бы башмаки, еслибъ они не подвязаны были ремешками. Всѣ эти принадлежности туалета доказывали, что онѣ сшиты не на лицо, ихъ носящее, а достались ему по наслѣдству изъ господскаго гардероба. На перекинутомъ черезъ плечо широкомъ ремнѣ висѣло лукошко. Мнѣ очень хотѣлось смѣяться, глядя на эту фигуру.

«— Чего ты боишься?—повторилъ я.

«— Испужался, сударь, словно вы передо мною съ сосны свалились. У насъ пошли новые распорядки, какъ французъ сталъ управлять нами. Въ лѣсу этомъ

запрещено брать грибы и ягоды, а я имѣю билетъ только на другія угодья; не подведите меня подъ штрафъ

«— Какъ, билетъ?

«Онъ вынулъ изъ жилета зеленую бумажку На ней напечатано было красивымъ, англійскимъ шрифтомъ, съ разными фигурами и атрибутами, что предъявитель *сего* имѣетъ право собирать грибы, ягоды, и прочіе *фрукты* въ рощахъ и лѣсахъ госпожи статской совѣтницы К. А Можайской, а кто пойманъ будетъ безъ билета, или попадется въ рощахъ господскаго сада, съ того берется штрафу 1 руб. серебромъ и отбирается *охотничій* снарядъ,

«— А за билетъ берутъ деньги?

«— Грѣхъ сказать, не берутъ, выдаютъ даромъ изъ конторы. На будущій годъ, говорятъ, будутъ голубые, а на предбудущій красные.

«Разсчетъ хорошъ, — подумалъ я, — *фрукты* не стоятъ того, что издержано на бумагу и въ типографію.

«— Ты что—жъ за человѣкъ?

«— Камердинъ Дмитрія Алексѣича.

«— Да вѣдь Дмитрій Алексѣичъ давно померъ.

«— А у васъ, сударь, коли помираетъ набольшій, подъ которымъ вы служили, не снимаютъ же вашего званія и чина.

«— Дѣльно. А какъ зовутъ тебя?

«— Іоасафъ, Яковлевъ сынъ, Румянцевъ.

«— Громкое имя! А скажи мнѣ, бывшій камердинеръ Дмитрія Алексѣича, не видалъ-ли гдѣ здѣшнихъ барышень?

«— Сейчасъ только отъ нихъ. Рыбу у мельницы удилъ, такъ онѣ на бережку, у плотины, сидѣли. Я все, сударь, по привычкѣ, не могу безъ дѣла; то свое платьеце почистишь, или поштопаешь, то побрѣ-

ешься отъ скуки и два раза побрѣешься, то рыбу ловлю, бредешки вяжу, верши плету Вы сами знаете, сударь, праздность есть мать всѣхъ пороковъ.

«— Ого! да ты и начетчикъ, видно.

«— Вычиталъ изъ барышниной прописи Грѣшный человѣкъ, маракую маленько грамоту.

«— Такъ скажи мнѣ, какъ найти мнѣ барышень-то.

«— Съ великою нашею радостію, пожалуйте-съ.

«Румянцевъ сталъ показывать мнѣ дорогу и часто вглядывался въ меня своими мышиными глазами.

«— А что сударь,—спросилъ онъ наконецъ,—не осудите меня, коли обезпокою васъ моимъ холопскимъ вопросомъ?

«— Говори.

«— Вы личикомъ больно сшибаете на одного барина, — былъ пріятель Дмитрію Алексѣичу, какъ живали мы съ нимъ въ Одессѣ, да такой пріятель, что въ секунданты къ нему пошелъ, когда была у нихъ дуэль... Можетъ, слыхали объ этомъ погромѣ?

«— Слыхалъ. Глазъ у тебя зорокъ и память хороша, Іоасафъ Яковлевъ; а какъ звали того барина?

«— Суздалинъ.

«— Ну, такъ я его сынъ.

«— Батюшка, по отечеству Андреичъ, а имячко-то ваше не имѣю чести знать.

«— Михайла.

«— Батюшка, Михайла Андреичъ, ручку вашу пожалуйте.

«И силился онъ поцѣловать мою руку и поцѣловалъ таки, несмотря, что я отбивался отъ этой чести.

«— Гляжу, гляжу на васъ, живой портретъ Андрея Михайлыча. А какой родитель вашъ былъ золотой, царствіе ему небесное! Спѣси въ немъ хоть бы на пылинку, и съ малымъ и съ простымъ человѣкомъ имѣлъ такое ласковое обхожденіе. Бывало, пріѣдетъ къ

намъ, и все съ припѣвцемъ, веселый былъ такой.— Ну что, Румянцевъ, скажетъ, громъ побѣды раздавайся! А намекалъ онъ, сударь, на шашни мои съ одесскими мамзелями, бонжуръ, команъ ву порте ву. Только доложу вамъ, сударь, дорогоньки; покупай имъ всѣ конфеты изъ лучшихъ магазиновъ, да сережки, да финтифлюшки разныя.

«Румянцевъ нѣсколько разъ останавливался, какъ будто ставилъ знаки препинанія въ своей рѣчи.

«— Все это мнѣ слышать очень пріятно, но я спѣшу къ здѣшнимъ барышнямъ. Приходи-ка лучше ко мнѣ въ Суходольскъ, спроси губернаторскаго чиновника Суздалина, тамъ, на досугѣ, разскажешь мнѣ про свое прежнее и нынѣшнее житье-бытье. А за труды, что проводишь меня на мельницу, вотъ тебѣ на водку.

«У меня былъ новенькій цѣлковый въ карманѣ, я отдалъ его Румянцеву.

«Глаза его заискрились; казалось, блескъ металла очень его тѣшилъ; онъ оборачивалъ монету нѣсколько разъ, потомъ положилъ въ карманъ жилета, осмотрѣвъ нѣтъ-ли въ немъ прорѣхи.

«— Водки не пью, сударь, отродясь, — сказалъ онъ,—сберегу вашъ цѣлковенькій на маслецо для лампадки. Бѣдный человѣкъ, а денно и ночно горитъ у меня неугосимая передъ образомъ Симеона Богопріимца.

«— Почему-жь Симеона?

«— Такой зарокъ далъ; а коли погаснетъ, знай православный людъ, Румянцевъ Богу душу отдалъ.

«Шли мы, какъ птицы летаютъ, не разбирая ни ямъ, изъ которыхъ брали глину, ни кустовъ. Вскорѣ услышалъ я ровный гулъ падающей на колеса воды и между нимъ дрожащіе звуки попрыгивающихъ жернововъ; воздухъ былъ напитанъ мучнымъ запахомъ. Сдѣлали еще нѣсколько шаговъ. Румянцевъ осторожно

раздвинулъ сучья двухъ кустовъ и поставилъ меня между ними.

«— Видите, — сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ, — омутъ, гдѣ кипитъ вода; здѣсь утонулъ *онъ*. Слышите? Словно голосъ подаетъ утопленникъ. По этой причинѣ и барышня долго не пріѣзжала въ Гостинцы, жутко, знать, ей казалось. Да вдовье горе, сударь, что эта рѣчка: бурлитъ и стонетъ у плотины, а посмотришь подальше, ручеекъ, въ двѣ три ниточки, только-что попрыгиваетъ по камышкамъ, да ведетъ свою веселую рѣчь. А вотъ сидитъ она, горемычная, съ товаркой на бережку, словно два голубка. Добрая барышня, и англичаночка также; то одна пришлетъ мнѣ чайку и сахарцу, то другая булочку.

«— А знаетъ-ли Таисія Дмитріевна, что отецъ ея здѣсь утонулъ?

«— Не знала прежде, да я на дняхъ, какъ-то проговорился, не сказалъ только одного... что утопился онъ.

«Злодѣй! — подумалъ я,—охота была тебѣ своимъ неосторожнымъ разсказомъ возмущать душу ея, и безъ того больную».

«— Никто не помянетъ здѣсь его, пусть дитя родное помянетъ. Плакала она, бѣдная, горько плакала, слушая меня, а какъ маменька изволили уѣхать съ французомъ, такъ обѣдню заказывала, да панафиду отслужила за упокой души своего родителя. И похоронили-то барина на кладбищѣ, гдѣ крестьянъ хоронятъ, и камышекъ-то съ крестомъ на могилкѣ положилъ бурмистръ Савельичъ. Говорили полицейскіе, милость еще сдѣлали, что тутъ его зарыли, а то самоубійцѣ слѣдовало лежать въ полѣ одному. Я видѣлъ самъ, какъ онъ бросился съ плотины на камень... Да это дѣло денежки затушили; и мнѣ велѣли молчать... Не проговоритесь и вы, сударь. Однакожъ я обезпокоилъ

васъ моею болтовней; извольте идти къ барышнямъ, а я къ ягодамъ. Прощайте, сударь не премину быть у васъ въ Суходольскѣ, больно вы мнѣ полюбились. Обойдите овражекъ вправо, крутенекъ.

«Онъ пошелъ въ свою сторону, къ сосновой рощѣ, а я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы осмотрѣть, какъ мнѣ лучше пройти. Я окинулъ взглядомъ мѣстность. Песчаные берега, на которыхъ росли тощіе кусты олешника и ветлянника, двѣ-три ивы, печально отпустившія свои вѣтви къ водѣ, огромный, гранитный камень, выступившій изъ воды своею блестящей, будто обрызганный кровью, лысиной, которую то и дѣло омывали всплески, накатываемые вѣтеркомъ, все это могло только усилить, а не разогнать печальное состояніе Таечки, о которомъ говорила мистрисъ Гордонъ. Обѣ подруги сидѣли подъ тѣнью одинокой, дупловатой березы. Маленкій, но крутой оврагъ, промытый весенними потоками, раздѣлялъ насъ. Я слегка запѣлъ начало пѣсни, которую онѣ слышали отъ меня, когда мы гуляли по пруду. Таечка и Алиса обернулись въ сторону, откуда слышался мой голосъ. Алиса спорхнула со своего мѣста, разомъ облетѣла овражекъ и, схвативъ меня за руку, сказала умоляющимъ голосомъ:

«— Ради Бога, разсѣйте ее; полоумный камердинеръ отца ея на-дняхъ разсказалъ ей печальную исторію его смерти; съ того времени она очень груститъ.

«Рука въ руку съ Алисой мы побѣжали къ Таечкѣ; она была блѣдна; я замѣтилъ на глазахъ ея слѣды слезъ.

«— Наконецъ-то я васъ нашелъ, Таисія Дмитріевна, — сказалъ я, — мистрисъ Гордонъ совѣтовала мнѣ спросить мое сердце, гдѣ васъ найти, но *надо*, чтобы сердце сердцу вѣсть подавало, а ваше, молчало, конечно.

«— Видно отозвалось, — отвѣчала Таечка, улыбаясь, — когда вы насъ здѣсь нашли.

«— Что за охота сидѣть вамъ въ такомъ скучномъ, дикомъ мѣстѣ! Мистрисъ Гордонъ ждетъ васъ. Дайте мнѣ обѣ ваши ручки. Я привезъ вамъ Пушкина, Лермонтова, прочту вамъ что-нибудь, пропою вамъ что-нибудь, и мы, надѣюсь, проведемъ время пріятно.

«— Вы настоящій другъ нашъ, monsieur Мишель

«— Общій вашъ другъ? Когда-то вы скажете просто: другъ мой Мишель.

«— Ужъ разумѣется и *мой* другъ. Вотъ я была очень скучна, очень грустна, но вы пріѣхали, и я все забыла.

«Обѣ схватили меня подъ руки; мы были скоро въ саду. По дорогѣ попался намъ кустъ бѣлыхъ розъ, я подвелъ къ нему моихъ спутницъ, сорвалъ одну розу и подалъ ее Таечкѣ.

«— Если-бы вы прикололи ее къ чернымъ волосамъ своимъ,—сказалъ я,—походили бы еще болѣе на *Изумрудный-крестикъ*. Она очень любитъ этотъ нарядъ.

«— Нѣтъ, я хочу быть сама собой, — отвѣчала Таечка съ досадой, слегка слышавшейся въ ея голосѣ, и приколола розу къ груди своей.

«Мы продолжали идти къ дому; она задумалась.

«— А васъ этотъ Изумрудный-крестикъ очень занимаетъ?—спросила она, немного погодя.

«— Люблю ее, какъ сестру свою, желаю ей счастія, какъ сестрѣ. Я зналъ ее съ дѣтства; была еще маленькая и такая добрая; умная, какъ миссъ Алисъ.

«На этотъ разъ маленькая англичанка не исполнила своего книксенъ, а только, плутовато прищуривъ глазки, погрозила мнѣ пальцемъ.

«Вскорѣ, вѣроятно, наскучивъ нашимъ мѣрнымъ шагомъ, она вырвалась отъ меня и побѣжала по сторонамъ искать грибовъ, какъ говорила. Я продолжалъ съ

Таечкой рѣчь объ Изумрудномъ-крестикѣ, и рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы ей высказаться.

«— Она теперь за нѣсколько сотъ верстъ отъ меня, — говорилъ я, — но думая часто объ ней, не грущу, не порываюсь къ ней душой. Есть другая любовь, Таисія Дмитріевна. Любятъ мать, брата, подругу, дядю... это совсѣмъ не то... Любовь объ которой я говорю... объ этой вы, вѣроятно, читали въ англійскихъ романахъ. Она рѣшается однимъ взглядомъ, однимъ часомъ, одною прогулкой по сушѣ или по водѣ, какъ хотите... Двѣ души поняли и полюбили другъ друга, и союза ихъ не разорвать ни времени, ни разлукѣ, ни обстоятельствамъ. Находятся ли онѣ за тридцать, или за тысячу верстъ другъ отъ друга, онѣ все равно томятся, пока не будутъ вмѣстѣ. Еслибъ я такъ любилъ *Изумрудный-крестикъ*, думаете ли, что какое-нибудь разстояніе, какія-нибудь препятствія, служба, чтобы ни было, удержали меня въ Суходольскѣ. Я перелетѣлъ бы сотни верстъ, какъ пріѣзжаю къ вамъ за тридцать, я давно былъ бы у ногъ ея. Когда вы будете любить такою любовью, скажете-ли вы своему дядѣ, своему другу, такъ-ли объяснилъ ее?

«Я держалъ руку Таечки въ своей рукѣ. Не знаю, не помню, что я говорилъ еще. Она шла, опустивъ на глаза густую сѣнь своихъ рѣсницъ; помню только, что она сжала мою руку.

«— Скажите, такъ, другъ мой, Мишель.

«Таечка взглянула на меня такимъ ласковымъ, нѣжнымъ взглядомъ, отъ котораго я былъ счастливъ, какъ могутъ быть только счастливы смертные, и робко произнесла: — Такъ, *мой* другъ.

«— Куда-жь вы идете?—закричала Алиса,—прямо на деревья!

«Голосъ этотъ вывелъ насъ изъ упоенья, въ которомъ мы оба находились.

«Въ самомъ дѣлѣ мы стояли передъ деревомъ, на которое могли бы наткнуться. Алиса хохотала отъ души и поднесла мнѣ пышный букетъ цвѣтовъ.

«Мы провели этотъ день прекрасно. Я прочелъ изъ Лермонтова пѣснь про «Опричника и купца Калашникова» и нѣсколько стихотвореній Пушкина. Таечка была отъ нихъ въ восхищеніи, мистрисъ Гордонъ отозвалась, что хотя не сильна въ русскомъ языкѣ, но слухомъ и душою понимаетъ силу и гармонію ихъ. Я пропѣлъ нѣсколько романсовъ, веселыхъ и грустныхъ и, между чтеніемъ и пѣніемъ, улучилъ время, чтобы шепнуть ей о своемъ благополучіи.

«— Съ Богомъ, — сказала она, крѣпко пожавъ мнѣ руку, — вынесите ее изъ этого омута.

«Пріѣхавъ домой, я ничего не утаилъ отъ матери.

«— Ни одна дѣвушка во всю жизнь мою мнѣ такъ не нравилась, — сказала она, — ты будешь счастливъ съ нею... но мать ея... Боюсь препятствій съ ея стороны; однакожъ никто, какъ Богъ!...

«Можешь вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду возвращенія Катерины Александровны. Думаю, занятая своимъ французомъ, охладѣвъ къ дочери, тяготясь присутствіемъ мистрисъ Гордонъ и Алисъ, которыя, какъ неотступные соглядатаи, тревожатъ ее... Да, я надѣюсь, что она довольна будетъ сдать мнѣ на руки мое сокровище, мою безцѣнную Таю. Имѣній Катерины Александровны мнѣ не нужно; насчетъ этого она можетъ быть покойна. Пускай управляетъ ими французъ, сколько ей угодно. Я имѣю своихъ 300 душъ; сестры мои замужемъ и отдѣлены. Слѣдовательно, могу съ матерью и женою жить припѣваючи.

«Черезъ дня два послѣ поѣздки моей въ Гостинцы, сидя въ своемъ кабинетѣ надъ однимъ дѣломъ о раскольникахъ, называемыхъ *странниками*, я услышалъ,

что кто-то за дверьми произнесъ громко: «Громъ побѣды раздавайся!»

«— А! Румянцевъ! — крикнулъ я. — войди.

«Вошелъ Румянцевъ, щеголевато одѣтый, въ пышномъ, батистовомъ бѣломъ галстухѣ на шеѣ, манишка его украшалась бирюзовыми пуговками. Платье на немъ было новое, хотя также мѣшковато сидѣло. Онъ помолился передъ образомъ и поклонился мнѣ.

«— Вотъ, сударь, я и пришелъ по вашему приказанію; не повѣрите, такъ и тянуло къ вамъ.

«— Спасибо, большое спасибо, Румянцевъ.

«Разумѣется, первый вопросъ, который я ему сдѣлалъ, былъ:

«— Не пріѣхала-ли Катерина Александровна?

«— Нѣтъ еще, куда такъ скоро! Вѣдь пять сотъ душъ въ степной и угодій тысячи десятинъ.

«— Ну что барышня твоя подѣлываетъ?

«— Какъ-то повеселѣе стала, словно вы въ пріѣздъ свой спрыснули ее живою водой. Ужь и на мельницу не ходятъ. Таисія Дмитріевна мнѣ и кошелекъ своей работы пожаловала: извольте-ка полюбоваться.

«Онъ вынулъ изъ кармана красивый кошелекъ и показалъ мнѣ.

«— Да положила въ него такого-же яснаго сокола, какой вы мнѣ пожаловали, да примолвить изволили: — «пойдешь въ Суходольскъ, можетъ, кто еще дастъ на маслецо для лампадки».

«Я замѣтилъ, что бывшій камердинеръ не равнодушенъ къ презрѣнному металлу и все на маслецо для неугасимой лампадки, и догадался, что онъ, намекая на Суходольскъ, бросаетъ камешки въ мой огородъ, авось, дескать, подберетъ.

«— Вотъ тебѣ и отъ меня чижичка, — сказалъ я ему, отдавая ему новенькій полуимперіалъ.

«Онъ бросился цѣловать мою руку, цѣловалъ и золотую монету.

«Мало-по-мало я втянулъ его въ разговоръ о прежнемъ житьѣ-бытьѣ его. Тутъ Румянцевъ разсказалъ мнѣ, что онъ херсонскій мѣщанинъ, служилъ въ Одессѣ въ гостиницѣ, понравился Дмитрію Алексѣичу и съ того времени находился при немъ камердинеромъ, какъ щедръ былъ его господинъ, подарилъ ему разъ не только свой, но и батюшки своего гардеробъ. Хоть и сидитъ на мнѣ,—говорилъ онъ,—какъ сѣдло на коровѣ, хоть и посмѣиваются надо мной, когда пріѣзжаю въ городъ, да мнѣ эти смѣшки, что къ стѣнѣ горохъ. Знаю себѣ, платье барское, да не купленное. Разсказывалъ онъ объ одесскомъ погромѣ въ семействѣ Можайскихъ, и какъ былъ при баринѣ въ Нѣмечинѣ и какъ таскался съ нимъ по разнымъ мытарствамъ, и многое, что я писалъ тебѣ въ этомъ письмѣ.

«Я спросилъ его: — Хорошо-ли теперь ему житье у барыни?

«— Хорошо-то хорошо, и мѣсячину вдоволь получаю, и жалованья три рубля въ мѣсяцъ, да скучненько,—служить некому. Служилъ я мальчикомъ, служилъ молодымъ парнемъ въ трактирѣ, служилъ потомъ у Дмитрія Алексѣича, а теперь некому... скучненько, инда подъ часъ тоска беретъ. Пошелъ бы въ услуженіе хоть къ французу, да больно сердитъ, все-таки пошелъ бы. Хоть бы колотушки подъ часъ давались, а все какъ-то веселѣе, знаешь, служишь. Я ужь и къ бурмистру Савельичу примазался было, кафтанъ ему почистишь, сапоги, умыться подашь — на душѣ легче.

«Онъ сталъ было прощаться со мною, но, взглянувъ мимоходомъ на заглавокъ дѣла, лежавшаго у меня на столѣ, прочелъ: «*Дѣло о раскольникахъ въ такомъ-то селѣ, именуемыхъ странниками*».

«При этомъ случаѣ, къ удивленію моему, онъ передалъ мнѣ много тайнъ объ этой сектѣ, какъ бы самъ въ ней находился, взявъ съ меня *честное* слово не выводить его на свѣжую воду.

«— Честное слово у васъ все равно что наша божба, да еще покрѣпче будетъ,—сказалъ онъ, видимо встревоженный опасеніями, чтобъ я его не выдалъ.

«— Ты почему-жь это знаешь?—спросилъ я.

«— Э, батюшка, потаскался довольно по бѣлому свѣту, наглядѣлся всего, всего извѣдалъ.

«Прощаясь окончательно со мной, онъ мышиными глазами осмотрѣлъ все въ моемъ кабинетѣ, разспрашивалъ, чьи портреты на стѣнахъ, и остановился передъ твоимъ фотографическимъ, который ты подарилъ мнѣ, при отъѣздѣ своемъ въ армію. Когда жь Румянцевъ прочелъ твою подпись: «Другу В. Патокинъ» мнѣ показалось, что онъ сильно смутился.

«— Что это за *вѣди* Патокинъ? — спросилъ онъ, наконецъ, покачивая головой.

«— Мой пріятель, Владиміръ Сергѣичъ Патокинъ, сынъ купца изъ Луковокъ.

«— Такъ, такъ, — проговорилъ онъ вполголоса.

«— Развѣ ты знаешь какого Патокина?

«— Не зналъ въ лицо, а слыхалъ въ Одессѣ, торговалъ тамъ шибко хлѣбомъ, все въ иностранныя земли продавалъ. Сынъ богатаго купца? — повторялъ онъ, поднявъ руку въ знакъ удивленія, — сынъ богатаго купца?... а въ солдатскомъ мундирѣ написанъ! Развѣ за какую провинность отданъ въ солдаты?

«— Нѣтъ, своей охотой пошелъ; теперь ужь офицеръ и кавалеръ. (Кстати объ кавалеріи; я порядочно побѣсилъ Хрюконовскаго, послалъ ему отъ имени моего знакомаго приказы о награжденіи тебя чиномъ и проч.).

«Онъ перекрестился.

«— Хоть и не свой человѣкъ, а все-таки вчужѣ было жаль... такой молодецъ, сынъ богатаго купца, и солдатъ!

«Я замѣтилъ, что, говоря это, онъ былъ очень блѣденъ и какъ будто лихорадка его трясла.

«— Ты, мнѣ кажется, нездоровъ.

«— Вчера купался, такъ лихоманка схватила. Позвольте ужь, батюшка, съ вами распрощаться, авось дорогой отъ тряски полегчитъ.

«Узнавъ, что онъ пріѣхалъ съ попутчикомъ на телѣгѣ, я велѣлъ слугѣ проводить его и дать возчику на водку, чтобы бережно довезъ до двора.

«Прости, что испытываю твое долготерпѣніе этими подробностями. Странная личность Румянцева меня интересуетъ, какъ думаю, и Володю займетъ.

«PS. Хотѣлъ было еще кое-что написать, но сейчасъ пришелъ обязательный морякъ, взявшійся доставить тебѣ мое письмо, и говоритъ, что ему долѣе ждать нельзя, что онъ заѣхалъ въ почтовой телѣжкѣ и даетъ мнѣ только время запечатать письмо. Я извинился, что вручаю ему тетрадь вмѣсто письма. «Хоть десять тетрадей,—сказалъ онъ,—только ради Бога не держите меня». Мнѣ остается мысленно обнять тебя и прибавить, что, въ случаѣ счастливаго разрѣшенія моей судьбы, я буду скоро писать къ тебѣ. Прощай, любезный другъ, крѣпко жму тебя къ сердцу своему. Когда будешь писать къ вашему Изумрудному-крестику, скажи, что я влюбился въ ея двойникъ».

Володя, прочтя это письмо въ нѣсколько присѣстовъ, которые только позволяли ему дѣла по службѣ, подумалъ: — Да это цѣлый романъ! Дай Богъ, чтобы онъ кончился хорошо!»

Отвѣтъ Володи не замедлился. Вотъ, что онъ писалъ Суздалину.

«Благодарю тебя за новое доказательство твоей

дружбы. Ты присоединилъ меня къ самымъ близкимъ тебѣ людямъ, которыхъ судьба сдѣлала повѣренными твоихъ сердечныхъ тайнъ. Пробѣжавъ первыя строки твоего письма, я заперся въ своей комнатѣ отъ всѣхъ докучливыхъ посѣтителей. Читая и перечитывая его нѣсколько разъ, я перенесся къ тебѣ, жилъ съ тобою подъ теплымъ крыломъ твоей матери, въ семействѣ Можайскихъ, и сталъ не только зрителемъ, но какъ бы участникомъ всего, что происходило съ тобою. Да, это настоящій романъ. Такъ и хотѣлось бы подвинуть его къ развязкѣ. А ты, какъ нарочно, остановился близъ нея, на грани, гдѣ начертаны для тебя роковыя слова: «быть или не быть». Богъ знаетъ, когда разрѣшится для меня эта загадка. При этомъ случаѣ вспомнилъ я анекдотъ объ одномъ сочинителѣ, который, описывая интересную исторію двухъ любовниковъ, разсказывалъ женѣ своей, что остановился на самомъ критическомъ моментѣ ихъ любви и не знаетъ, увѣнчать ли ее скорѣе счастливымъ бракомъ, или затянуть эту развязку подалѣе.—«Ради Бога,—говорила жена, проливая искреннія слезы при слушаніи этого разсказа—не мучь ихъ долѣе, соедини поскорѣе, а то бѣдняжки совсѣмъ истомились». Конечно, я не такъ сентименталенъ, чтобы проливать слезы, да и положеніе твое не такое отчаянное, чтобы могло исторгнуть ихъ, но умоляю судьбу, автора твоего романа, сжалиться надъ вами и скорѣе васъ соединить. Тебѣ, конечно, понятно живѣйшее участіе, которое принимаю въ этомъ, невымышленномъ романѣ—герой его мнѣ такъ близокъ, героиня такъ похожа на Дуню, а эта статья не изъ послѣднихъ въ моемъ участіи. Изъ описанія твоего вижу, что Тая вся—увлеченіе. Тѣмъ лучше для тебя. Отдавъ тебѣ однажды свое сердце, я увѣренъ, она никому и ничему не будетъ принадлежать, кромѣ тебя, она не захочетъ знать другихъ

обязанностей, другого долга, какъ тебя любить. Мать, свѣтъ, вся жизнь ея заключается въ тебѣ. Будь на ея мѣстѣ наша Дуня, она, можетъ быть, любила бы тебя не менѣе, но не осмѣлилась бы ни на какое рѣшительное слово, ни на какой рѣшительный шагъ безъ воли своей матери; а еслибъ мать запретила тебя любить, она повиновалась бы, какъ бы ни было это для нея мучительно. И ты страдалъ бы цѣлые годы. Не всякому даны силы пройти сквозь такія испытанія. Теперь ты, по крайней мѣрѣ, знаешь, что тебя любятъ. Тебѣ это сказала сама твоя Тая, ты счастливъ этимъ признаніемъ, ты знаешь, что она твоя, рано или поздно. Съ такою увѣренностью ты можешь ждать и надѣяться. О! еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, какъ бы радостно пошелъ на всякую борьбу!... Вся жизнь моя, какова бы ни была, услаждалась бы мыслью, что я любимъ. Вотъ слова утѣшенія, которыя посылаю тебѣ. Какъ я полюбилъ твою Таю за это увлеченіе! Какъ я полюбилъ добрую мистрисъ Гордонъ, маленькую Алисъ! Что сказать тебѣ о самой Катеринѣ Александровнѣ? Строгій моралистъ осудилъ бы ее безъ аппеляціи, но я, помимо ея отношеній къ дочери, не могу не чувствовать состраданія, если не влеченія къ этой несчастной женщинѣ, не могу не удивляться силѣ ея характера. Если она пала, кто-жь причиною ея паденія, какъ не мужъ, все-таки *нашъ братъ?*.. Она вышла за него молодая, прекрасная, чистая душой и помыслами; Божье око могло бы смотрѣться въ эту душу. Она полюбила его страстно, и этотъ человѣкъ не умѣлъ спокойно пользоваться сокровищемъ, которое ему послано было свыше, старался изъ самоугожденія развратить ее, измѣнилъ ей, когда ея сердце было полно имъ, когда вся жизнь ея была ему посвящена. Эта жизнь была сокрушена однимъ ударомъ; однимъ шагомъ нечистой стопы былъ разда-

вленъ этотъ цвѣтокъ. Что-жь, какъ не сильная любовь, толкнуло ее на мщеніе? Она могла бы выбрать другое—другого не выбрала, потому что большее зло, какъ измѣна, не было для нея мыслимо, другое не было приложимо къ ея кипучей натурѣ. Какимъ ужаснымъ орудіемъ поразили ее, тѣмъ же она отплатила. *Не она* могла бы помириться съ человѣкомъ, такъ сильно ее оскорбившимъ, простить его. Для нея не было болѣе мира. Не изъ такого закала душа ея. Разъ полюбивши, она думала любить вѣчно, возненавидѣвъ, она сдѣлала то-же. Пусть поступитъ также другая! Египетская ночь, паденіе ея, чувство къ французу—назови это чувство, какъ хочешь—все это послѣдствія одного и того же начала. Но объ этомъ можно бы написать цѣлую книгу. Не побивать ее каменьями, а сожалѣть объ ней должно. Осталось мнѣ только желать, чтобы ты осторожнѣе сумѣлъ выхлопотать ея согласіе на бракъ твой съ Таисіей Дмитріевной, чтобы ты въ этомъ случаѣ не употреблялъ рѣзкихъ средствъ, безсильныхъ противъ женщины, какова Можайская, чтобы ты не оскорблялъ чувства, надъ которымъ она почитаетъ себя полною госпожей, на которое, думаетъ она, дала ей право сама несчастная судьба ея. Скорѣе, какъ можно скорѣе добейся согласія и исторгни свою Таю изъ дома, отмѣченнаго, какъ говоритъ мистрисъ Гордонъ, перстомъ Провидѣнія. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя письма. Я не надолго въ Приморскѣ, куда присланъ моимъ генераломъ съ марша изъ Бессарабіи по секретнымъ порученіямъ. Когда корпусъ нашъ прибудетъ сюда, мы, кажется, потянемся въ Крымъ. Во всякомъ случаѣ пиши ко мнѣ въ штабъ главной квартиры.

«Но прежде, чѣмъ разстанусь съ тобою въ этомъ письмѣ, я хочу отплатить откровенностью за откровенность, хочу передать тебѣ тайну и своего сердца.

Ужь не влюбился-ли онъ, скажешь ты, въ какую-нибудь молдаванку, не выхватилъ-ли красавицу изъ какого-нибудь гарема? Нѣтъ, другъ мой, та, которой принадлежитъ мое сердце, русская, если хочешь, славянка, чиста, какъ... прибери, что можетъ быть чище на свѣтѣ. Помнишь, ты самъ пророчилъ мнѣ ее въ подруги моей жизни. Тогда она была еще дитя, брала уроки.—«Помяни меня,—говорилъ ты,—дай ей только развиться, увидишь, что изъ нея будетъ; ты не устоишь противъ очарованія ея красоты». Я смѣялся тогда этому пророчеству и подчасъ сердился. Росла Дуня—и я смотрѣлъ на нее, какъ на хорошенькую, умную, добрую сестренку, глазами и сердцемъ старшаго брата. Выросла, развилась — я по привычкѣ продолжалъ также смотрѣть на нее, питать къ ней тѣ же братскія чувства. Казалось мнѣ, другія чувства и не привьются никогда къ душѣ моей. Такъ думалъ я, когда мы были вмѣстѣ. Ревнивый надзоръ матери, которой, Богъ знаетъ, почему вздумалось, что сынъ ея женится не иначе, какъ на какой-нибудь княжнѣ, сторожилъ наши сердца. Не смѣю винить ее; она дѣлала это изъ сильной любви ко мнѣ. Тутъ же примѣшалось и твердое, если не глупое упрямство мое въ добываніи себѣ какого-то права... Развѣ не могъ я оставаться образованнымъ купцомъ, благороднымъ членомъ общества и безъ этого права, котораго такъ добивался? Развѣ не былъ бы я тогда полезнѣе себѣ, своему семейству? Не былъ бы счастливѣе доброю подругой, избранной сердцемъ? Но что сложилось обстоятельствами, что сдѣлано, того не воротишь. Странно! Бываютъ же такія аномаліи въ натурѣ человѣческой! Когда я разстался съ Дуней, я узналъ всю тщету моихъ увлеченій, я только тогда узналъ, что люблю ее не какъ сестру, люблю всею душею, всѣми помышленіями моими, что эта любовь сжилась и

умретъ со мною. Она не красавица, какъ ты ее называешь, нѣтъ, но въ ней есть что-то выше, лучше красоты, есть какое-то душевное очарованіе, противъ котораго сердце не можетъ устоять. Чѣмъ дальше я отъ нея, тѣмъ сильнѣе врѣзываются въ немъ ея образъ, ея взглядъ, ея слова, тѣмъ болѣе живу въ обществѣ этого дивнаго созданія. Все прекрасное въ природѣ, въ картинахъ, въ книгахъ, есть, кажется мнѣ, только отблескъ, отраженіе ея. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ люблю ее болѣе и болѣе. Стыдно мнѣ даже тебѣ напомнить негодую исторію... Я разсказывалъ ее тебѣ въ Москвѣ, при прощаніи съ тобою... Другой, на моемъ мѣстѣ, почелъ бы этотъ случай обыденнымъ и забылъ бы его такъ же скоро, какъ забываются обыкновенныя шалости молодыхъ лѣтъ. Но повѣришь ли, этотъ случай такъ глубоко возмутилъ мою душу, такъ внѣдрился въ ней, какъ будто я совершилъ преступленіе. Мысль объ немъ преслѣдовала меня на походѣ, преслѣдуетъ и теперь; не могу отъ нея отбиться. Мнѣ все кажется, что я измѣнилъ невѣстѣ, съ которою былъ обрученъ, любимой женщинѣ, которой далъ обѣтъ, какъ рыцарь, воинъ-монахъ среднихъ вѣковъ, сохранить ей свое сердце, сохранить себя въ чистотѣ и непорочности нравовъ. Эта мысль покажется тебѣ и другому смѣшною, дѣтскою, донъ-кихотскою, а меня она мучитъ, тѣмъ болѣе, что Дуня узнала мою гадкую исторію. Никогда, думаю, эта женщина любить меня не можетъ; мутный потокъ раздѣляетъ насъ. Къ довершенію моего мученія, Дуня не знаетъ, что я ее такъ люблю. Въ письмахъ къ ней я не смѣлъ ей даже намекнуть о любви. Съ одной стороны боюсь прогнѣвить мать, съ другой—самую Дуню. Мысленно сражаюсь съ препятствіями; побѣждаю одно—другое приходитъ на смѣну. Бьюсь, какъ въ сѣти, которую ни откинуть,

ни разорвать не могу. То мнѣ кажется, что Дуня любитъ меня болѣе, чѣмъ брата. Прощаясь съ нею, я видѣлъ, какъ она измѣнилась въ лицѣ, какъ дрожали ея руки, когда она меня благословляла, какъ слезы душили ее. И то сказать:—можетъ быть, привычка, дружба!... На походѣ Парфенъ, мой слуга и бывшій дядька, передалъ мнѣ, что дочь его, Параша, разсказывала ему, будто барышня ея очень и очень плакала, когда узнала про глупую мою исторію, плакала такъ, что подушка ея къ утру была мокра отъ слезъ, что она приказывала отнести ко мнѣ на память цѣпь, которою закована была бѣглянка.—«На память ему»,—сказала Дуня съ гнѣвомъ.—«Страшно было ея лицо въ это время, прибавляла Параша: никогда не видала я такою грозною госпожу свою, которая обыкновенно кротка, какъ ангелъ». Не была-ли это вспышка ревности? А безъ любви ужь, конечно, нѣтъ ревности. Такими мыслями то обольщаю себя, то отъ нихъ падаю въ отчаяніе. Письмо твое растравило еще болѣе раны моего сердца—прости мнѣ, я тебѣ позавидовалъ: ты, по крайней мѣрѣ, знаешь, что тебя любятъ и надѣешься.

«Прощай, обнимаю тебя отъ души; будь хоть ты счастливъ.

«PS. Я забылъ написать тебѣ объ одной странной встрѣчѣ, которая касается Дуни. Дня съ три тому назадъ я обѣдалъ въ одной гостиницѣ, куда собираются, большею частью, наши военные. Сборище офицеровъ, служащихъ на коняхъ, на морѣ и на своихъ двухъ ногахъ, было огромное и шумное. За обѣдомъ, какъ водится въ такомъ случаѣ, осушены дюжины «благословеннаго Аи». Подлѣ меня сидѣлъ обязательный морякъ, привезшій мнѣ твое письмо,—черезъ два человѣка отъ него какой-то кавалеристъ, лѣтъ тридцати, съ польскимъ акцентомъ. По лицу его, довольно

красивому, но блѣдному, увядшему, и раннимъ морщинамъ видно было, что жизнь его перегорѣла въ излишествахъ всякаго рода. Онъ потчивалъ знакомыхъ и незнакомыхъ шампанскимъ, котораго бутылки то и дѣло откупоривались по его приказанію, и просилъ позволенія у моего сосѣда (назвавъ его по фамиліи) и меня наполнить наши бокалы. Мы оба небольшіе охотники до возліяній, но осушили бокалы и отблагодарили его своимъ шампанскимъ, которое приказали подать.

«— Кто это такой?—спросилъ я своего сосѣда.

«— Такъ какъ я нерѣдко пріѣзжалъ сюда изъ Николаева, а онъ — нерѣдко изъ нашихъ южныхъ военныхъ поселеній, гдѣ служитъ, то я какъ-то съ нимъ познакомился,—отвѣчалъ морякъ.—Это le Benjamin, по нашему батюшкинъ сынокъ какого-то богатаго пана, Звенигославскій; большой кутила, впрочемъ добрый малый.

«При этомъ имени я невольно вздрогнулъ — мнѣ пришла на память фамилія Дуниной матери, которую жестокій отецъ и мачиха погубили, лишивъ ея права освятить свою любовь благословеніями церкви и передать дочери законное имя. Съ какою-то злостью сталъ я смотрѣть на Бенжаменя-Звенигославскаго. Впрочемъ, подумалъ я, это можетъ быть однофамилецъ и совсѣмъ не родственникъ матери нашей Дуни. Узнать, ошибаюсь я или нѣтъ, меня сильно подмывало. Завязать съ нимъ разговоръ за столомъ не было никакой возможности, но съ этой минуты я сталъ жадно слѣдить за его дѣйствіями и словами. Кончился обѣдъ, стулья со скрипомъ и стукомъ отодвинулись. Въ смѣси фигуръ и одеждъ, какъ въ водоворотѣ, я потерялъ Звенигославскаго изъ виду. Вскорѣ толпа хлынула въ боковыя комнаты. И я побрелъ туда же. Въ одной изъ нихъ разложили ломберные столы; тутъ засѣли любители коммерческой. Въ другой комнатѣ, гораздо далѣе,

назначенной для *отгадочной* игры, сложили одинъ столъ изъ нѣсколькихъ. За него помѣстился какой-то господинъ, довольно тучный, съ мертвенными, оловянными глазами, съ угреватымъ лицомъ, на которомъ нельзя было ничего прочесть. Мой чичероне—морякъ—говорилъ, что это въ своемъ родѣ Пинетти.—«Только не такъ давно,—прибавлялъ онъ, — на этого доку нашли доки, сразившіеся съ нимъ его же оружіемъ, и порядочно его пообчистили; съ того времени онъ сдѣлался осторожнѣе, а, можетъ, и выдумалъ новую, неизвѣстную еще никому штуку». На столѣ передъ нимъ заиграла обольстительнымъ блескомъ груда золота, вздулись пачки разноцвѣтныхъ кредитокъ и квадраты съ бандеролями Воспитательнаго дома. Около банкомета помѣстились его ассистенты. Отъ ихъ рысьихъ глазъ не могла укрыться никакая цифра понтеровъ, ни одна изъ сотни убитыхъ и выигравшихъ картъ. Понтеры, кто стоя, кто сидя, окружили столъ. — «Банкъ заложенъ, господа, — сказалъ флегматически банкометъ,— мы играемъ не иначе, какъ на чистыя». — «А если будутъ замаранныя?»—спѣшилъ кто-то сострить. — «Хоть бы въ грязи, — отозвался хладнокровно банкометъ,— только наличными—это наше непремѣнное условіе. Ставка не менѣе рубля; банкъ отвѣчаетъ за 15 тысячъ рублей на серебро».

«Во все продолженіе игры онъ не показалъ ни малѣйшаго знака нетерпѣнія; хоть бы малѣйшая тѣнь смущенія или неудовольствія набѣжала на его лицо, когда срывали у него важные куши: онъ остался до конца господиномъ своего положенія и безропотнымъ угодникомъ воли своихъ противниковъ.

«Между понтирующими я замѣтилъ Звениславскаго. Я стоялъ подлѣ него, онъ учтиво отодвинулъ свой стулъ, чтобы дать мнѣ мѣсто. Молодой человѣкъ понтировалъ горячо, лихорадочно, ставилъ по множеству картъ,

проигрывая, удвоивалъ куши. Ему рѣшительно не везло. Онъ сердился, билъ по столу, рвалъ карты. Я выдернулъ изъ колоды карту и поставилъ ее, давши себѣ слово проиграть или выиграть не болѣе 50 рублей.

«Моя карта была червонная дама; я не перемѣнялъ ее.

«— Какъ вы вѣрны своей дамѣ!—сказалъ мнѣ мой сосѣдъ.

«— Не даромъ; это dame de coeur. Я прозвалъ ее Розаліей.

«— Польское имя,—замѣтилъ Звениславскій.

«— Да; она мнѣ всегда рутируетъ. Только разъ въ жизни была убита и какъ жестоко!...

«Мнѣ показалось, что мой сосѣдъ смутился.

»Не сходя съ своей карты и не возвышая куша, я выигралъ 50 рублей, получилъ ихъ и собирался отойти отъ стола, но остановился на минуту, замѣтивъ, что Звениславскій ставитъ огромный кушъ на червонную даму.

«Она была убита.

«— Ко мнѣ не милостива, — сказалъ онъ съ сердцемъ и разорвалъ карту.

«— Не мудрено, — отвѣчалъ я, и сталъ отходить отъ стола.

«Звениславскій остановилъ на мнѣ мутные глаза свои какъ будто допрашивалъ у меня объясненія моей загадки, но при словѣ: «убита!» (это была его карта) обратился опять къ игрѣ, выкинувъ на столъ проигранныя деньги. Тутъ я пошелъ въ другую комнату, гдѣ мой морякъ игралъ по маленькой въ преферансъ, посмотрѣлъ нѣсколько времени на его игру, перешелъ потомъ въ читальню и принялся за газеты и журналы. Почитавъ и подремавъ съ добрый часъ, я воротился къ своему моряку, съ которымъ мы условились ѣхать

вмѣстѣ домой. Игра его затянулась ремизами—я долженъ былъ ждать, и подсѣлъ опять къ нему.

«Немного погодя вбѣгаетъ въ комнату, гдѣ мы сидѣли, Звениславскій, блѣдный, разстроенный. Волосы его были взъерошены вихрями, какъ будто лѣшій его чесалъ. Онъ бросился къ моему моряку.

«— На пару словъ!—сказалъ онъ ему.

«Морякъ извинился передъ своими партнерами и послѣдовалъ за Звениславскимъ въ уголъ комнаты.

«Изъ разговора ихъ я могъ только слышать отрывистыя слова, отчаяннымъ голосомъ сказанныя: «я зарвался .. спасите мою честь...» Послѣ отвѣта моряка Звениславскій ударилъ себя лодонью по лбу и бросился было къ двери, но, какъ будто ошеломленный, остановился и приросъ въ раздумьѣ къ одному мѣсту.

«— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я моряка, возвратившагося на свое мѣсто.

«— Проигралъ большую сумму наличными,—отвѣчалъ морякъ,—проигралъ еще 500 рублей, которыхъ у него нѣтъ и онъ ни у кого изъ знакомыхъ не нашелъ. Банкометъ забастовалъ и требуетъ денегъ. Звениславскій просилъ у меня; далъ бы охотно, чтобы спасти его отъ непріятностей... Человѣкъ богатый и вѣрный.

«Въ груди моей заговорило какое-то чувство великодушія.

«Со мною были всѣ мои деньги — я подбѣжалъ къ Звениславскому и предложилъ ему просимую сумму.

«Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и сказалъ:

«— Вы меня видите въ первый разъ, какъ же вы мнѣ вѣрите?

«— Это мое дѣло. Только въ благодарность за мое маленькое одолженіе попрошу отъ васъ одного отвѣта: не было ли у васъ близкой родственницы, именемъ Розалія?

«— Была... сестра отъ другой матери... лѣтъ съ 20 умерла... несчастно... Мнѣ было тогда лѣтъ десять, я едва ее помню... Исторію ея разсказалъ мнѣ старшій братъ. Лицо ея знаю болѣе по портрету... онъ у меня въ деревнѣ. Вы ужь сами не родственникъ-ли *того* офицера?...

«— Нѣтъ; впрочемъ съ меня довольно. Я вамъ даю деньги отъ имени дочери вашей сестры Розаліи. Помните, она васъ одолжаетъ.

«Звенигославскій хотѣлъ что-то сказать, но я перебилъ его:

«— Васъ ждутъ... спѣшите расплатиться, — мы переговоримъ съ вами болѣе, когда вы возвратите мнѣ деньги. Вотъ мой адресъ и 500 рублей.

«Я вручилъ ему свою карточку и деньги.

«— Вы спасаете меня отъ большой бѣды, — сказалъ Звенигославскій, крѣпко пожимая руку. — Черезъ день, много черезъ два, вашъ должникъ на честное слово будетъ у васъ.

«Съ этими словами онъ бросился изъ комнаты. На другой день Вицентій Звенигославскій привезъ мнѣ должную сумму и разсыпался въ благодарностяхъ.

«При этомъ случаѣ онъ весь раскрылся передо мною, разсказалъ мнѣ все, что зналъ изъ исторіи его сестры Розаліи, не утаилъ вины отца своего и матери, бывшихъ причиною несчастнаго конца этой исторіи, прибавилъ даже, что, по жалобѣ перваго, отецъ Дуни былъ переведенъ на Кавказъ и потому не имѣлъ времени обвѣнчаться съ дѣвушкой, пожертвовавшей изъ любви къ нему своимъ долгомъ и благосостояніемъ. У Вицентія былъ еще другой, старшій братъ и сестра отъ первой жены отца его. Этимъ отецъ назначилъ по духовному завѣщанію небольшое имѣніе, а ему, Вицентію, все остальное, капитальное.

«— Но умретъ старикъ, — прибавилъ Звенигавскій,—я заглажу его несправедливость — это мой священный долгъ, а не посмотрю и на мать... я отдѣлю слѣдующую часть по чувству моей совѣсти и дочери Розаліи.

«Тутъ онъ распросилъ меня о наружности, характерѣ, образованіи своей племянницы, какъ называлъ онъ Дуню, спросилъ, не имѣетъ ли она нужду въ его помощи.

«— Не скрою отъ васъ, — прибавлялъ онъ,—я балованный сынокъ отца и матери, и, какъ вы замѣтили вчера, во зло употребляю ихъ любовь ко мнѣ, сорю деньгами, такъ на доброе дѣло не пожалѣю. Чувствую, что пора перебѣситься, тѣмъ болѣе, что и здоровье мое отъ всѣхъ моихъ шалостей крѣпко страдаетъ.

«Что могъ сказать я о Дунѣ, кромѣ всего добраго, и не прибавляя ничего, не разукрашивая ея портрета? Но отъ всякаго пособія именемъ ея отказался, объяснивъ ему, что она живетъ у насъ въ домѣ, какъ родная дочь, что мы богаты.

«— Только сдѣлайте ей одинъ подарокъ, который будетъ для нея дороже всякихъ капиталовъ...

«— Не знавши, о чемъ вы для нея просите, — отвѣчалъ онъ съ одушевленіемъ,—я даю вамъ честное слово исполнить вашу просьбу.

«— Вы говорили, что у васъ есть портретъ ея матери... подарите ей.

«— Вотъ вамъ рука моя, рука благороднаго человѣка, что онъ будетъ у ней черезъ двѣ недѣли по возвращеніи моемъ домой... безъ меня это не уладится...

«Звенигавскій на минуту задумался и прибавилъ:

«— Могу быть въ дѣлѣ...

«— Дайте мнѣ адресъ, куда и на чье имя переслать портретъ; вмѣстѣ съ тѣмъ дайте листокъ бумаги.

«Я написалъ адресъ въ Луковки, на свое имя, вру-

чилъ его Звенославскому, и, взамѣнъ его, получилъ листокъ, на которомъ онъ написалъ:

«Въ случаѣ, если я буду убитъ или умру своею смертью, завѣщаю моей матери и брату отослать портретъ сестры моей Розаліи въ Луковки, Расторгуевской губерніи, Сергѣю Владиміровичу Патокину. Это долгъ чести. Вицентій Звенославскій».

«Все это было сдѣлано электрически, какъ бы по щучьему велѣнію.

«Мы растались друзьями.

«Вѣтряный малый, хоть и тридцатилѣтній кутила, мотъ, но, по инстинкту сердца, я готовъ поручиться, что онъ не задумается исполнить все, что обѣщаетъ въ минуту увлеченія доброй души своей.

«Не правда-ли, странная встрѣча? Радуюсь ей особенно за Дуню. Воображаю ея восторгъ, когда въ ея кабинетѣ нежданно-негаданно появится портретъ красивой женщины—и она узнаетъ, что это—ея мать».

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Птицы, насытившись на родномъ сѣверѣ обильными дарами осени, летятъ на полдень, чтобы тамъ найти теплый пріютъ и новую пищу. По тому жь направленію, въ чаяніи богатой поживы, катили въ вершавской бричкѣ Опенкины, отецъ и сынъ, ловко обдѣлавшіе свои дѣла въ луковскихъ предѣлахъ. Папенька во всю дорогу ворчалъ на дороговизну прогоновъ, на ужасныя цѣны за обѣды, ужины и чай, бранилъ, разумѣется, не въ глаза, кровопійцъ станціонныхъ смотрителей за то, что потчивали чаемъ, когда его пить не хотѣлось, ямщиковъ за то, что просили на водку, когда и безъ того получаютъ плату отъ своихъ хозяевъ и пропиваютъ ее въ кабакахъ, однимъ словомъ бранилъ все, за что надо было платить деньги, и всѣхъ, кому только надо было выдавать ихъ.—То ли дѣло,—говорилъ онъ, вздыхая, — въ наши патріаршія времена, сказывалъ мнѣ отецъ, заѣдешь въ любой дворъ по пути. Съ поклонами отворятъ ворота, съ поклонами посадятъ въ честный уголъ, подъ образа, да скатерть

браную уставятъ яствами. Тутъ и горяченькія щи со свининкой, каша съ масломъ, купайся хоть въ немъ, папушникъ, горшокъ сливокъ, да такихъ, Самсоша, что ложка стоитъ въ нихъ; не то, что ваше сизое, трактирное молочко, взбивай цѣлый день мутовкой, зернышка масленца не собьешь. Чайныхъ душепарокъ тогда не знали и, слава Богу, люди здоровѣе были. А деньги взять за постоялое, Господи сохрани! «Обижаете насъ, батюшка,» скажутъ, «хлѣбъ-соль у насъ не купленая и изба не развалится, что отдохнули въ ней, да погрѣлись. Развѣ мы некрести какіе». А нынѣ, Мати Божія, что за народъ сталъ! Просто разбойники засѣли на большихъ дорогахъ, да и дерутъ кожу съ живого и мертваго. Иной малый изъ баловства покачаетъ колеса у твоей повозки и за то требуетъ денегъ. Не даромъ знаменія на небеси, повѣрь, Самсоша, кончина міра недалеко.

Тутъ Елизаръ Самсоновичъ набожно крестился. Не могъ онъ также безъ ожесточенія смотрѣть, сколько солдатъ сына его потреблялъ съѣстнаго. — У меня,— замѣчалъ онъ, — душа не приметъ и въ недѣлю, что онъ съѣдаетъ за одинъ присѣстъ. Что за утробы, Господи, нынѣ стали, точно чрево кита, въ которомъ сидѣлъ праведный Іона три дня и три нощи.

За станцію отъ Приморска отецъ и сынъ размѣстились по разнымъ экипажамъ. Одинъ поѣхалъ въ своей бричкѣ, другой въ рогожной кибиткѣ, на перекладныхъ, не теряя, однакожъ, другъ друга изъ вида. Въ городѣ сынъ остановился въ гостиницѣ, отецъ направилъ путь къ квартирѣ прикащика по хлѣбной торговлѣ, Ивана Сидоровича Пестрикова. Здѣсь онъ долженъ былъ бросить якорь свой. Съ трудомъ нашли квартиру гдѣ-то въ захолустьѣ. Подъѣхали къ воротамъ. Ямщику велѣно оповѣстить хозяина о пріѣздѣ принципала по дѣламъ Патокина. Несмотря, что время было къ ночи,

Елизаръ Самсоновичъ замѣтилъ человѣка, шмыгнувшаго отъ воротъ. Крѣпче прижалъ онъ къ груди сундучекъ, который держалъ въ рукахъ.

Какъ скоро вѣсть о прибытіи Опенкина дошла до ушей Пестрикова, все въ квартирѣ его переполошилось. Онъ былъ ужь предупрежденъ о пріѣздѣ своего начальника. Въ комнаткахъ, которыя онъ занималъ, появилась иллюминація. Пестряковъ, принимая пріѣзжаго, хотѣлъ помочь ему выдти изъ кибитки.—«Сундучекъ, сундучекъ-то, дружище, прими, — сказалъ Елизаръ Самсоновичъ, передавая съ рукъ на руки довольно большую, жестью окованную шкатулку,—да ступай впереди меня и указывай мнѣ дорогу». Въ сѣняхъ встрѣтили Опенкина съ огромными подсвѣчниками въ рукахъ и отвѣсили ему по глубокому поклону сынъ хозяина, лѣтъ двадцати пяти, бравый дѣтина, остриженный въ кружекъ, хозяйка, дебелая, съ черными бровями, выведенными въ нитку, съ черными зубами и двухэтажнымъ подбородкомъ, и служанка съ длинною косою вдоль спины. При входѣ въ сѣни на Елизара Самсоновича пахнуло какимъ-то сырьемъ, напитаннымъ запахомъ кислой капусты и чесноку. Съ грустью думалъ онъ, что пріѣдетъ въ иностранный городъ, а на него такъ отрадно повѣяло Русью. Въ передней сынъ хозяина принялъ отъ него шапку, скинулъ съ него бекешъ и стащилъ валеные сапоги. Въ комнатѣ, въ которую приняли пріѣзжаго, служившей гостиной, по совершеніи имъ нѣсколькихъ благоговѣйныхъ крестныхъ знаменій передъ иконами, хозяйка опять поклонилась ему и трижды приложилась пышными губами къ его сухимъ щекамъ. Гость подносилъ только на лету свои ланиты. По указанію его, хозяинъ поставилъ шкатулку на столъ, самъ сталъ передъ нимъ въ почтительной позѣ, заложивъ руки назадъ, въ ожиданіи слова отъ своего принципала.

Это былъ старикъ съ добродушнымъ лицомъ; на головѣ и въ густой бородѣ сѣдой волосъ рѣдко пробивался между чернью ихъ.

Надо было видѣть, какъ преобразился здѣсь Елизаръ Самсоновичъ. Мизерный, робкій, низкопоклонный человѣчекъ превратился въ лицо важное, властительное; станъ его выпрямился, голосъ сдѣлался твердымъ.

Когда онъ усѣлся на диванъ, хозяйка начала осыпать его вопросами:

— Ну что у васъ, батюшка, въ Луковкахъ все-ли обстоитъ благополучно?

— Все по старому, на томъ же мѣстѣ стоитъ.

— Сергѣй Семенычъ, Марѳа Михайловна здравствуютъ-ли?

— Слава Богу, живутъ да поживаютъ.

— Слава Богу лучше всего. А питомка ихъ, изумрудная-то что-ли?

— Что ей дѣлается!

— Еще не вступила въ законное супружество?

— Нѣтъ еще,—развѣ за англичанина Джонса пойдетъ.

— И что вы, батюшка, статочное ли дѣло! вѣдь онъ нехристь. Вотъ вы бы, Елизаръ Самсонычъ, отецъ родной, хлопотали за нашего сынка. Такъ и быть, что мѣщанка, дали бы хорошее приданьеце, не побрезгали бы. Видите, какой верзила выросъ, только что въ дверь устанавливается; ужь и за грамотку крѣпко принялся.

— Пора!

Елизаръ Самсоновичъ махнулъ рукой.

— Матушку, братцевъ не видали-ль?

— Видѣлъ, живы, здоровы, кланяются.

Наконецъ, эта пустая болтовня сильно надоѣла Елизару Самсоновичу; онъ поморщился, сердито взглянулъ на хозяина и ужь значительно махнулъ рукой на

членовъ его семейства, чтобы они стерлись съ глазъ его.

Такъ понялъ это движеніе хозяинъ. Онъ прикрикнулъ на жену; исполненіе было неотлагательное.

— Получена тобою эстафета? — спросилъ Елизаръ Самсоновичъ Пестрикова, когда они остались вдвоемъ.

— Получена, да опоздала; хлѣбъ былъ запроданъ, 40 тысячъ мнѣ уплачены, суда покупщиками зафрахтованы и нагружены; осталось получить еще 30, выдать квитанцію и въ путь.

Это извѣстіе сильно поразило Опенкина.

— Худо, очень худо,—сказалъ онъ и вскочилъ съ дивана,—ихъ надо остановить.

— Я и такъ остановилъ до вашего пріѣзда, остальныхъ денегъ не принялъ, да покупщикъ и судовщики хотятъ съ жалобой пройти къ начальству. Если задержать долѣе, не ввести бы хозяина въ большіе убытки.

Елизаръ Самсоновичъ призадумался и сталъ прохаживаться по комнатѣ и вдоль и поперекъ такъ, что бѣдный Пестриковъ безпрестанно перемѣнялъ мѣсто, чтобы дать свободный ходъ своему принципалу.

— Нѣтъ-ли, братецъ, тутъ фальши съ твоей стороны? Смотри ты у меня!

Опенкинъ погрозилъ на него пальцемъ.

— Вы меня крѣпко обижаете, Елизаръ Самсонычъ; какъ передъ Богомъ, такъ передъ хозяиномъ и вами поступилъ. У меня есть свидѣтельство, когда запроданъ хлѣбъ, деньги приняты и эстафета получена.

— А кто купилъ хлѣбъ?

— Грекъ для англичанъ.

— Остановить, говорю тебѣ.

— Пожалуйте мнѣ письменный приказъ.

— Ге, ге! да ты, Иванъ Сидоровъ, видно на чуж-

бинѣ понабрался фанаберіи; вольнаго духу нанюхался; не вѣришь словамъ моимъ.

— Вѣрю, сударь, да дѣло рискованное, берегу хозяйскій интересъ; не хочу быть въ отвѣтѣ. Коли есть у васъ уполномочіе, такъ можете приказать; только, воля ваша, безъ письменнаго приказа не выполню.

Живчикъ сильно забился на лицѣ Елизара Самсоновича; онъ подошелъ къ сундучку и ключомъ, который былъ у него на поясѣ, подъ жилетомъ, отперъ его. Замокъ зазвучалъ на разные лады.

— Вотъ тебѣ уполномочіе,—сказалъ онъ съ сердцемъ, вынулъ одну бумагу, за нею другую и швырнулъ на столъ.—На, читай.

Пестриковъ былъ худой грамотѣй. Долго читалъ онъ, будто по складамъ, обѣ довѣренности, одну на имя купца 3-й гильдіи Пестрикова, другую на имя купца 2-й гильдіи Опенкина.

Съ купечествомъ не приминулъ онъ поздравить.

— Ну что, прочелъ? — спросилъ Опенкинъ.

— Подрядъ въ казну дѣло для меня небывалое, — отозвался смущенный Пестриковъ, ладонью потирая себѣ лобъ, по которому выступили крупныя капли пота.

— Мало ли что не бывало! Ты человѣкъ небольный, нанялся, такъ продался. А по что жь я пріѣхалъ сюда? Наведемъ на добрыхъ людей, научимъ, сыщемъ лазейки, проведемъ по нимъ.

— Просимъ прощенія, Елизаръ Самсонычъ, не въ огорченіе буди вамъ сказано: коли вы пріѣхали, такъ зачѣмъ я тутъ, словно главное лицо? Строеніе вы будете строить, а я только подставка, обрушится, такъ, вѣстимо, на меня упадетъ.

— Вотъ зачѣмъ, дружище, по милости Божіей, сынокъ у меня провіантскій комиссіонеръ, кавалерію

имѣетъ на шеѣ, значитъ важный человѣкъ. Мы возьмемъ подрядъ, а онъ отъ казны провіантъ будетъ принимать; неловко же, понимаешь, чтобы сынъ отъ отца принималъ. На этотъ казусъ нуженъ ты намъ.

— Смекаю, сударь, — отвѣчалъ Пестриковъ, потягивая двумя пальцами пряди волосъ въ бородѣ, какъ будто выдаивалъ изъ нихъ разныя соображенія. — Только дѣла-то съ казною мудрены, время къ тому жъ настаетъ смутное, грозное, порохомъ попахиваетъ. Напрасно берется Сергѣй Семенычъ за эти подряды. И покойный родитель его въ опаскѣ ихъ имѣлъ.

— На то воля хозяйская, курицу яйца не учатъ, плечи выше головы не будутъ.

— Коли на то воля хозяйская, такъ повиненъ выполнить, хоть бы голову пришлось на плаху несть. Теперь понимаю, что проданный иностранцамъ хлѣбъ великое подспорье для подряда, хорошо бы задержать, да не приложу ума какъ это обдѣлать. Больно боязно съ властями тягаться. Коли дадите письменнное приказаніе, задержимъ, а безъ того не смѣю.

— Утро вечера мудренѣе, завтра дадимъ и письменное приказаніе. А деньги сорокъ тысячъ? Вѣдь важная сумма?

— У меня. Извольте эту обузу съ меня снять и у себя хранить, благо у васъ сундучекъ съ курантами.

— Покончимъ подрядъ благополучно, подарю тебѣ.

— Давай Богъ,—сказалъ Пестриковъ вздыхая, сходилъ въ сосѣднюю комнату и принесъ толстыя пачки кредитокъ и мѣшочекъ съ золотомъ.

Сочтены деньги—вѣрно 40 тысячъ.

Елизаръ Самсоновичъ положилъ ихъ въ свой сундучекъ и, заперевъ его, промолвилъ:

— А у тебя шалостей въ домѣ не водится, воровъ не слыхать?

— Доселѣ Господь хранилъ. Заборъ высокій, утыканъ гвоздями, цѣпная собака, аки медвѣдь, сѣни изнутри заперты засовомъ, работникъ на дворѣ цѣлую ночь караулитъ. Сына положимъ въ прихожей, а сами мы съ хозяйкой ляжемъ въ комнатѣ, подлѣ васъ. Росписочку пожалуйте, батюшка Елизаръ Самсонычъ.

— Что ты присталъ съ своей распиской, какъ банный листъ? Не убѣгу.

— Впервой спросилъ. Сами, сударь, пріучили къ аккуратности. Отцу родному, говорили не разъ, денегъ, тѣмъ паче чужихъ, не давай безъ росписки.

Неотвязчивый Пестриковъ подалъ листъ бумаги, чернильницу и перо.

Нечего было дѣлать, Елизаръ Самсоновичъ написалъ росписку въ полученіи отъ Пестрикова 40 тысячъ за проданный такому-то греку хлѣбъ, означилъ мѣсяцъ, число и годъ, и подписалъ.

— Смотри, — сказалъ онъ, — не оповѣщай грека, что я пріѣхалъ, а тамъ завтра увидимъ, что дѣлать.

— Эхъ, сударь, не знаете вы здѣшнихъ коммерческихъ людей; они сквозь каменныя стѣны видятъ и слышатъ. Ручаюсь головой, ужь провѣдали о вашемъ пріѣздѣ.

— Завтра, говорю тебѣ, все порѣшимъ; увижусь съ сыномъ, переговорю обо всемъ.

— Буди по вашему.

Такъ до утра отложено было рѣшеніе, пріостановить ли суда, нагруженныя проданнымъ хлѣбомъ.

Давно ужь самоваръ подавалъ свой голосъ, пыхтѣлъ и захлебывался. Хозяинъ вышелъ изъ комнаты и тотчасъ возвратился; вслѣдъ за нимъ сынъ несъ на огромномъ подносѣ огромную чашку, жарко засіявшую своей позолотой; на другомъ подносѣ служанка принесла разнаго варенья и плодовъ и, поставивъ на столъ, низко поклонилась; хозяйка держала въ рукахъ малень-

кій серебряный подносъ и на немъ бутылку съ виномъ и позолоченную рюмку.

— Сласти, да и вино тутъ же, можетъ хозяйка отнести назадъ; мнѣ ихъ хоть бы никогда не было, а чай буду пить съ хозяиномъ.

Какъ ни кланялась хозяйка, какъ ни упрашивала хоть поневолиться, хоть бы *пригубить* винца, Елизаръ Самсоновичъ остался неумолимъ. Пестриковъ мигнулъ сыну, стоявшему у притолки съ подносомъ, и показалъ пальцемъ на себя. Сынъ, стряхнувъ свое кружало на головѣ, полетѣлъ изъ комнаты и разомъ принесъ отцу чашку чаю. Между тѣмъ принципалъ вглядѣлся въ жипопись своей чашки и плюнулъ. На ней изображена была наяда, выходящая изъ водъ.

— Вотъ ты, Иванъ Сидорычъ,—сказалъ Опенкинъ, живешь въ чужеземщинѣ, да и пріучился ко всякой сатанинской скверности; посмотри, какое тутъ безобразіе.

Хозяинъ взглянулъ и смутился.

— Наглядѣлись мы въ народныхъ баняхъ на такіе виды, да нынѣ и въ нихъ не пускаютъ мужчинъ вмѣстѣ съ женщинами. Прикажи-ка подать другую.

— Эхъ, эхъ! глупый вы народъ, — отозвался съ сердцемъ Пестриковъ, обращаясь къ женѣ.—Просимъ прощенія, батюшка, чашку эту подарилъ мнѣ благопріятель, иностранецъ, съ которымъ ведемъ дѣла, а намъ и не въ домекъ.

Послѣ чаепитія, Елизаръ Самсоновичъ пожелалъ спать въ той же комнатѣ, гдѣ сидѣлъ. — И тепло здѣсь,—говорилъ онъ,—и близко отъ хозяевъ.

Принесли было огромную кровать краснаго дерева, нѣсколько перинъ, подушекъ и шелковое, стеганое одѣяло, чтобы воздвигнуть роскошное ложе, въ которомъ можно было утонуть, но Елизаръ Самсоновичъ велѣлъ вынести всю эту роскошь и постлать ему на диванѣ только простыню. Улегся принципалъ подъ

своимъ тулупчикомъ, служившимъ ему шлафрокомъ и одѣяломъ.

Въ комнатѣ, передъ иконой, горѣла лампада; шкатулка стояла на своемъ возвышенномъ, почетномъ мѣстѣ, храня въ себѣ залоги будущей судьбы Патокина и его главнаго приказчика и хранимая сторожемъ, который могъ бы поспорить въ неусыпности съ добрымъ сторожевымъ псомъ. Опенкинъ сомкнулъ глаза. Лучи отъ лампадки играли на бѣлой жести сундучка и дрожа, умирающимъ свѣтомъ, падали на изсохшее лицо Елизара Самсоновича, подергиваемое и во снѣ его обычной гримасой. Сначала въ сосѣднихъ комнатахъ ходили всѣ на цыпочкахъ, потомъ настала глубокая тишина, изрѣдка прерываемая храпѣніемъ дебелой хозяйки. Не спалъ, однакожъ, Пестриковъ, обремененный думами о предстоящемъ подрядѣ. Хлѣбныя дѣла его шли такъ хорошо; онъ умѣлъ доставлять хозяину постоянныя выгоды, да и самъ себя не забывалъ, но все-таки совѣстливо, не подрывая камней изъ фундамента торговаго дома Патокина. А теперь какая страшная обязанность возлагается на него! Вмѣсто купцовъ грековъ, итальянцевъ, англичанъ, съ которыми онъ торговался, какъ равный съ равными, становятся передъ нимъ все военные, офицеры, начальство, въ блестящихъ мундирахъ, отъ него ужь требуютъ, на него грозно прикрикиваютъ...

Было уже близко къ полуночи. Кто-то подъѣхалъ къ воротамъ... застучали въ нихъ... Онъ встрепенулся, встрепенулся и Опенкинъ. Со времени послѣдняго посѣщенія его товарища по воровству, Алексѣя, положившаго основаніе его благосостоянію, полуночный звукъ въ ворота сильно пугалъ его. — «Такъ будутъ забивать надо мною гробовую крышку» — думалъ онъ увѣренный, что услышитъ этотъ звукъ, когда будетъ лежать въ гробу.

Собака сильно залаяла, отворили калитку, постучали въ сѣни; сынъ хозяина вышелъ изъ передней, отперъ сѣни, началось движеніе, послышался разговоръ въ комнатѣ подлѣ той, гдѣ спалъ хозяинъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ явился къ Елизару Самсоновичу.

— Что тамъ такое случилось?—спросилъ Опенкинъ.

— Грекъ, что купилъ хлѣбъ, пришелъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—слезно проситъ видѣться съ вашей милостью.

— Въ такую пору?

— Говоритъ, кровная нужда, не уйду, говоритъ, лягу на порогѣ, буду лежать, пока не допустятъ до васъ; убьюсь объ стѣну.

— Чтожь, какъ ты думаешь?

— Прикажите ему войти, услышите сами, чего хочетъ.

— Все еще въ нашихъ рукахъ, все еще въ нашей волѣ,—спѣшилъ поправиться Пестриковъ.

— Позови, да будь самъ тутъ, а сыну вели покараулить въ прихожей.

Елизаръ Самсоновичъ накинулъ тулупчикъ, надѣлъ на босую ногу хозяйскія туфли, ему приготовленныя у дивана.

Позвали грека.

Онъ былъ блѣденъ и дрожалъ.

— Спасите меня отъ гибели,—завопилъ онъ, едва переводя дыханіе. — Полученъ приказъ задержать въ портѣ суда, нагруженныя хлѣбомъ... завтра объявятъ... Всѣ суда снимаются съ якоря, кромѣ моихъ. Все обдѣлано... вѣтеръ попутный. Я долженъ заплатить вамъ 30 тысячъ—я принесъ ихъ, да еще десять въ благодарность, если вы меня не задержите. Не я одинъ уплываю съ своимъ добромъ. Не отпустите, потеряете все и меня погубите.

Живчикъ быстро забѣгалъ на лицѣ Елизара Самсоновича. Онъ потеръ себѣ лобъ рукою, сообразилъ,

что подрядъ уже испорченъ, сообразилъ еще кое-что и спокойно сказалъ:

— Иванъ Сидоровичъ, прими отъ него деньги и отпусти грузъ, какъ знаешь.

Пестриковъ выпучилъ глаза и не двигался.

— Чтожь? Дѣлай, что велятъ, — строго сказалъ Опенкинъ,—слышишь? не мы отпускаемъ. Не въ доносъ же идти въ ночное время, не тревогу же поднимать! Хоть бы пошли, будетъ ли толкъ; начнутся допросы, слѣдствіе, мы же останемся въ дуракахъ. Мы люди торговые; сдѣлка выгодна, такъ и не надо упускать ее. Сочти деньги и развяжи его. Не наше дѣло вязать.

Сочтены деньги, переданы изъ рукъ въ руки принципалу и положены имъ въ сундучекъ. Грекъ не зналъ, какъ благодарить. Пестриковъ обязанъ былъ проводить его, куда нужно было, и освободить грузъ, какъ того требовали обстоятельства; сынъ хозяина шелъ вмѣстѣ съ ними. Но лишь только вышли они, грекъ воротился къ Опенкину, далъ ему знакъ рукою, чтобы молчалъ, и осторожно приподнялъ сундучекъ.

Елизаръ Самсоновичъ сильно было испугался, но скоро успокоился, увидавъ что купецъ, приподнявъ сундучекъ, положилъ подъ него пакетъ, отвѣсилъ Опенкину глубокій поклонъ и быстро скользнулъ въ переднюю.

Когда Елизаръ Самсоновичъ услыхалъ, что двери въ сѣняхъ заперли, калитка отворилась и заперлась, собака лаемъ проводила ночного посѣтителя и затихла, онъ осторожно высвободилъ пакетъ изъ-подъ гнета и, при свѣтѣ лампады, счелъ благодарность въ тысячу.

— Чтобы прибавить еще тысячу! — проговорилъ онъ сквозь зубы,—скаредники! жидоморы!... А сами, чай, сдерутъ какіе барыши!... Но подрядъ?... Сладимъ

какъ-нибудь, изворотимся, а не сладимъ, такъ не наша бѣда!

На другой день былъ объявленъ приказъ не выпускать изъ порта судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, но въ портѣ такихъ не оказалось... Только съ ранняго утра видѣли въ зрительную трубу, кому нужно было видѣть, какъ они, будто стая лебедей, летѣли на всѣхъ парусахъ по направленію къ Босфору, недосягаемыя ни для какой власти, кромѣ Божьей.

Говорили, что мѣстное начальство пришло въ негодованіе, когда узнало объ этой продѣлкѣ, что оно кричало на своихъ подчиненныхъ нептуновскимъ окрикомъ, «я васъ!...» Въ канцеляріяхъ была суматоха ужасная. Передъ грозныя очи призванъ былъ Пестриковъ также, какъ и другіе торговцы, допустившіе вывозъ хлѣба, обреченнаго на питаніе французскихъ и англійскихъ желудковъ вмѣсто русскихъ; но торговцы оправдывались тѣмъ, что они не духовидцы—и потому не могли знать наканунѣ, какой приказъ послѣдуетъ завтра. Правда была на ихъ сторонѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Разумѣется, грекъ и товарищи его получили огромные барыши, вознаградившіе ихъ съ лихвою за всѣ явные и тайные расходы.

Когда Опенкинъ-сынъ явился къ начальству, чтобы рапортовать о своемъ прибытіи и изложить средства заготовки подряда, который былъ ему порученъ, *оно* объявило ему, что средства, имъ указываемыя, теперь не такъ вѣрны, какъ расчитывалъ онъ прежде.—«Плуты провели насъ,—сказало начальство,—впрочемъ вы обѣщали вѣрнаго и надежнаго подрядчика, ваше дѣло доставить его, а тамъ выпутывайтесь, какъ знаете.

— Будетъ подрядчикъ надежный по выгодной для казны цѣнѣ,—отвѣчалъ Самсонъ Елизаровичъ, — я за это ручаюсь.

Онъ хотѣлъ было илти, но начальство остановило его.

— Постойте, вѣдь ваша фамилія Опенкинъ?

— Точно такъ, ваше пре—ство.

— Мнѣ по секрету сказали, что здѣсь появился какой-то купецъ Опенкинъ и будто онъ велъ все это скверное дѣло. Не родня-ли вамъ?

— Слава Богу, нѣтъ; вѣроятно, какой-нибудь однофамилецъ,—отвѣчалъ не робѣя Самсонъ Елизаровичъ.

— Я велѣлъ за нимъ слѣдить. Долженъ быть плутъ преестественный.

— Должно быть такъ, ваше пре—ство.

Самсонъ Елизаровичъ хоть бы моргнулъ глазомъ, хоть бы малѣйшій румянецъ выступилъ на шафранномъ его лицѣ, когда онъ подтверждалъ, что отецъ его плутъ, и отступался отъ него. О! и не на такіе отвѣты готовы подобные герои, закаленные въ бояхъ съ правдою и совѣстью. Не даромъ выбралъ онъ своимъ девизомъ *непоколебимъ*. Съ этого времени Елизара Самсоновича никто не видалъ, кромѣ Пестрикова и его домашнихъ; съ сыномъ своимъ видался онъ только по ночамъ.

Пестриковъ напомнилъ Елизару Самсоновичу о полученіи вторыхъ 40 тысячъ за проданный греку хлѣбъ и просилъ росписки.

Очень не хотѣлось принципалу выпустить сизенькихъ и сѣренькихъ голубковъ изъ своей шкатулки, гдѣ они свили себѣ такое надежное гнѣздышко. — Вѣдь десять тысячъ,—думалъ онъ, пришли даромъ хозяину, и остальныя безъ меня пропали бы.—Поди, ищи грека за тридевятью землями! А какъ бы подвести фортель, чтобы они пошли ко мнѣ, Опенкину, а не къ Патокину. Безъ фортеля никакая тварь и пищи не найдетъ. И торговля вся на фортеляхъ держится, и баталіи ими выигрываютъ, и политику ведутъ и земли большія

пріобрѣтаютъ. Великое дѣло фортель! Дай-ка и мы попробуемъ. Кокъ ни верти, а Сергѣю Семенычу не спастись отъ банкротства. Подрядъ только для блезира сына беру. Изъ чего-жь ломалъ я кости отъ Луковокъ до Поморска?

Завтра, да завтра, а росписка не давалась въ руки Пестрикову. Онъ все почтительно докладывалъ своему патрону, наконецъ, сталъ настойчивѣе требовать документа для отчетности хозяину. Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Елизаръ Самсоновичъ рѣшился посовѣтоваться съ сыномъ.

Самсонъ Елизаровичъ, какъ мы видѣли, былъ достойный наслѣдникъ своего отца и едва ли не геніальнѣе его въ дѣлахъ такого рода.

— Вы говорите, что получили въ первый разъ отъ Пестрикова 40 тысячъ?

— Сорокъ.

— И во второй разъ такую-же сумму?

— Равнехонько.

— Сколько съ того времени прошло дней?

— Двѣ недѣли.

— Такъ дайте ему росписку нынѣшнимъ числомъ, только на уголку надпишите *дубликатъ*. Онъ этого иностраннаго слова не пойметъ.

— Гдѣ ему! Онъ и по русски-то плохо читаетъ, мужикъ простой.

— Хорошо. Если со временемъ вздумается ему войти съ вами въ споръ и разбирательство, хоть по суду, покажите, что вторая росписка дана на одну и ту же сумму, а вы принуждены были выдать ее, потому дескать, что Пестриковъ объявилъ вамъ, будто первую росписку потерялъ. Было въ нашей Палатѣ такое дѣло, въ искѣ отказано.

— То же самое, что и мнѣ пришло въ голову; мы какъ будто сговорились. Поцѣлуй меня, Самсоша.

И отецъ прижалъ сынка къ сердцу.

— Все для тебя, дружокъ; неровенъ часъ, Патокина дѣла пойдутъ совсѣмъ подъ гору, такъ, деньгами этими наверстаемъ долгъ. А на подрядъ довольно будетъ и залоговъ.

Въ тотъ же вечеръ Опенкинъ-отецъ, при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, въ присутствіи Пестрикова писалъ росписку въ такомъ видѣ: «Симъ удостовѣряю и подтверждаю, что я получилъ, отъ такого-то, такого-то числа, сорокъ тысячъ за проданный хлѣбъ и пр.» Число полученія означилъ за двѣ недѣли назадъ, а число, когда выдана росписка, то самое, когда она выдана. Писавши ее, Елизаръ Самсоновичъ отчетисто произносилъ каждое слово вслухъ. На уголкѣ росписки онъ ловко черкнулъ *дубликатъ*, котораго, однакожъ, не прочелъ.

— Такъ-ли?—спросилъ Елизаръ Самсоновичъ.

— Чего-жь болѣе!—отвѣчалъ, кланяясь, довольный Пестриковъ.

— Однакожъ, для вѣрности прочти, братецъ самъ.

Новый Боско искусно прижалъ между двумя пальцами уголокъ росписки, на которомъ написано было слово дубликатъ, и поднесъ ее къ свѣчѣ, не выпуская изъ пальцевъ.

— Читай, тебѣ къ свѣчѣ виднѣе.

Пестриковъ подошелъ и прочелъ вслухъ, что было написано.

Елизаръ Самсоновичъ сложилъ бережно росписку на четверо и вручилъ ему.

— Смотри, братецъ, сумма важная, а гдѣ ты хранишь документы?

— Сундукъ, хоть и не съ курантами, а все-таки за огромнымъ замкомъ; мы, батюшка, люди опасливые.

Пестрикову нужно было только свидѣтельство, что отъ него деньги сданы главному приказчику и довѣрен-

ному лицу; сумма стояла явственно, подпись также, числа вѣрно означены. Обуза съ него снята. Онъ поспѣшилъ положить росписку въ свой сундукъ, не предчувствуя въ простотѣ души своей, какой ужасный для него фортель заключается въ этомъ актѣ.

Какъ ни привыкъ Опенкинъ-отецъ къ такимъ мастерскимъ продѣлкамъ, но въ тотъ же день, ложась спать, предался было какой-то смутной тревогѣ, которой причину растолковать себѣ не могъ. Сундучекъ его нельзя было украсть; онъ имѣлъ предосторожность привинтить его къ полу, подъ диваномъ, на которомъ лежалъ. Можетъ быть, заговорила въ немъ совѣсть, но на эту гостью онъ махнулъ рукой, старался заснуть и заснулъ. Сначала убаюкивали его пріятныя грезы. Ему чудилось, что онъ въ Луковкахъ, владѣлецъ бумагопрядильной фабрики, станы стучатъ, паровикъ такъ весело покрикиваетъ; онъ милліонеръ, имѣетъ золотую медаль на шеѣ, жители его родного города кланяются ему въ поясъ, сынъ его генералъ, помѣщикъ Краснаго-сельца. Елизаръ Самсоновичъ пріѣзжаетъ къ дорогому дѣтищу и велитъ ему наказать мужичковъ за худую работу. Но вдругъ обольстительныя грезы смѣняются страшными видѣніями. Семенъ Прохоровичъ, полоумная жена, Сергѣй Семеновичъ, Марѳа Михайловна, всѣ въ саванахъ, летятъ надъ нимъ со свиткомъ въ рукахъ и, указывая на него, говорятъ: здѣсь все написано; мы несемъ наше челобитье къ Судьѣ грозному, неподкупному. Какъ сердитое море, кругомъ волнуется народъ. Кричатъ: «воръ! воръ!» ты ограбилъ своихъ благодѣтелей. Гудятъ колокола, его тащутъ въ тюрьму. Вотъ онъ на тѣхъ же нарахъ, на которыхъ нѣкогда лежалъ, гремятъ цѣпи каторжниковъ, въ ушахъ отдается хохотъ ихъ, скрежетъ зубовъ, на него уставились бѣлки глазъ безъ рѣсницъ;

одинъ изъ колодниковъ подползаетъ къ его шкатулкѣ, схватилъ ее...

— Караулъ! караулъ!—кричитъ Елизаръ Самсоновичъ и открывъ глаза, силится перекреститься. Онъ на полу, держится одною рукою за шкатулку. Вокругъ него стоятъ Пестриковъ, жена и сынъ.

— Батюшка, Елизаръ Самсонычъ, что съ вами?—говорятъ хозяинъ и хозяйка въ одинъ голосъ,—сотворите крестное знаменіе, прочтите: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его».

Елизаръ Самсоновичъ крестится и что-то шепчетъ про себя.

— Ничего, ничего, — говоритъ онъ наконецъ, — только я больно ушибся, падая съ дивана; снилось мнѣ что-то страшное.

— Мѣднымъ пятачкомъ приложили бы къ больному мѣсту,—замѣчаетъ хозяйка.

— Ничего, дайте мнѣ только испить холодной воды.

Выпилъ воды, взлѣзъ охая на диванъ и просилъ окружающихъ его удалиться.

На другой день онъ отслужилъ молебенъ и поставилъ рублевую свѣчу. Страшный сонъ и всѣ смутныя опасенія стали забываться, только онъ нѣсколько дней проохалъ, лежа на диванѣ.

Подрядъ былъ, однакожъ, взятъ на одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ продовольствія войскъ. Цѣны, состоявшіяся на торгахъ, сулили подрядчику значительныя выгоды. Во всѣхъ актахъ по этому подряду стояло имя довѣреннаго отъ Патокина лица, Пестрикова. Когда Владиміръ Сергѣевичъ проходилъ черезъ Приморскъ съ отрядомъ войска, въ которомъ служилъ, Елизаръ Самсоновичъ, караулившій его, не преминулъ къ нему явиться къ Пестриковымъ. Оба обнадежили его хорошимъ исходомъ дѣла, да и постороннія лиш

удостовѣрили въ томъ же молодого человѣка. Объ этомъ написалъ Володя отцу и матери и успокоивалъ ихъ на счетъ ихъ напрасныхъ опасеній, то же подтвердилъ и въ письмѣ къ Дунѣ. На предложеніе же Елизара Самсоновича выдать ему столько денегъ, сколько онъ потребуетъ, отозвался, что у него еще въ бумажникѣ сумма, достаточная на всѣ его нужды. Съ обоими довѣренными отца своего Владиміръ Сергѣевичъ обошелся очень ласково, посадилъ ихъ, напоилъ чаемъ и просилъ не уронить отзыва, который объ нихъ дѣлаетъ въ письмѣ къ своимъ родителямъ.— Мое мѣсто,—говорилъ онъ,—должно бы быть здѣсь, на вашемъ; но судьба указала мнѣ другую дорогу, и мнѣ остается только просить васъ дѣйствовать, какъ я самъ бы дѣйствовалъ въ пользу интересовъ нашего дома. Увѣренъ, что у васъ дѣла пойдутъ успѣшнѣе и надежнѣе, чѣмъ я велъ бы ихъ; вы оба такъ опытны.

Добрый и усердный Пестриковъ былъ въ восторгѣ отъ молодого Патокина и говорилъ, что для него готовъ въ огонь и въ воду. Опенкинъ отзывался объ немъ съ величайшими похвалами, но не ему было покоряться увлеченіямъ; онъ думалъ только, что своя рубаха къ тѣлу ближе, мысленно же посмѣивался надъ простодушіемъ приказчика.

Гроза, давно копившаяся надъ Одессой, разразилась. Бомбардировка города, прибытіе непріятельскихъ войскъ въ Крымъ, осада Севастополя съ ея разными фазами, должны быть извѣстны не только каждому изъ моихъ читателей, но и каждой изъ моихъ читательницъ. Цѣны на хлѣбъ и фуражъ поднялись, подвозъ, по случаю худыхъ дорогъ, изрытыхъ сотнями тысячъ колесъ и избитыхъ сотнями тысячъ копытъ, неимовѣрно вздорожалъ. Вмѣсто деревянныхъ столбовъ, которые мы такъ любимъ, будто не имѣемъ другой

мысли во время нашего путешествія, какъ считать версты, которыя мы даже поставили на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ паровики, летя мимо, освистываютъ ихъ [1]); вмѣсто верстовыхъ столбовъ, — говорю я, — трупы лошадей и воловъ указывали вѣрнѣе дорогу къ мѣсту главнаго побоища. Несмотря на всѣ эти невзгоды—можно бы еще сладить съ подрядомъ безъ важныхъ убытковъ для Патокина, еслибъ двигалъ этимъ дѣломъ одинъ Пестриковъ. Но главный уполномоченный Сергѣя Семеновича, испугавшись грозныхъ обстоятельствъ, налетѣвшихъ на страну, въ которой производилась операція подрядка, повелъ дѣла такъ, чтобы ему можно было вынести изъ нихъ только свои собственные интересы. Изъ получаемыхъ отъ казны денегъ онъ сталъ удѣлять часть на уплату по векселямъ сына; изъ первыхъ, полученныхъ отъ грека за хлѣбъ, 40 тысячъ, половина пошла на ту же уплату. Пестриковъ, стѣсненный недостаткомъ денегъ, просилъ своего принципала выдать ему вторыя 40 тысячъ, представляя, что эти деньги могли бы сдѣлать важную помощь подрядной операціи.

— Я самъ собираюсь въ сосѣднія губерніи,—отозвался Елизаръ Самсоновичъ, — куплю тамъ провіантъ и двину, куда нужно.

Оставались еще въ таганрогскихъ магазинахъ запасы хлѣба, которые можно бы продать на мѣстѣ и этою выручкой поправить хоть нѣсколько обстоятельства, но Пестриковъ съѣздилъ въ Таганрогъ только для того, чтобы видѣть, какъ огонь непріятельскій поѣдалъ его послѣднія надежды. Возвратясь въ Приморскъ, онъ не

---

[1]) Что бы нашу 500-саженную путевую мѣру замѣнить пятиверстною, назвавъ ее какъ угодно, и тогда поставить, хоть на желѣзныхъ дорогахъ, легкіе чугунные столбики на мѣсто нынѣшнихъ деревянныхъ столбовъ, истребляющихъ безпощадно лѣса, и безъ того уничтожаемые.

нашелъ уже тамъ своего принципала. Домашніе объявили ему, что Елизаръ Самсоновичъ уѣхалъ закупать хлѣбъ. Обо всемъ этомъ, поспѣшилъ онъ увѣдомить Патокина.

Елизару Самсоновичу нечего было болѣе разыгрывать роль усерднаго блюстителя интересовъ Патокина. Онъ обезпечилъ уже себя и сына и, еслибъ обучался французскому діалекту, могъ бы сказать, какъ Меттернихъ: «après moi le déluge!» Опенкинъ-отецъ махнулъ рукой, мысленно произнося на своемъ родномъ языкѣ: «послѣ меня хоть трава не расти!» Передъ отъѣздомъ написалъ онъ письмо къ Патокину. Приступъ былъ слѣдующій: «Съ сокрушеннымъ сердцемъ пишу къ вамъ, мой благодѣтель, не чернилами, а кровавыми слезами», и многое въ подобномъ родѣ. Потомъ излагались по пунктамъ обстоятельства, съ которыми не могъ сладить, потому что они были посланы волею Божьей, противъ которой никакая сила и премудрость человѣческая устоять не могутъ. Увѣдомлялъ также Елизаръ Самсоновичъ своего благодѣтеля, что онъ, въ надеждѣ богатыхъ выгодъ отъ подряда, въ началѣ операціи уплатилъ по векселямъ до 50 тысячъ. Для удостовѣренія въ вѣрности уплатъ и векселя, съ надлежащею очисткою, посланы въ надлежащее присутственное мѣсто, въ чемъ и квитанція въ письмѣ прилагалась. Въ остальной суммѣ по векселямъ съ процентами дѣлалась кредиторомъ, Самсономъ Елизаровичемъ, отсрочка на два мѣсяца. Послѣ изъясненія такого примѣрнаго снисхожденія, Опенкинъ-отецъ описывалъ свое бѣдственное положеніе и свои немощи, не позволявшія ему долѣе заниматься дѣлами своего довѣрителя. Въ заключеніе письма, Елизаръ Самсоновичъ молилъ Бога ниспослать на своего благодѣтеля здравіе, долгіе дни, утѣшеніе и помощь въ трудныхъ его обстоятельствахъ.

Отправивъ это письмо и довѣренность, онъ распрощался съ Приморскомъ, полюбовавшись изъ рогожной своей кибитки на тамошнее красное солнышко, такъ благодатно грѣющее и зимой. «Что жь,—думалъ онъ,—и въ Луковкахъ мнѣ будетъ тепло на лежанкѣ съ сундучкомъ, въ которомъ везу малую толику». Для безопасности же этого сундучка и его собственной персоны, Самсоша далъ ему въ охранители своего солдата, котораго въ рапортѣ начальству показалъ больнымъ. Въ ожиданіи развязки дѣлъ Патокина, Елизаръ Самсоновичъ поселился въ Луковкахъ на прежней своей смиренной квартирѣ.

Сергѣй Семеновичъ получилъ одновременно письма отъ него и Пестрикова. Указывая на нихъ Дунѣ, онъ сказалъ:—Это первые два гвоздя, вбитые въ гробъ мой. Объ одномъ только молю Бога спасти меня отъ банкротства.—Отъ Маріы Михайловны нечего было долѣе скрывать запутанность ихъ дѣлъ. И безъ того истерзала его мысль, что онъ утаилъ отъ нея долги, сдѣланные на услажденія его жизни въ Красномъ-сельцѣ. Было не до упрековъ мужу; она давно замѣчала, что тайная грусть снѣдала его. Надо было дѣйствовать.

— По моему одно спасеніе,—сказала она,—не теряя времени, ѣхать въ Москву къ Огрызкову и просить его заложить Красное-сельцо. Получу отъ него деньги, отправлюсь сама въ Приморскъ. Посмотримъ, что можно будетъ еще сдѣлать; кстати раскроемъ плутни Елизарки. На Пестрикова я еще полагаюсь; онъ мужикъ честный и простой, но не грамотный, а для дѣла, которое должна буду повести противъ бездѣльника, мнѣ надо бойкаго законника.

— Возьмите Лебединскаго, — сказала Дуня, слышавшая это домашнее совѣщаніе,—онъ теперь безъ мѣста и занимается только частными дѣлами. Можетъ

быть, у него ихъ не много. Для васъ онъ пожертвуетъ ими.

Мысль эта была одобрена четою Патокиныхъ. Марѳа Михайловна отправилась въ Москву.

Генералъ Огрызковъ, какъ мы, кажется, ужь и сказали, былъ благородный и добрый человѣкъ въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Онъ нѣкогда былъ большой поклонникъ женскаго пола и ухаживалъ за Марѳой Михайловной, но теперь, одряхлѣвъ, наслаждался одними воспоминаніями о своихъ прежнихъ рыцарскихъ похожденіяхъ. Выслушавъ ее, онъ поцѣловалъ у ней ручку и безъ дальнихъ разсужденіи и гореваній о затруднительныхъ обстоятельствахъ ея мужа, сказалъ только:—Вы были красавица, другъ мой, а теперь прекрасная женщина — и побрелъ къ своему бюро. Вынувъ изъ него 30 тысячъ билетами «Опекунскаго Совѣта», онъ передалъ ихъ Марѳѣ Михайловнѣ

— Пока я заложилъ бы ваше имѣніе,—прибавилъ онъ,—прошло бы довольно времени, да и не хотѣлось бы мнѣ пускать въ огласку, что я занимаю. Благодареніе Всевышнему, я до сихъ поръ не долженъ ни въ казну, ни частнымъ людямъ. Поспѣшайте съ Богомъ, куда Онъ указываетъ вамъ путь для спасенія чести вашего мужа. На выданныя же вамъ деньги мнѣ никакихъ актовъ не нужно; ваше имѣніе по закону мое и достаточно меня обезпечиваетъ. Только старшему сыну отпишу, что далъ вамъ 30 тысячъ безъ всякаго акта. Видите, я дряхлъ, съ трудомъ передвигаю ноги; могу нынѣ, завтра умереть... А все-таки передъ смертью дайте мнѣ еще поцѣловать вашу ручку.

И въ потухавшихъ глазахъ старика блеснула еще искра того огня, которымъ нѣкогда такъ богата была его натура. Онъ поласкалъ своей рукой женскую ручку, ему протянутую, и съ нѣжностью поцѣловалъ ее.

Оставалось Патокиной послать за Лебединскимъ и убѣдить его ѣхать съ нею въ Приморскъ.

Какъ предсказывала Дуня въ письмѣ своемъ къ Володѣ, Лебединскій не долго служилъ въ уѣздномъ городѣ, куда опредѣленъ былъ стряпчимъ. Онъ поссорился съ судьею, который выбѣгалъ въ сѣни своей храмины за крестьянами и дворовыми людьми, приходившими въ судъ для засвидѣтельствованія отпускныхъ, спрашивалъ ихъ, сколько они дали въ благодарность секретарю и другимъ чиновникамъ суда имѣлъ наглое безстыдство напоминать имъ, что ему, какъ главному лицу, какъ начальнику въ судѣ, слѣдуетъ тоже соразмѣрная благодарность. Сколько было при этихъ случаяхъ мольбы и слезъ съ одной стороны,— требованій и угрозъ съ другой! Лебединскій поссорился и съ исправникомъ, который не только покрывалъ воровство, но и худшія дѣла. Судья давалъ обѣды, завтраки и карточные вечера всему городу; исправникъ приходился родственникомъ губернаторскому секретарю. Кончилась эта ссора тѣмъ, что Лебединскому, какъ человѣку безпокойному, велѣно было подать въ отставку. Не имѣя чѣмъ жить, онъ принялся за адвокатство по частнымъ дѣламъ; кстати ихъ было только одно, да и то терпѣло время, когда Марѳа Михайловна предложила ему ѣхать съ нею въ Приморскъ. Наблюденіе за этимъ дѣломъ могъ онъ передать своему товарищу по университету, который занимался также частнымъ адвокатствомъ.

Если бы потребовалась бо́льшая жертва, онъ не поколебался бы принести ее, и теперь радъ былъ, хоть чѣмъ-нибудь, отплатить Сергѣю Семеновичу за добро, столько разъ оказанное его семейству.

Возвращеніе Марѳы Михайловны въ деревню съ значительнымъ денежнымъ пособіемъ, въ сопутствіи Лебединскаго, и вслѣдъ затѣмъ письмо отъ Володи,

которымъ увѣдомлялъ, что онъ переведенъ въ гвардію, очень порадовали Сергѣя Семеновича. Прощаясь съ женою, онъ умолялъ ее спасти залоги, ввѣренные ему добрыми людьми, а тамъ ужь думать о себѣ. Лебединскій получилъ довѣренность, какая требовалась по обстоятельствамъ.

Съ отъѣздомъ жены, обнаружились у Патокина сильные припадки аневризма. Когда онъ, въ бытность свою въ Москвѣ, совѣтовался съ извѣстными врачами, ему объявили, что онъ можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, если сбережетъ себя отъ душевныхъ потрясеній. Послѣднія обстоятельства разрушительно подѣйствовали на него. На всѣ увѣщанія Дуни ѣхать въ Москву, онъ отвѣчалъ только:

— Наступитъ весна, она поможетъ мнѣ лучше всякихъ докторовъ; если-жъ мнѣ суждено умереть, лучше умереть въ Красномъ-сѣльцѣ.

Дуня была съ нимъ неразлучна. Чего не придумывало ея любящее сердце, чтобы разсѣять грустныя мысли, часто находившія на него.

— Не боюсь смерти,—говорилъ онъ ей,—боюсь банкротства. Знаешь ли, мой другъ, что для честнаго человѣка это позорное клеймо. Онъ отверженецъ общества. Всѣ его избѣгаютъ, или смотрятъ на него съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Квартальный, который проходитъ мимо его дома, хожалый пугаютъ его. Позорное имя передаетъ онъ дѣтямъ своимъ. Указывая на сына, говорятъ: «это сынъ банкрота», какъ бы сказали: «это сынъ каторжника». Дочь его должна отказаться отъ утѣшенія быть супругою, матерью. Человѣкъ, котораго она полюбила, который готовился вести ее къ вѣнцу, откажется отъ нея, лишь только узнаетъ, что отецъ ея банкротъ. Вотъ какъ я понимаю это ужасное положеніе. Тѣмъ болѣе оно для меня ужасно, что я самъ его заслужилъ. Любовь къ широ-

кой жизни, безпечность, слабость характера, ослѣпленное довѣріе къ людямъ, которые его не заслуживали, погубили меня. Я не послушался умирающей матери, не послушался совѣтовъ жены, твоихъ, мой другъ. Если умру до пріѣзда Маріы Михайловны, скажи ей,—что умоляю ее заботиться только о томъ, чтобы наше имя не было обезчещено. Пускай Огрызковъ продастъ лѣса, оранжереи, Красное-сельцо, все, что можно будетъ продать, лишь бы расплатиться со всѣми моими кредиторами. Пускай сынъ не получитъ отъ меня другого наслѣдства, кромѣ имени честнаго человѣка; я знаю, это наслѣдство будетъ для него всего дороже. Онъ теперь на хорошей дорогѣ и, если Богъ сохранитъ его въ нынѣшнюю кампанію на утѣшеніе матери, онъ пойдетъ дальше и не уронитъ себя. Скажи ему... нѣтъ, нѣтъ, я знаю, онъ и мысленно не упрекнетъ отца, въ чемъ я виноватъ передъ его матерью, передъ нимъ.

Дуня утѣшала его, какъ могла, просила его возложить упованіе на милосердіе Божье, говорила о грѣхѣ предаваться отчаянію, о надеждѣ, что съ пріѣздомъ Маріы Михайловны въ Приморскъ дѣла поправятся.

— Вотъ и передъ тобою, другъ мой, — говорилъ онъ въ другой разъ,—я очень виноватъ. По безпечности моей и ты осталась до сихъ поръ мѣщанкой. Были у меня деньги на фонтаны, мостики, рѣдкіе цвѣты, а для тебя, мой дорогой цвѣтокъ, Изумрудный-крестикъ, денегъ не было...

— О! не думайте обо мнѣ,—отвѣчала Дуня,—я не стыжусь своего мѣщанства и никогда не помышляла, чтобы имя купчихи, хоть дворянки, могло возвысить меня... Вы дали мнѣ болѣе этого — новую жизнь, воспитаніе, вашу любовь, а она для меня дороже всего. Помните вечеръ, когда вы пришли въ Расторгуевскій сиротскій домъ? Вы нашли тамъ бѣдную сироту, под-

кидыша, безъ имени, призрѣваемую Христа-ради, среди женщинъ порочныхъ; нѣтъ, Боже меня сохрани это сказать, но съ чувствами зачерствѣлыми, съ грубыми понятіями. Чему могла я тамъ научиться?... Можетъ быть, теперь я была бы женою какого-нибудь пьянаго мѣщанина, какого-нибудь инвалида, который колотилъ бы меня за то, что не угодила разуть его, состряпала щи, не по его вкусу Развѣ многія изъ моихъ подругъ не имѣютъ этой участи? Богу угодно было, чтобы ваше доброе сердце почувствовало ко мнѣ состраданіе, полюбило меня. Другой на вашемъ мѣстѣ подарилъ бы мнѣ полтинникъ на пряники, можетъ быть, и болѣе, на платьеце, и прошелъ бы мимо, забывъ меня. Но вы тогда же назвали меня своей дочерью, и съ того времени я была для васъ дочерью. Никогда родной отецъ не могъ бы любить болѣе свое дитя, какъ вы меня любили, заботиться объ немъ, какъ вы обо мнѣ заботились. Нѣтъ, другъ мой, я была счастлива у васъ, и это счастіе не промѣняю ни на какія блага и почетныя названія. Дайте же мнѣ облобызать вашу руку, отецъ мой; слезы, которыя проливаю на ней,— слезы благодарности за все, что вы для меня сдѣлали, и вмѣстѣ слезы счастія. Да, я жила у васъ такъ хорошо, такъ хорошо, какъ бы желала жить въ Божьемъ раю. Молю Бога только объ одномъ,—чтобы я еще долго цѣловала эту руку и получала отъ нея благословенія.

Больной, духомъ и тѣломъ, почерпалъ въ этихъ утѣшеніяхъ исцѣленіе, которое было вѣрнѣе всякихъ врачебныхъ пособій. Пришла весна. Теплотворная жизнь ея заструилась въ воздухѣ, въ землѣ, въ водахъ. Вдыхая ее въ себя, и человѣкъ почерпалъ въ ней новыя силы. Казалось, Патокинъ, повеселѣлъ, и припадки его болѣзни слабѣли. Онъ принялся за свои обычныя садовыя работы. Но часто среди нихъ набѣгали на него мрачныя мысли.

— Скоро въ саду этомъ,—думалъ онъ, — появятся новые владѣльцы, разрушатъ все, что я садилъ, устроивалъ, лелѣялъ такъ долго. Можетъ быть, срубятъ на дрова эти столѣтнія деревья, которыя теперь такъ любовно раскидываютъ надо мною свои вѣтви, чтобы защитить меня отъ солнца и непогоды.

Эти грустныя мысли таилъ онъ отъ своей воспитанницы, неразлучной во всѣхъ его прогулкахъ, во всѣхъ его занятіяхъ. Съ нимъ рылась она въ землѣ, сажала цвѣты, поливала ихъ, служила ему домашнимъ секретаремъ, вела его счеты.

Судьба, какъ видно было, давала ему временную передышку. Пришли письма изъ Англіи съ требованіемъ денегъ за хлопокъ, — изъ Екатеринославской и Подольской губерній съ требованіемъ уплаты за купленный хлѣбъ. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ становой и вручилъ ему сначала очищенные векселя, принадлежавшіе по передачѣ чиновнику 7-го класса Опенкину, потомъ предъявилъ ему тѣ, по которымъ не сдѣлано было еще уплаты, спрашивалъ, признаетъ ли ихъ законными и, если признаетъ, то когда сдѣлаетъ по нимъ уплату. Патокинъ объявилъ, что оспоривать ихъ не можетъ.

— Въ такомъ случаѣ поспѣшите уплатить, — сказалъ становой, — не то губернское правленіе грозитъ описью вашего имущества,

Чиновникъ земскаго суда, прежде бывшій покорнѣйшій слуга Патокина, теперь говорилъ съ нимъ свысока, съ какимъ-то презрѣніемъ. Этотъ новый ударъ пошатнулъ съ корнемъ, и безъ того слабое, здоровье Сергѣя Семеновича. Послали за Джонсомъ.

— Объ долгѣ за хлопчатую бумагу не безпокойтесь,—говорила ему Дуня,—онъ непремѣнно поможетъ вамъ. У него есть богатый братъ, котораго онъ наслѣдникъ. Добрый Джонсъ убѣдитъ его склонить кре-

диторовъ на отстрочку, можетъ быть, поручится за васъ.

Пріѣхалъ Джонсъ, съ недавняго времени полный управляющій фабрикой. Лицо его было весело, толстыя губы такъ торжественно улыбались.

— Только-то?—сказалъ онъ, когда Сергѣй Семеновичъ показалъ ему письма и счеты изъ Англіи и разсказалъ о требованіи Опенкинымъ-сыномъ уплаты по векселямъ,—можете бросить письма ваточныхъ господъ въ огонь. Я привезъ вамъ маленькую сумму, которую берегъ на этотъ случай. Изъ нихъ мы уплатимъ половину долга, а другую подождутъ по случаю военнаго времени; я вамъ за это ручаюсь: напишу къ брату. А сынъ разбойника, этотъ *претендентъ-кавалеръ* можетъ сидѣть на берегу и ждать у моря погоды. Мы его побѣсимъ. Съ вашей полиціей сладить можно. Считайте, миссъ Дуня.

Джонсъ передалъ ей пачку кредитокъ. Всѣ онѣ сложены были въ порядкѣ, по масти ихъ, и каждая обернута полоскою бумаги, на которой означена была сумма. Дуня стала считать деньги, обмакивая по временамъ свои розовые пальчики въ рюмку съ водой-какъ это дѣлаютъ счетчики, обязанные перелистывать большое число бумажныхъ знаковъ. По временамъ бросала она на Джонса дружески-кокетливые взгляды.

— Дѣла наши идутъ прекрасно,—говорилъ между тѣмъ Джонсъ,—во многихъ уѣздахъ смежной съ вами губерніи усилилась фабрикація бумажной ткани; видно, идетъ на тюфяки для госпиталей и другія потребности господъ, потѣшающихся рѣзнею другъ друга. Спросъ пряжи необыкновенный, съ трудомъ успѣваемъ заготовлять. Нечего дѣлать, я завелъ ночную очередь рабочихъ. Если такъ продолжится, мы разбогатѣемъ въ одинъ годъ, уплатимъ всѣ ваши долги.

Сергѣй Семеновичъ повеселѣлъ, благодарилъ Джонса

отъ души и предложилъ ему пройтись съ нимъ и Дуней по саду, какъ будто спѣшилъ передать свое удовольствіе и неодушевленнымъ друзьямъ своимъ; но сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, отъ одышки долженъ былъ присѣсть на первой скамейкѣ.

— Я здѣсь посижу на солнышкѣ,—сказалъ онъ,— съ нѣкотораго времени я сталъ еще болѣе любить его. Жизнь для меня такъ холодна, а впереди еще такъ много мраку, мраку, пока...

Сергѣй Семеновичъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: пока не засіяетъ для меня вѣчный свѣтъ,—и не договорилъ.

— Но вы здоровы, полны силъ, пройдитесь, другъ мой, Джонсъ, съ моей дочкой по саду и посмотрите, сказалась ли еще жизнь въ томъ, что я, умирающій, сдѣлалъ въ немъ нынѣшнею весной.

Дуня взяла Джонса подъ руку и повела его по ближайшимъ дорожкамъ, не теряя Сергѣя Семеновича изъ вида.

— Какъ благодарить мнѣ васъ, добрый другъ нашъ, — сказала она, — за все, что вы дѣлаете для моего второго отца!

— За что? Я исполняю только долгъ честнаго человѣка; надо быть злодѣемъ, какъ Опенкинъ, чтобы пренебречь интересами моего хозяина, особенно теперь, когда онъ такъ несчастенъ.

Они шли, то разсматривая недавнія улучшенія, сдѣланныя Патокинымъ въ саду, то разговаривая объ его болѣзненномъ, безнадежномъ положеніи, въ которомъ нельзя уже было сомнѣваться, и объ его растроенныхъ дѣлахъ. Возвращаясь къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Сергѣй Семеновичъ, Джонсъ вдругъ замолчалъ и впалъ въ глубокую задумчивость.

— О чемъ вы такъ задумались? — спросила его спутница.

— О вашей судьбѣ, миссъ Дуня. Что станется съ вами, если умретъ вашъ воспитатель?

— Когда честный воинъ поставленъ начальствомъ у поста своего,—отвѣчала Дуня, — онъ остается при немъ, несмотря, что кругомъ него все пало, пока его самого не сразитъ роковой ударъ. Богу угодно было поставить меня на такомъ посту въ здѣшнемъ домѣ, и я не покину его, несмотря ни на какія обстоятельства. Останусь при Марѳѣ Михайловнѣ подругой, ключницей, служанкой, чѣмъ только ей нужно, лишь бы могла быть ей полезной.

Джонсъ глубоко вздохнулъ, переминался съ тяжелой ноги на ногу и молчалъ, потомъ, видимо пересиливъ себя, спросилъ:

— Увѣрены-ли вы, что я вашъ другъ?

— Увѣрена.

— Между друзьями, если кто скажетъ что-нибудь лишнее, другой не сердится, не такъ-ли?

— Нѣтъ сомнѣнія.

— Такъ скажите мнѣ, какъ другу: свободно-ли ваше сердце?

— Не хочу допытываться, что заставляетъ васъ сдѣлать мнѣ этотъ вопросъ. Я его понимаю и буду отвѣчать вамъ, какъ честная дѣвушка. Вы любите меня болѣе, нежели обыкновеннаго друга, болѣе, нежели сестру. Оскорбляться чьею бы то ни было любовью, тѣмъ болѣе вашею, было бы знакомъ грубой, тщеславной натуры. Но я не должна васъ обманывать, Сердце мое не свободно. Скажу вамъ болѣе, тотъ, кого я люблю, не знаетъ этого и никогда не узнаетъ. Прибавлю еще, въ доказательство моей дружбы и уваженія къ вамъ, никому, кромѣ Бога, не открывала я того, что вамъ теперь открываю. Еслибъ я не связана была моими чувствами, я считала бы себя счастливой, что выборъ вашего сердца палъ на меня. Повѣрьте,

ни лѣта ваши, ни то, что вы чужестранецъ, не испугали бы меня тогда. Довольны-ли вы, мой другъ?

Джонсъ схватилъ ея руку и съ жаромъ поцѣловалъ.

— Да, — сказалъ онъ, — вы не только честная, но и дивная дѣвушка. Вы сдѣлали меня счастливымъ на всю жизнь мою однимъ воспоминаніемъ этихъ минутъ.

Довольный, гордый, онъ возвратился въ Луковки.

Красносельскіе крестьяне, торговавшіе на значительныя суммы скотомъ и хлѣбомъ, поднесли на блюдѣ своему барину, какъ они называли Патокина, 1,000 рублей. Сергѣй Семеновичъ благодарилъ ихъ со слезами на глазахъ, но не принялъ приношенія, и пожелалъ только добрымъ мужичкамъ, чтобы и впредь имъ было также хорошо, какъ при немъ.

Получено письмо отъ Маѳы Михайловны.

Она увѣдомляла мужа, что благополучно пріѣхала въ Приморскъ, подрядъ находится ужь въ расположеніе казны и воротить это распоряженіе нельзя, да и не предвидится отъ того пользы. Надо бы попросить о покровительствѣ одно сильное лицо, но это лицо въ отлучкѣ и возвратится не прежде двухъ недѣль. Маѳа Михайловна прибавляла, что воспользуется этимъ временемъ и близостью Приморска отъ главныхъ военныхъ дѣйствій, чтобы видѣться съ сыномъ. По возвращеніи отъ него обѣщалась писать обо всемъ обстоятельно и рѣшительно. Она умалчивала о найденномъ плутовскомъ *дубликатѣ* Опенкина и о томъ, что разъясненіе этого плутовства Пестрикову подвергло его въ такое отчаяніе, которое, безъ принятыхъ мѣръ, могло бы довести его до самоубійства, но не скрыла, что, по возвращеніи ея въ Красносельцо, надо будетъ начать тяжебное дѣло съ бывшимъ главнымъ повѣреннымъ.

Не дождался отъ нея другого письма Сергѣй Семеновичъ. Съ каждымъ днемъ ему дѣлалось хуже и хуже. Пріѣхалъ врачъ изъ города и объявилъ Дунѣ, что одинъ Богъ можетъ спасти его... Она не отходила отъ постели больного, не раздѣвалась нѣсколько ночей. Патокинъ, почувствовавъ приближеніе смерти, исполнилъ въ памяти и съ чувствомъ христіанскія обязанности, велѣлъ подать себѣ листъ бумаги и могъ только написать: «Завѣщаю доброму, безцѣнному другу моему, Марѳѣ Михайловнѣ, спасти имя наше отъ безчестія. Благодарю ее за любовь. Благословляю ее, Володю, Дуню». Послѣ того велѣлъ снести себя въ креслахъ къ растворенному окну изъ котораго былъ виденъ садъ. Весенніе цвѣты ужь расцвѣли, вѣтерокъ, напитанный запахомъ смолистыхъ почекъ, опахивалъ умирающаго крыломъ своимъ, небо было чисто, и солнце, садясь за деревья, золотило ихъ своими послѣдними лучами, птицы пѣли такъ сладко... Онъ сказалъ только: «Какъ хорошо здѣсь!» вздохнулъ послѣдній разъ въ жизни, можетъ быть, съ послѣднимъ замираніемъ соловьинаго гимна, и закрылъ глаза, пожавъ судорожнымъ пожатіемъ руку Дуни, державшей его въ своихъ объятіяхъ.

Жена и сынъ *покойнаго* были далеко. Дуня оставалась одна, подлѣ него, безъ помощника, безъ совѣтника, кромѣ умнаго, добраго сельскаго священника, старосты и дворовыхъ людей. Грудь ея раздиралась мучительными чувствами, но она не потеряла головы. До денегъ своего воспитателя, какія могли быть въ его конторкѣ, она не смѣла дотронуться. Первымъ ея дѣломъ было вызвать, для формальной описи всей движимости покойника, земскую полицію. Крестьяне принесли ей на похороны тѣ 1,000 рублей, отъ которыхъ, нѣсколько дней назадъ, отказался господинъ ихъ. Съ Дуней не было истерическихъ припадковъ, она не

металась, не рыдала; но съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа исполнила всѣ обряды по покойникѣ, сдѣлала всѣ приготовленія къ похоронамъ и сама, перемѣняясь только съ своими, болѣе грамотными учениками и ученицами, читала надъ гробомъ псалмы. Часто чтеніе ея прерывалось горькими слезами; нерѣдко ночью стояла она безмолвно у гроба, вглядывалась въ доброе лицо Сергѣя Семеновича, улыбавшееся тою же привѣтливою улыбкой, которую онъ столько разъ дарилъ ее, и цѣловала его холодныя руки... По исполненіи земскою полиціей всѣхъ законныхъ обрядовъ описи, украсивъ гробъ цвѣтами, она проводила его въ Луковки. Крестьяне, отслуживъ передъ каждою избой своей литію, несли гробъ до самаго города. Остались въ деревнѣ только старый, да малый, да крестьяне и дворовые люди, которымъ велѣно было караулить опечатанное господское добро. Надъ этой процессіей сіяло безоблачное небо, жаворонки стояли во все время въ воздухѣ и, казалось, также провожали ее до мѣста погребенія. Въ Луковкахъ похоронили послѣдняго Патокина-короля подлѣ отца его и матери. Можно сказать, что и здѣсь все населеніе города было на погребеніи; не одна слеза бѣднаго пала на прахъ *добраго человѣка*. Садовникъ Матвѣй былъ еще живъ, едва двигался, но и тотъ доплелся до могилы своего господина и товарища по садоводству и посадилъ на ней деревцо съ райскими яблчоками, которое онъ прочилъ для своей могилки. Джонсъ также заплатилъ дань покойнику искренними слезами и проводилъ Дуню до Краснаго-сельца. Здѣсь, въ ожиданіи Маріы Михайловны, она пригласила къ себѣ старушку-сосѣдку и ея дочь, съ которою была дружна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Путешествіе Марѳы Михайловны съ Лебединскимъ въ Крымъ было самое трудное. Почтовыхъ лошадей нельзя было достать ни за какія деньги; она купила тройку. Служанка оставлена въ Приморскѣ; слуга взялся исполнять должность кучера, но этотъ импровизованный возничій дорогою сильно заболѣлъ такъ, что принуждены были отправить его обратно съ первымъ встрѣчнымъ попутчикомъ, ѣхавшимъ въ Приморскъ. Кстати на дорогѣ попался извощикъ, пріѣхавшій въ Крымъ на нѣсколькихъ лошадяхъ и возвращавшійся домой пѣшкомъ, съ однимъ кнутомъ. Наняли его въ кучера. Безъ того пришлось бы Лебединскому исполнять должность автомедона. Дороговизна фуража была страшная, но денежная невзгода была еще для Марѳы Михайловны не большая бѣда. Экипажъ долго не выдержалъ. Колеса, погрузившись разъ по ступицу въ колею, съ неимовѣрными усиліями лошадей выходили изъ нея, какъ будто изъ канавы. При такихъ толчкахъ весь экипажъ звенѣлъ и хрустѣлъ, какъ будто ломались кости огромнаго остова. Лебединскому, сидѣвшему на козлахъ, случалось падать съ нихъ. Марѳа Михайловна ушибла и оцарапала себѣ руки, держась за что могла уцѣпиться. Наконецъ, коляска отказалась служить; ее бросили и купили рогожную кибитку.

Днемъ нашихъ путешественниковъ палило солнце жгучими лучами, ночью холодная роса обливала, какъ ледянымъ дождемъ. Часто не находили они пристанища и принуждены были ночевать подъ шатромъ небеснымъ, среди обозовъ и гуртовъ. Чего не наслышались они, какихъ насмѣшекъ не вытерпѣли! Лебединскій ложился на клочкѣ сѣна подъ кибиткой, извощикъ подъ веретьемъ, въ которомъ задавалъ кормъ лошадямъ. Марѳа Михайловна спала въ кибиткѣ. Спала? Такъ-ли? Нѣтъ, она забывалась иногда днемъ въ легкой дремотѣ и бо́льшую часть ночей проводила безъ сна. Часто по ночамъ вставала она.

Кругомъ гладь необозримая. Ни одного деревца, ни одного человѣческаго жилища. Обозы и гурты расположились на нѣсколько верстъ. Безмолвная, мертвая доселѣ степь оживилась, заколыхалась и заговорила. Костры зажглись на всемъ пространствѣ кочевья и освѣтили безобразную массу людей, скота, телѣгъ, жидовскихъ повозокъ, приподнятыхъ оглобель, дышелъ съ ярмами. Какихъ тутъ языковъ и нарѣчій не услышишь, какихъ не увидишь обликовъ человѣческихъ! Тутъ и великоруссъ, и малороссъ, и татаринъ, и нѣмѣцкій колонистъ, и еврей. Всѣ эти движущіяся фигуры съ закопченными руками, протянутыми къ котламъ, большею частью въ рубашкахъ, вымазанныхъ дегтемъ, съ почернѣлыми отъ дыму лицами, изъ которыхъ выступаютъ и страшно вращаются бѣлки глазъ, кажутся собраніемъ адскихъ духовъ, брошенныхъ на землю, заклятую Богомъ. Конченъ ужинъ. Раздаются живые звуки. Тамъ отбиваютъ дробнаго трепака, здѣсь гудитъ волынка, въ другомъ мѣстѣ тянутъ:—«Не бѣлы-то снѣги во полѣ забѣлѣлись»,—гремятъ крупные разговоры, пересыпанные рѣзкими словами, которыя такъ любитъ русскій нашъ народъ. И надо всею этою безобразною массой, ближе къ боль-

шой дорогѣ, возвышается величавая фигура женщины. Она стоитъ въ кибиткѣ, облокотясь на обручъ волчка. Лицо ея обращено къ полдню; туда летятъ ея помыслы, стремится сердце. Скоро говоръ и суета обрываются. Только кое-гдѣ татаринъ творитъ свое омовеніе и вечернюю молитву, русскій возлагаетъ на себя широкія, крестныя знаменія съ поклонами на всѣ четыре стороны, колонистъ-гернгутеръ благоговѣйно приложилъ руку къ груди. Наконецъ, наступаетъ глубокая тишина, все покоится въ мертвомъ снѣ. Остается одна безобразная, неподвижная масса телѣгъ, приподнятыхъ оглоблей, дышелъ съ ярмами, и далѣе полегшіе на землю гурты, будто гряды бѣлыхъ и пестрыхъ валуновъ, нагнанныхъ на степь морскимъ прибоемъ. Заря алѣетъ на востокѣ, мѣсяцъ вонзилъ серебряные рога свои въ окраину земли. Все спитъ. Не спитъ только одна. Сквозь колеблющійся утренній туманъ, высоко надъ всѣмъ этимъ соннымъ кочевьемъ, рисуется силуэтъ женщины. Не встрѣчаетъ она глазами зарю, взоры ея прикованы къ полудню, тамъ, гдѣ горитъ другое, кровавое зарево, откуда глухо отдаются громовые раскаты. Иногда, по большой дорогѣ, среди облака пыли, промчится курьеръ на запаленной тройкѣ, залепечетъ дребежжащій звукъ разбитаго колокольчика, и все опять исчезнетъ и замолкнетъ вдали. О! какъ бы полетѣла эта женщина съ счастливцемъ курьеромъ, который черезъ часа два, три будетъ въ Севастополѣ!

Наши путешественники успѣли, однакожъ, добраться до Бахчисарая и выѣхать оттуда. Но тутъ ожидала ихъ невзгода. Военная стража проводила назадъ кибитку Патокиной. Къ утѣшенію ея, на этихъ проводахъ случился офицеръ, ѣхавшій въ Севастополь. Узнавъ цѣль ея путешествія, онъ посовѣтовалъ ей, по добру по здорову, вернуться въ Бахчисарай и обѣ-

щалъ дать знать ея сыну, что она тамъ будетъ дожидаться его.

— Можетъ быть,—сказалъ офицеръ, — начальство позволитъ ему отлучиться отъ своего поста на нѣсколько часовъ.

Марѳа Михайловна исполнила этотъ совѣтъ. Комнатка, которую она занимала до выѣзда изъ Бахчисарая, была ужь занята больнымъ офицеромъ. Она рѣшилась пріютиться подъ навѣсомъ сарая, но военный постоялецъ былъ такъ обязателенъ, что предложилъ ей уголъ, вродѣ чулана, за перегородкой своей комнаты, съ окномъ на улицу. Этотъ уголокъ показался ей палатами. Разославъ въ полицію, въ караулы, куда только могла, адресъ своей квартиры, Марѳа Михайловна сѣла у окна и стала сторожить сына. Послышится ли топотъ скачущаго всадника, она вздрогнетъ и слухомъ провожаетъ его. Сколько разъ ея ожиданія были обмануты! Наконецъ, на зарѣ другого дня, кто-то прискакалъ къ воротамъ ея квартиры и постучался въ нихъ. Это былъ ея сынъ.

Онъ былъ въ ея объятіяхъ. Явился и Лебединскій. Прошелъ часъ. Часъ этотъ показался матери минутой, но онъ былъ переполненъ высочайшимъ блаженствомъ. У Володи только и разспросовъ было, что объ отцѣ и Дунѣ. Мать скрыла отъ сына, что Сергѣй Семеновичъ боленъ. Володя съ необыкновеннымъ жаромъ говорилъ объ своей названной сестрѣ. Въ прежнее время она потревожилась бы этими горячими отзывами о Дунѣ, но теперь, неизвѣстно почему, не оскорбилась ими.

— Возвратись только скорѣй, мой другъ,—сказала Марѳа Михайловна,—мы не отдадимъ никому это сокровище...

Надо было разстаться; Володя былъ отпущенъ на нѣсколько часовъ.

Можно судить, какъ горестно было разставанье. Выѣзжая изъ Бахчисарая, она посылала благословенія въ ту сторону, откуда слышались отдаленные громы орудій, изъ которыхъ одинъ могъ пасть на голову ея сына

Въ Приморскѣ Лебединскій получилъ письмо за черною печатью; оно было страховое. Дуня просила въ немъ приготовить Марѳу Михайловну къ роковому удару.

Страшно подумать, что можетъ выдержать человѣческая натура. Патокина выдержала ударъ. Она бросила всѣ свои дѣла по подряду въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оставила передъ поѣздкой въ Крымъ.

— Пускай Господь поведетъ ихъ, какъ Ему угодно,—сказалао на Пестрикову,—подрядъ въ рукахъ казны; можетъ быть, она побережетъ насъ. Слава Богу, имъ завѣдываетъ ужь не сынъ Опенкина. Пріѣзжай скорѣй въ Москву, ты мнѣ тамъ и въ Расторгуевѣ нуженъ для судебнаго разбора съ Елизаркой. Прощаю твою оплошность, какъ бы простилъ тебя Сергѣй Семенычъ. Не ты одинъ поддался обману этого плута.

Возвращаясь въ Красное-сельцо, она заѣхала въ Луковки, гдѣ отслужила панихиду на могилѣ мужа, отъ которой ее съ трудомъ оторвали. Въ Красномъ-сельцѣ Марѳа Михайловна пробыла не долго. Она не могла жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ была столько лѣтъ счастлива, да и дѣла не позволяли ей тамъ оставаться, и уѣхала съ Дуней и Лебединскимъ въ Москву, увезя съ собою свои брилліанты и серебро, которые не могли попасть въ опись за долги мужа. Передъ отъѣздомъ Джонсъ былъ къ ней вытребованъ. Ему объявили, что если есть у него фабричныя деньги, то отослалъ бы ихъ въ Англію за забранный хлопокъ, а работы на фабрикѣ прекратилъ. Извѣстіе это глубоко тронуло Джонса.

— Будутъ продавать фабрику,—сказалъ онъ Марѳѣ Михайловнѣ (онъ далъ свой адресъ),—увѣдомьте меня; я, можетъ быть, съ помощью брата, куплю ее. Не доставайся жь она Опенкину, который на нее зубы точитъ!

Прощаясь съ Дуней, онъ взялъ ея руку, крѣпко сжалъ ее и съ чувствомъ сказалъ:

— Не забудьте, что я вамъ говорилъ въ прошломъ году. Бо́льшая часть моихъ предсказаній сбылась, дай Богъ, чтобы не сбылись остальныя. Помните, говорилъ я тогда, что у васъ есть другъ, по имени Джонсъ, напишите только: «пріѣзжай, другъ», и гдѣ бы Джонсъ ни былъ, онъ явится къ вамъ.

Марѳа Михайловна разочла свою прислугу, наградила ее по своимъ средствамъ, просила у всѣхъ прощенія въ чемъ, по вспыльчивости своего характера, ихъ оскорбила, благодарила мужичковъ. Съ собою взяла она только Парашу и одного слугу, брата ея. Крестьяне и дворовые люди провожали ее, какъ провожали недавно гробъ Сергѣя Семеновича, съ тѣмъ же искреннимъ сожалѣніемъ. Дуня простилась съ своими учениками и ученицами, всѣхъ перецѣловала и убѣждала ихъ исполнять заповѣди Божіи и ученье нашего Спасителя, какъ она имъ толковала. Она обѣщала когда-нибудь навѣдаться, не забыли ли они ея уроковъ и наставленій.

— Будете-ли помнить, друзья мои? — повторила она еще разъ, прощаясь съ ними.

— Будемъ, будемъ,—отвѣчали дѣти, но были двѣ, три дѣвочки, которыя ничего не сказали· горькія всхлипыванія мѣшали имъ говорить.

Съ отъѣздомъ Патокиной, казалось, на господскій домъ въ Красномъ-сельцѣ невидимая рука накинула мрачное покрывало.

Въ Москвѣ Марѳа Михайловна не остановилась въ своемъ домѣ: великолѣпное его убранство такъ проти-

ворѣчило смиренному положенію, въ которомъ она должна оставаться, да и зачѣмъ ей было поселяться въ домѣ, откуда нынѣ, завтра, кредиторы или казна выгонятъ ее. Она наняла небольшую квартиру въ отдаленной части города и рѣшилась нигдѣ не показываться иначе, какъ только по дѣламъ своимъ. Куда дѣвались ея спѣсь, ея любовь къ широкой жизни! Оставалась у ней одна мысль, — исполнить завѣщаніе любимаго человѣка. Первымъ дѣломъ ея было, по возможности, привесть долги своего мужа въ извѣстность. Ихъ оказалось на огромную сумму, считая залоги постороннихъ лицъ по подряду, а тамъ, что скажетъ еще подрядъ!... Пріѣхалъ Пестриковъ. Извѣстія, которыя онъ привезъ, были не утѣшительны: залоги должны были пострадать. Марѳа Михайловна, собравшись съ силами, поѣхала къ генералу Огрызкову. Изложивъ ему запутанность дѣлъ и послѣднюю волю мужа, она просила его продать лѣсъ, принадлежащій къ Красному-сельцу, оранжереи и все, что можно было продать въ имѣніи, если нужно будетъ, продать все имѣніе. Огрызковъ вызвалъ своего старшаго сына, гвардейскаго полковника, изъ Петербурга и велѣлъ ему исполнить желаніе Патокиной.—«Я благоговѣю предъ этой женщиной»,—говорилъ старикъ сыну,—«воля ея должна быть для насъ священна: она хлопочетъ о чести своего дома. Распорядись продажей, сначала оранжерей и половины лѣса, а тамъ увидимъ, что надо будетъ дѣлать. Можетъ быть намъ удастся сохранить Красное-сельцо для молодого Патокина. Помни, ихъ интересы для меня также дороги, какъ бы они были наши собственные». Сынъ свято выполнилъ приказаніе отца. Онъ ничего не принималъ безъ согласія Марѳы Михайловны и во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ отдавалъ ей отчетъ.

— Какъ вамъ угодно, какъ прикажете, — говорилъ

онъ ей обыкновенно, и на чемъ она постановила, то исполнялъ въ точности.

Половина лѣса, рѣдкія, экзотическія растенія изъ оранжерей, аршинныя стерляди изъ прудовъ были проданы за выгодную цѣну. Деньги, вырученныя отъ этой продажи, пошли, частью на уплату помѣщикамъ южныхъ губерній за купленный у нихъ хлѣбъ, частью на освобожденіе постороннихъ залоговъ по подряду. Джонсъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Англію, послалъ туда довольно значительную сумму на уплату за хлопокъ. Какъ ни жаль было Маріѣ Михайловнѣ разстаться съ своими брилліантами, она ихъ оплакала и продала, кромѣ фермуара, который подарилъ ей мужъ наканунѣ ихъ свадьбы. — «Берегла все моей будущей невѣсткѣ»,—говорила она Дунѣ.—И богатое серебро было продано, также, кромѣ нѣсколькихъ вещей, на которыхъ былъ вырѣзанъ вензель ея сына. Англійскій долгъ былъ уплаченъ. Между тѣмъ, въ ожиданіи развязки по подряду, Марѳа Михайловна начала тяжбу съ Опенкинымъ-отцомъ. По жительству отвѣтчика въ Луковкахъ, тяжба должна была производиться въ губернскомъ городѣ Расторгуевѣ, куда и ей надо было ѣхать съ Лебединскимъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ она получила письмо отъ сына въ отвѣтъ на увѣдомленіе о смерти Сергѣя Семеновича. Пятна отъ слезъ испестрили все письмо; казалось, въ одной строкѣ слышались его рыданія.

«Милый другъ, Дуня,—писалъ онъ также къ названной сестрѣ своей, — увѣрь мамашу, что я послѣ этой потери не тужу ни о какой вещественной утратѣ, что мнѣ ничего не нужно, кромѣ ея и твоей любви, что я съ вами буду богатъ и счастливъ. Если судьбѣ угодно будетъ лишить насъ всего нашего имущества, я найду средство, по окончаніи кампаніи, успокоить ее въ старости. Молю ее, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ,

всѣмъ пожертвовать, лишь бы спасти честное его имя Помните, онъ взываетъ къ вамъ о томъ же изъ гроба».

Марѳа Михайловна отправилась въ Расторгуевъ съ Дуней и своимъ стряпчимъ Лебединскимъ. Тамъ заняли они также скромную квартиру. Чего не перечувствовала здѣсь эта гордая женщина, сравнивая свое теперешнее, скромное положеніе съ тѣмъ, какое занимала нѣсколько лѣтъ назадъ въ этомъ самомъ городѣ, когда она въ блескѣ брилліантовъ, въ чаду богатства, торжествующая надъ кознями луковскаго городничаго, явилась на губернаторскомъ балѣ. Къ утѣшенію ея всѣ прежнія начальствующія лица смѣнились, другіе, новые люди явились на административную сцену. Впрочемъ, принимала она чиновниковъ, съ которыми ей надо было видѣться, обстановить себя нѣкоторыми декорами своего прежняго богатства. Въ такихъ случаяхъ она накидывала на плечи великолѣпную турецкую шаль, брилліантовый фермуаръ горѣлъ на груди, изъподъ бархатныхъ волнъ салопа, небрежно брошеннаго на стулья, чернобурая лисица выказывала свой пушистый волосъ, чай подавали на серебрѣ.

Можно вообразить, съ какими чувствами въѣзжала Дуня въ Расторгуевъ. Здѣсь она родилась, здѣсь, гдѣнибудь должна быть могила ея матери, которую она, проѣзжая мимо кладбища, старалась глазами и сердцемъ угадать между другими могилами. Здѣсь прошло ея темное дѣтство, отсюда благодѣтельная рука второго отца, котораго ужь нѣтъ на свѣтѣ, вывела ее въ другой, болѣе свѣтлый міръ. На другой день своего пріѣзда она взяла извозчика и приказала везти ее въ улицу, гдѣ былъ сиротскій домъ. На немъ была ужь другая надпись: «*Богадѣльня*». Старики и старухи смѣнили въ немъ дѣтей; прежде въ немъ жили вступающіе только въ свѣтъ, теперь — покидающіе его. Извозчикъ сказалъ Дунѣ, что сиротскій домъ въ другой улицѣ;

она приказала ѣхать туда. Зданіе было новое, нѣсколько обширнѣе; его только соорудили на капиталъ, которому основаніе положилъ Патокинъ, бывши въ Расторгуевѣ. Изъ прежнихъ подругъ своихъ, ровесницъ, она не нашла ни одной; иныхъ не было на свѣтѣ, другія разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Уцѣлѣвшія дѣти, которыхъ она нѣкогда няньчила, нынѣ семи-восьмилѣтніе мальчики и дѣвочки, не могли помнить ее; надзирательница была новая. Всѣмъ Дуня была чужая. Но когда они узнали, что барыня, къ нимъ пріѣхавшая, та самая сирота, которую въ прежнемъ сиротскомъ домѣ звали Дуней «Изумрудный крестикъ»,—имя, сохранившееся между ними по преданію, ее съ ласкою и любовью приняли и проводили. Прощаясь съ дѣтьми, она оставила имъ на память по маленькому подарку и не отошла ни отъ одной колыбели, не благословивъ и не перецѣловавъ дитя, въ ней лежавшее.

Началась тяжба съ Опенкинымъ. Онъ былъ вытребованъ въ Расторгуевъ и призванъ въ судъ для очныхъ ставокъ съ Пестриковымъ. На заданные ему вопросы онъ отвѣчалъ, что имѣлъ неограниченную довѣренность отъ Патокина надзирать за дѣйствіями Пестрикова по подряду, получать отъ него и кого бы то ни было и выдавать деньги, какъ ему, такъ и кредиторамъ своего довѣрителя. Главный и отвѣтственный распорядитель этого подряда все-таки оставался Пестриковъ по особенной довѣренности, суммы, выданныя ему въ разное время казною, частью отданы ему на покупку хлѣба, частью употреблены на уплату долговъ Патокина; заемныя письма, по которымъ дѣлалась уплата, отосланы въ луковскій земскій судъ для возвращенія должнику, 40 тысячъ за проданный греку хлѣбъ, онъ, Опенкинъ, такого-то числа, дѣйствительно, получилъ отъ Пестрикова, въ чемъ и дана ему росписка: изъ нихъ 20 тысячъ возвращены ему на расходы по подряду, а 20

тысячъ пошли опять на уплату долговъ Патокина, въ чемъ можно удостовѣриться по квитанціямъ, которыя и представляетъ. Другія 40 тысячъ онъ, Опенкинъ, въ одинъ и тотъ же день не получалъ. Когда жь Пестриковъ предъявилъ другую росписку въ полученіи 40 тысячъ, Опенкинъ отвѣчалъ, что дѣйствительно эта росписка писана его рукою, но дана по тому случаю, что Пестриковъ по прошествіи двухъ недѣль послѣ полученія первой росписки, объявилъ будто она имъ затеряна. Боясь фальши съ его стороны, онъ, Опенкинъ, имѣлъ осторожность написать на новой роспискѣ слово: «*дубликатъ*», а въ самой роспискѣ слова: симъ «*удостовѣряю и утверждаю*», какихъ бы словъ онъ не написалъ, еслибъ своевременно давалъ ее.

— Спросите его, — обратился Опенкинъ къ судьямъ, — читалъ ли я ему эту росписку, когда ее писалъ.

Пестриковъ подтвердилъ, что она была ему прочтена.

— Теперь спросите его,—продолжалъ Опенкинъ,— прочелъ ли онъ ее потомъ самъ.

— Прочелъ, — отвѣчалъ Пестриковъ, — но я не замѣтилъ на ней слова: «дубликатъ», потому что Опенкинъ, какъ послѣ припомнилъ и стало мнѣ вдомекъ, зажалъ двумя пальцами уголъ, на которомъ было написано это слово.

— Это можетъ быть и можетъ не быть,—сказалъ одинъ изъ судей, — мы не имѣемъ законнаго права основываться на голословныхъ показаніяхъ, намъ нужны факты, свидѣтельства. Еслибъ ты, какъ самъ признаешься, не оплошалъ, а *домекнулъ* и прочелъ хорошо слово «дубликатъ» и спросилъ бы не только своего отвѣтчика, но и посторонникъ, что́ значитъ это иностранное слово, котораго не понимаешь, то вы и не судились бы теперь

— Я самъ толковалъ ему это слово, говорилъ, что оно значитъ: «вторично, подтвердительно», и въ роспискѣ это значится,—сказалъ Опенкинъ.

Пестриковъ утверждалъ и клялся, что такого объясненія не было.

— Въ какое время дня получалъ я отъ тебя деньги?—спросилъ Опенкинъ.

— Въ глухую полночь.

— Извольте слышать, въ глухую полночь! Сталъ-ли бы я принимать, а онъ отдавать мнѣ деньги въ такой часъ?

— Тутъ былъ одинъ важный случай.

— Разскажите его, — самоувѣренно сказалъ Опенкинъ.

Пестриковъ смутился. Ему представились тяжкія послѣдствія, которыя должны были пасть на его голову, еслибъ онъ открылъ въ присутствіи суда дѣло о выпущенныхъ изъ порта корабляхъ, нагруженныхъ хлѣбомъ.

Онъ оробѣлъ и запинаясь сказалъ Опенкину:—Разскажите сами.

— Я никакого важнаго случая не знаю, да ты и выдумываешь его. Тебя спрашиваютъ, такъ ты и отвѣчай.

Пестриковъ вмѣсто прямого отвѣта, утверждалъ только, что выдалъ Опенкину вторыя 40 тысячъ, въ полученіи которыхъ былъ свидѣтель грекъ такой-то.

Гдѣ-жь было искать этого грека?...

— Вотъ видите его правду, — сказалъ торжествующій Опенкинъ. — Онъ воспользовался 40 тысячами, которыя утаилъ у себя, а меня обвиняетъ въ утайкѣ ихъ. Неужели я долженъ отвѣчать за то, что не попалъ въ ловушку, которую ставилъ мнѣ безчестный человѣкъ, за то, что не былъ въ этомъ случаѣ дуракомъ и не дался въ обманъ?

На этихъ допросахъ дѣло остановилось. Кто изъ тяжущихся говорилъ правду, нельзя было законно рѣшить. Вѣсы правосудія колебались въ сторону Опенкина...

Пестриковъ былъ въ отчаяніи, молодой адвокатъ бѣсился, разражался необыкновеннымъ гнѣвомъ на весь родъ человѣческій, потомъ, пріутихнувъ, сталъ придумывать, какія мѣры принять, чтобы обнаружить обманъ. Дуня, слушая разсказъ объ этой cause célèbre, какъ онъ называлъ дѣло съ Опенкинымъ, вспомнила, что покойный Сергѣй Семеновичъ разсказывалъ ей два подобные случая, извѣстные всей Москвѣ, въ которыхъ обманъ нельзя было доказать фактически. Одинъ случай былъ съ купцомъ, принявшимъ отъ персіянина въ 12-мъ году, передъ нашествіемъ непріятеля, на сохраненіе большую партію шелку, другой — съ дворяниномъ, которому одинъ князь довѣрилъ получить большую сумму по билетамъ Опекунскаго совѣта. Въ обоихъ случаяхъ прибѣгли къ *очистительной присягѣ*.

— Вашъ добрый геній привелъ вамъ на память эти случаи, — сказалъ Лебединскій, — вы насъ выручаете.

— Этотъ добрый геній, я увѣрена, былъ второй отецъ мой съ того свѣта, — отвѣчала Дуня.

— Испытаемъ это рѣшительное и послѣднее средство, но знайте, что послѣ него нѣтъ ужь суда человѣческаго.

Пестриковъ позвалъ Опенкина къ *очистительной присягѣ*. Присутственное мѣсто, гдѣ происходила очная ставка, не могло по законамъ отказать въ удовлетвореніи этого призыва.

По исполненіи всѣхъ условій, законами положенныхъ, назначенный для окончательной очистительной присяги день наступилъ.

На колокольнѣ собора раздался мѣрный, рѣдкій звонъ, призывающій не къ слушанію божественной службы. Нѣтъ, въ немъ отдавались другіе звуки, похожіе на стенанія, щемящіе сердце, если хотите, болѣзненные, какъ будто при выносѣ покойника. Толпы народа съ ранняго утра усѣяли площадь противъ присутственныхъ мѣстъ и собора. Лавки и базары опустѣли, торговцы и покупатели, прохожіе и проѣзжіе, безпрестанно приливали къ мѣсту зрѣлища и составили на площади огромную, сплошную массу, а по улицамъ, ведущимъ къ площади, живые заборы. Важность обряда, мысль, что обвиняющій или обвиненный, одинъ или другой, приступающій къ очистительной присягѣ, долженъ сдѣлаться клятвопреступникомъ, любопытство знать, устоитъ ли духъ лукавства противъ силы креста, занимали умы и сердца зрителей. Полиція и жандармы разставлены были отъ выхода изъ судебнаго мѣста до собора. Глубокая тишина царствовала въ этой массѣ народа. — «Идутъ», — сказалъ кто-то, стоявшій въ переднемъ ряду, ближе къ дверямъ судебнаго мѣста. Слово «идутъ» пробѣжало электрическимъ токомъ между тысячами. Вся масса тяжело заколебалась, какъ будто пошатнулась подъ нею земля, и невольно двинулась впередъ, но оплотъ жандармовъ остановилъ ее. Взоры приковались къ одной точкѣ, къ выходу изъ судебнаго мѣста. При видѣ священника въ траурномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, всѣ головы обнажились, всѣ руки сотворили крестное знаменіе. Священникъ былъ сѣдовласый старецъ, особенно уважаемый въ городѣ за прекрасную жизнь и даръ проповѣди. Онъ шелъ впереди съ причтомъ, за нимъ слѣдовали рядомъ Пестриковъ и Опенкинъ; затѣмъ шли два чиновника въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, наряженные на эту процессію. Процессію очищали дорогу нѣсколько жандармовъ, по два врядъ

верхами, и полиціймейстеръ, гарцевавшій на своемъ конѣ; два жандарма и нѣсколько полицейскихъ замыкали шествіе. Открытое лицо Пестрикова, печальный, но вмѣстѣ добродушный взглядъ его тотчасъ склонили сердца въ его пользу. Если бы народъ могъ произнести свой судъ, онъ въ одинъ голосъ сказалъ бы: «этотъ человѣкъ правъ». Напротивъ того, никто не почувствовалъ ни участія, ни состраданія къ Опенкину. Его глаза, смотрѣвшіе исподлобья, съ двойнымъ ихъ зрѣніемъ, подергиваніе щеки, какъ бы изобличавшее его нечистую совѣсть, нетвердая поступь, невольная дрожь, смущеніе, выступавшее на лицѣ, несмотря на желаніе казаться спокойнымъ, молва о томъ, что онъ ограбилъ своего благодѣтеля,—все это вооружило противъ него народное чувство. Слышались даже голоса: «воръ! Іуда!» Полиція уняла ихъ. — «Все это пройдетъ, какъ мой приморскій сонъ, крѣпись!» — думалъ онъ, — и, вмѣсто того, чтобы пасть передъ этими обвиненіями, казалось почерпнулъ въ нихъ новыя силы. Опенкинъ взглянулъ дерзко въ очи народу, какъ бы хотѣлъ сказать: «не то же-ли вы дѣлаете каждый день?» и пошелъ болѣе твердымъ шагомъ. Прежніе мѣрные, заунывные, щемящіе душу, звуки колокола встрѣчали и провожали процессію до собора. Въ соборъ вошли священникъ съ причтомъ, Пестриковъ, Опенкинъ и два чиновника изъ суда. Двери затворились; два жандарма стали у нихъ на паперти съ палашами на голо.

Въ эти минуты, въ храмѣ совершалось великое, страшное дѣло — борьба человѣка съ крестомъ. Народъ, толпясь около собора, ожидалъ съ трепетомъ, какое слово выйдетъ изъ него.

Священникъ, вступивши въ храмъ, совершилъ предварительно молитву, положилъ крестъ на налой, покрытый черною пеленой, и обратился съ послѣднимъ словомъ увѣщанія къ истцу и отвѣтчику.

— Вы должны знать, — сказалъ онъ твердымъ, нѣсколько строгимъ голосомъ, — къ какому великому, страшному дѣлу вы призваны. Наше траурное облаченіе есть ужь знаменіе того, чѣмъ преисполнена теперь душа наша, къ чему приступаемъ. Да, мы приступаемъ къ духовному погребенію одного изъ васъ— помните это. Не можете вы не понять важности того, что совершается теперь въ этомъ храмѣ. Вы православные христіане, не язычники, не отступники пока отъ Бога, не умалишенные и не дѣти неразумныя. Забудьте, что я служитель у алтаря Господня и со мною эти чиновники отъ правительства присутствуютъ здѣсь. Мы только свидѣтели того, что вы скажете... Но по долгу моему обязанъ я напомнить вамъ, что вы предстоите теперь передъ Тѣмъ, Кому не нужно никакихъ свидѣтельствъ, Который читаетъ въ душѣ вашей всѣ сокровенныя тайны ея, Который пришелъ на землю, чтобы спасти грѣшниковъ и явиться нѣкогда на страшномъ судѣ своемъ, чтобы обличить непокаявшихся во лжи и коварствѣ и ввергнуть ихъ въ огонь вѣчный. Еще время... Соберитесь съ мыслями, успокойте духъ вашъ. Можетъ быть, мысли ваши возмущены, духъ вашъ встревоженъ зрѣлищемъ народа, передъ которымъ вы прошли сюда по стогнамъ града. Народъ этотъ столпился теперь около храма и хочетъ узнать, кто изъ васъ посмѣетъ нечестивою стопою—страшно мнѣ произнести... святотатственно наступить на крестъ Господень. Да, съ трепетомъ произношу, наступить на крестъ Господень. Никакого другого рѣченія не приберу, чтобы выразить, какое дѣло вы совершите, если устами, осквернеными клеветою на ближняго, или ложью, облобызаете этотъ крестъ. Передъ вами Онъ, Христосъ нашъ, распятый, пострадавшій за искупленіе наше... Видите, враги Его, гонители, надѣли на святую главу Его терновый вѣнецъ, вонзили гвозди въ руки

и ноги Его... Тѣ были язычники, не понимали, что творятъ. Но вы христіане, удостоенные счастія омыться новою жизнью въ водахъ крещенія, испить пречистую кровь Его, пролитую во избавленіе васъ отъ грѣховъ, неужели, подобно язычникамъ, наложите свою руку на этотъ терновый вѣнецъ, чтобы еще глубже уязвить главу нашего Спасителя? Неужели, подобно имъ, вы принесли въ этотъ храмъ новые гвозди, чтобы вбить ихъ въ руки и ноги Его, новыя орудія, чтобы истязать живого Бога, снисшедшаго на землю для спасенія вашего и дарованія вамъ вѣчной жизни? Нѣтъ, нѣтъ, мои братья, мои други, да не будетъ совершено это преступленіе. Вы, христіане, не посягнете на то, что совершили язычники. Нѣтъ, да не будетъ потѣшаться діаволъ надъ дѣломъ, на которое только способны сыны его, низверженные въ адъ кромѣшный, въ огонь вѣчный. Осмотритесь кругомъ себя. Видите, сонмъ святыхъ и праведниковъ, сошедшихъ съ высоты небесъ, обступилъ васъ, чтобы услышать, кому вы теперь послужите, Христу или врагу Его, духу тьмы. Обратите ваши взоры на ликъ Спасителя. Это не тотъ Богочеловѣкъ, исполненный кротости и милости, который ходилъ на землѣ, чтобы сыпать слова любви, утѣшенія и надежды, исцѣлять болящихъ, ласкать дѣтей, напоять жаждущихъ, утолять голодныхъ, радовать всѣхъ своимъ присутствіемъ. Смотрите, ликъ Его грозенъ, взоры, на васъ обращенные, исполнены гнѣва... Страшитесь, чтобы этотъ гнѣвъ не разразился надъ главою того изъ васъ, кто произнесетъ ложную клятву во имя Его. Я сказалъ вамъ все, что могъ сказать по долгу священства. Теперь пусть скажутъ вамъ любимые ученики и сподвижники Спасителя слова, послѣ которыхъ я долженъ умолкнуть.

Затѣмъ священникъ прочелъ правила изъ апостоловъ

и святыхъ отцовъ, положенныя для очистительной присяги [1]).

По окончаніи этого чтенія онъ сказалъ имъ:

— Слышите, есть время одуматься... Господи! не дай мнѣ произнести слово: поздно! Тогда уже на страшномъ судѣ Своемъ Великій Судья обличитъ васъ, но уже будетъ поздно!...

— Теперь приступите къ крестному цѣлованью... затѣмъ и вы скажете свое послѣднее слово.

Пестриковъ, обливаясь слезами, перекрестился и поцѣловалъ крестъ.

Опенкинъ весь почернѣлъ и дрожа исполнилъ то же.

Послѣ того оба показали, что показывали на очной ставкѣ въ судѣ.

При выходѣ изъ церкви видѣли, что около дамы, упавшей въ обморокъ, суетились молодая, красивая дѣвушка и молодой человѣкъ, старавшіеся привести ее въ чувство. Всѣ они были въ глубокомъ траурѣ. Узнали, что эта дама вдова Патокина, обкраденная и раззоренная главнымъ приказчикомъ Опенкинымъ, который, какъ народъ говорилъ, только-что *прошелъ подъ колоколами*.

Странно! Народъ не говорилъ этого про Пестрикова и, когда онъ вышелъ изъ церкви, разступился передъ нимъ съ уваженіемъ и жалостью...

Торжество Опенкина, торжество неправды и святотатства, не могло не разстроить здоровья Маѳы Михайловны. Больная, возвратилась она въ Москву. Здѣсь ожидали ее новыя огорченія. Полиція стала

---

[1]) Правила эти оканчиваются слѣдующими словами: «А не вѣрою и не истиною, на лжи цѣлуяй крестъ, и той бо лжи есть общникъ и неисцѣльно враждаетъ себѣ и по писанію, яко Христа убій, вмѣняется таковый поругатель честному кресту... да пожнетъ его пламень и душа предастся огню негасимому». Смотр. Св. Зак. т. 10. Часть 11. Отд. 6. Изд. 1842 г.

осаждать ее требованіями уплаты по долговымъ обязательствамъ Сергѣя Семеновича, въ томъ числѣ Опенкину-сыну. Она еще и прежде объявила, что если имѣнія мужа ея недостаточно на уплату этихъ долговъ, такъ она обязывается уплатить ихъ изъ своего имущества. Ввѣрившіе Патокину залоги по подряду, узнавъ о разстройствѣ его дѣлъ, безпокоили ее просьбами обезпечить эти залоги. Она продала крупчатку подъ Луковками, нѣкогда ей подаренную мужемъ и до сихъ поръ сберегаемую для сына. Чтобы разомъ покончить съ кредиторами и залогодателями, взяла еще у генерала Огрызкова значительную сумму. Красное-сельцо было въ его рукахъ и служило ему достаточнымъ обезпеченіемъ, какъ этихъ, такъ и прежде взятыхъ у него денегъ. Долги были уплачены, залоги постороннихъ лицъ освобождены, честное имя Патокина спасено. Чистое отъ всякихъ нареканій, оно одно доставалось въ наслѣдство женѣ и сыну. Свѣтъ удивлялся самоотверженію этой женщины; нашлись, однакожъ, люди, которые отзывались, что глупо было жертвовать своимъ и сыновнимъ благосостояніемъ для честнаго имени человѣка, лежавшаго уже въ землѣ.— «Иной и три раза банкротился»,—говорили они,—«то переведетъ имѣніе на сына, то на родственника, и живетъ себѣ припѣваючи, да еще какъ ему кланяются и чествуютъ его!»

Все было продано Маѳой Михайловной, что можно было продать. Мало-по-малу истощились денежныя средства, которыя могла она еще сохранить для существованія своего, Дуни, единственнаго слуги и единственной служанки, при ней оставшихся. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и нужда, ужасная нужда, отъ которой сердце обливается кровью, осадила ее. Она занимала двѣ комнатки и жалась съ Дуней въ одной, которая было потеплѣе. Часто не доставало у ней

денегъ на дрова, на чай и сахаръ. Только въ одной роскоши она не могла себѣ отказать—въ двухъ стеариновыхъ свѣчахъ, которыя должны были горѣть у ней каждый вечеръ на столѣ.—«Страшно мнѣ въ темнотѣ,—говорила она,—я воображаю тогда, что лежу въ гробѣ». Марѳа Михайловна стала продавать свои послѣднія цѣнныя вещи, но скоро изсякъ и этотъ источникъ. И въ такой нуждѣ находилась женщина, которая за нѣсколько лѣтъ назадъ жила въ великолѣпныхъ палатахъ, окруженная многочисленной прислугой и всею обстановкою роскошной жизни, задавала генераламъ и не генераламъ обѣды съ аршинными стерлядями и зимнею клубникой. Повѣрьте мнѣ, это не вымыселъ романиста, а фактъ изъ дѣйствительной жизни. Ей совѣстно было обращаться о помощи къ генералу Огрызкову, который для нея ужь столько сдѣлалъ; гордость запрещала ей унижаться просьбами передъ тѣми, кого она сама нѣкогда одолжала. Встрѣчаясь съ этими людьми, она замѣчала, что одни отъ нея отворачивались, другіе проходили мимо, будто ее не узнавали; были, правда, и такіе, которые удостоивали ее ласковымъ словомъ, дарили сожалѣніемъ, но эти ласки, это сожалѣніе, бросаемыя съ высоты, были для ея сердца острѣе ножа. Горе точило понемногу ея жизнь. Она слегла въ постель и принуждена была прибѣгнуть къ помощи врача; визиты его и лекарства истощили ея послѣднія средства.

Дуня страдала за нее, но страданіе не есть любовь; любовь требуетъ дѣла, а она горячо любила свою вторую мать. Выдержавъ въ университетѣ экзаменъ въ англійскомъ и французскомъ языкахъ, она стала давать уроки въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ и пансіонахъ. Уроки доставилъ ей Лебединскій чрезъ своихъ знакомыхъ. Сынъ дьячка, котораго нѣкогда Марѳа Михайловна съ неудовольствіемъ приняла въ свое об-

щество, секретно удѣлялъ также на ея нужды изъ своего скромнаго гонорара за частное адвокатство. Помощь эту оказывалъ человѣкъ преданный, другъ дома Патокиныхъ, одолженный ими, и Дуня не отвергла ее въ надеждѣ, что настанетъ время, когда Марѳа Михайловна будетъ въ состояніи отплатить ему сторицей. А ожидала Дуня этого времени, когда окончится подрядъ и, какъ писалъ Пестриковъ, снова посланный въ Приморскъ, имущество Патокина, оставшееся въ залогѣ у казны, освободится. Пока это были однѣ надежды, а нужда все болѣе и болѣе осаждала Марѳу Михайловну. Въ одно утро этого тяжкаго періода московской ея жизни. Параша докладываетъ ей, что пришелъ Опенкинъ и желаетъ съ нею видѣться. У ней сидѣлъ Лебединскій. Дуни не было дома. При имени Опенкина Марѳа Михайловна вздрогнула, какъ бы провели по груди ея горячимъ желѣзомъ, впалые, потухшіе глаза ея зажглись необыкновеннымъ огнемъ, на блѣдныхъ, исхудалыхъ щекахъ вспыхнули два пунцовыя пятна.

— Который?—спросила она, приподнявъ голову съ подушки.

— Отецъ,—отвѣчала Параша.

Марѳа Михайловна вопросительно посмотрѣла на Лебединскаго.

— Примите его,—отозвался Лебединскій,—послушаемъ, что онъ намъ скажетъ; можетъ быть, пришелъ съ раскаяніемъ.

— Подите, Орестъ Григорьевичъ, въ другую комнату, а ты Параша, дай мнѣ одѣться.

Лебединскій и прислуга знали, что съ нею въ такихъ случаяхъ спорить нельзя.

Патокина была всегда, даже и въ постели, прилично одѣта и, если въ туалетѣ ея, когда посѣщалъ ее Лебединскій, оказывалась какая небрежность, не

нарушающая, однакожъ, женской скромности, то она не старалась оправиться для того, кого принимала, какъ сына. Теперь же, принимая врага своего, тщательно, хотя и съ трудомъ, одѣлась и велѣла Парашѣ позвать Лебединскаго и Опенкина.

Вошелъ Лебединскій, за нимъ Елизаръ Самсоновичъ, съежившись, съ низкими поклонами, какъ въ былое время. Марѳа Михайловна сидѣла въ креслахъ. Гордая, величавая осанка, взглядъ, полный презрѣнія и негодованія, тоже, какъ въ былое время, когда удостоивался приказчикъ ея лицезрѣнія, поразили Опенкина, думавшаго увидѣть передъ собою больную, убитую женщину, сокрушенную подъ ударами судьбы.

— Что тебѣ надо?—спросила она его.

— Я узналъ, что вы, Марѳа Михайловна, находитесь въ большой нуждѣ, и я, по долгу христіанскому...

— Прошелъ подъ колоколами, поцѣловалъ крестъ и сдѣлался христіаниномъ!... Да воръ, христопродавецъ, не могу похвалиться, какъ ты, награбленнымъ богатствомъ. Такъ что-жь?...

— Пришелъ вручить вамъ на *помощь* двѣсти рублей... серебромъ.

Опенкинъ протянулъ было руку, въ которой держалъ пачку кредитокъ и все мелкими, чтобы приношеніе казалось на видъ покрупнѣе.

При словѣ: *помощь*, Марѳа Михайловна, какъ будто силою гальваническаго тока, вскочила съ креселъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, вырвала у него кредитки, изорвала ихъ въ клочки—и полновѣсная пощечина раздалась на всю комнату.

— Жалѣю,—прибавила она,—что не имѣю столько силы, чтобы за каждый твой рубль заплатить тебѣ по такой же пощечинѣ. Орестъ Григорьичъ, выгоните этого мерзавца въ шею.

Сказавъ это, она грянулась на полъ въ судорогахъ сильнаго истерическаго припадка. Лебединскій и Параша подняли ее, положили на постель и старались привести въ чувство.

Опенкинъ не думалъ подбирать кредитки и выбѣжалъ, проклиная свою христіанскую добродѣтель.

Казалось, въ этомъ пароксизмѣ мщенія Патокина истощила послѣднія свои силы. Она вставала съ постели только на нѣсколько минутъ, чтобы *судомъ своимъ* разсчитаться съ врагомъ презрѣннымъ. Болѣзнь ея усилилась еще новыми, душевными страданіями. Письми отъ сына, которыя она, послѣ смерти мужа, довольно часто получала, еще поддерживали ея жизнь. Съ нѣкотораго, довольно долгаго времени, ни одной вѣсточки отъ него, и это мучило ее болѣе потери ея богатства. Дуня утѣшала ее, какъ могла. Между тѣмъ нужды все болѣе и болѣе расли; вмѣстѣ съ этимъ уменьшились средства Дуни. По случаю наступившихъ вакаціонныхъ недѣль въ пансіонахъ прекратилось ученіе. Не стало у нихъ денегъ на визиты лѣкарямъ и лѣкарства... Дуня не хотѣла писать о своемъ положеніи Джонсу. Ей казалось, что съ просьбою о помощи она налагаетъ на себя обязанности, которыя сердце ея выполнить не можетъ; да и скоро ли получила бы она отвѣтъ изъ Англіи! Добыть денегъ было негдѣ... Мысль о жертвѣ и жертвѣ великой блеснула въ ея умѣ...

Съ горькими слезами помолилась она Богу, сняла съ груди шелковую подушечку, въ которой зашиты были «изумрудный-крестикъ», наслѣдство ея названной бабушки, вынула крестъ, поцѣловала его нѣсколько разъ и пошла на Солянку. Боясь, чтобы чиновники ссудной казны не замѣтили, что глаза ея красны отъ слезъ, она прошлась еще по тратуару, около зданій опекунскаго совѣта, и старалась освѣжить свое лицо,

Голосъ Марѳы Михайловны былъ энергиченъ, какъ въ былыя времена.

Дуня боясь раздражить больную, сняла съ груди шелковую сумочку.

Марѳа Михайловна слабыми руками ощупала сумочку.

— Тутъ нѣтъ креста,—сказала она,—а какая-то бумажка... Вынь, что за бумажка?

Дуня, бросилась на колѣни у постели своей второй матери, цѣловала ея руки, обливала ихъ горячими слезами.

— Что это значитъ? Объясни мнѣ. Ты для меня продала свой крестъ?

— Нѣтъ, я его заложила.

По требованію Марѳы Михайловны сумочка расшита и вынутъ билетъ изъ ссудной казны.

Слезы лились по исхудалымъ щекамъ ея.

— Нѣтъ, мой другъ, эта жертва слишкомъ велика.

— Параша, — кликнула она, — вели брату своему сходить къ Лебединскому и попросить его ко мнѣ.

Лебединскій жилъ недалеко и скоро явился.

— Возьмите почтовый листъ бумаги, Орестъ Григорьичъ, и пишите, что я вамъ буду говорить.

Лебединскій сталъ писать подъ ея диктовку.

«Почтеннѣйшій другъ, довершите добро, которое вы мнѣ столько разъ оказывали. Вручите триста рублей подателю этого письма, Оресту Григорьевичу Лебединскому; онъ выкупитъ на эти деньги «изумрудный-крестъ», заложенный для меня моей воспитанницей въ ссудной казнѣ. Этотъ крестъ — наслѣдство послѣ ея матери. Къ долгу нашему прибавка такой суммы ничего не значитъ. Это моя послѣдняя просьба здѣсь, на землѣ. Я очень плоха. Увижусь-ли еще съ вами? *Тамъ* я буду молиться за васъ».

Когда это было написано, она нацарапала дрожавшею рукой:

преданая по гропъ
Марѳа Патокина.

Вручивъ Лебединскому билетъ ссудной казны, она просила его передать письмо генералу Огрызкову.

Часа черезъ два карета подъѣхала къ квартирѣ Марѳы Михайловны. Отворились двери въ ея спальню и вошелъ генералъ, опираясь на толстую натуральную трость и поддерживаемый Лебединскимъ. Онъ едва перестанавливалъ ноги. Подвинули ему кресла къ постели больной. Усѣвшись въ нихъ, онъ рукою подозвалъ къ себѣ Дуню.

— Позволь мнѣ поцѣловать тебя, добрая, благородная дѣвушка. Храни тебя Господь! Дай Богъ, чтобъ твои дѣти, когда у тебя будутъ, на тебя походили.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— А это вамъ, мой другъ, подарокъ отъ Бога,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Марѳѣ Михайловнѣ и отдавая ей письмо.—Изъ Франціи, адресовано на мое имя. Этотъ молодой человѣкъ (генералъ указалъ на Лебединскаго) говоритъ, что адресъ написанъ рукою вашего сына.

Марѳа Михайловна взглянула съ благодарностью на образъ Спасителя и благоговѣйно перекрестилась.

— Не хочу мѣшать вашей радости. Я только самъ желалъ быть вѣстникомъ ея. Обнимите меня, мой другъ, Марѳа Михайловна. Гдѣ-нибудь увидимся.

Генералъ приподнялся съ креселъ, обнялъ съ чувствомъ Марѳу Михайловну и, обратясь къ Лебединскому, скомандовалъ ему:

— Эй, молодой человѣкъ! Помоги мнѣ смаршировать тихимъ шагомъ до моего слуги.

Онъ только успѣлъ выдти изъ комнаты, какъ письмо было ужь распечатано.

Дуня читала его голосомъ, прерывавшимся нѣсколько разъ отъ душевнаго волненія:

«Милая, безцѣнная мамаша, — писалъ Володя,—неимѣя столько времени извѣстія обо мнѣ, вы могли подумать, что и меня нѣтъ въ живыхъ. Эта мысль меня убивала. Пользуюсь первою возможностью писать вамъ. Въ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ я посланъ былъ моимъ генераломъ къ одному полковому командиру съ приказаніями. Передать эти приказанія было ужь некому: полковой командиръ былъ убитъ, заступившій его мѣсто также, наши отступали. Я могъ бы улепетнуть на моемъ лихомъ скакунѣ, но боялся, чтобы не случилось со мною того же, что случилось какъ-то съ однимъ генеральскимъ адъютантомъ, бывшимъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Его проводили со стыдомъ голоса офицеровъ и солдатъ, какъ провожаютъ охотники утекающаго зайца. И потому я присоединился къ нашему кавалерійскому аріергарду, у котораго, — такъ сказать, — на хвостѣ коней сидѣлъ втрое сильнѣйшій непріятель. Въ это время напали на меня нѣсколько французскихъ конниковъ. Я отбивался отъ нихъ, сколько могъ, но, получивъ рану въ лицо холоднымъ оружіемъ, да еще удостоенный огневымъ въ ногу, былъ взятъ въ плѣнъ и перевезенъ во Францію. Не стану описывать вамъ моихъ странствованій; при свиданіи все вамъ разскажу. Слава Богу, я выздоровѣлъ. Остается только на лицѣ небольшой шрамъ, но глаза мои уцѣлѣли; немного прихрамываю, но хожу безъ костыля. Меня эти боевые знаки нимало не огорчаютъ; прошу и васъ также не огорчаться, увидавъ меня не такимъ красивымъ молодцомъ, какимъ вы меня знавали прежде. Увѣренъ, въ сердцѣ твоемъ и милой Дуни я останусь тѣмъ же, что былъ для васъ прежде, а мнѣ больше ничего не надо».

— О! конечно,—сказала Дуня съ особеннымъ оду-

шевленіемъ, остановясь на этомъ мѣстѣ,—онъ не долженъ сомнѣваться.

Марѳа Михайловна сдѣлала ей знакъ рукою, чтобъ она наклонилась и, когда та исполнила ея желаніе, прижала къ себѣ голову Дуни и поцѣловала.

Дуня продолжала чтеніе письма:

«Благодаря попеченіямъ здѣшняго правительства о плѣнныхъ, я ни въ чемъ не нуждаюсь. Несмотря, что здѣсь начало марта, всѣ плодовыя деревья въ цвѣту; у оконъ моихъ распустилась любимица Дуни, бѣлая роза; птицы распѣваютъ въ моемъ садикѣ. Но я промѣнялъ бы всю эту прекрасную, оживленную обстановку южнаго края на мертвыя, снѣжныя равнины нашей Руси, гдѣ поютъ теперь однѣ вьюги и дымятся мятели, но гдѣ было бы мнѣ такъ тепло, такъ отрадно, рука въ руку съ милыми моему сердцу. Здѣсь очень сильно поговариваютъ, что кампанія скоро кончится. Дай-то Богъ! О! какъ полетѣлъ бы я къ вамъ! А покуда цѣлую тысячу разъ твои ручки, безцѣнная мамаша, и крѣпко, крѣпко цѣлую милую мою Дуню. Лебединскому дружески протягиваю руку черезъ горы и моря».

Послѣднимъ радостнымъ проблескомъ въ жизни Марѳы Михайловны было это письмо. Черезъ нѣсколько недѣль она умерла, прижавъ его къ груди свой. Добрый Огрызковъ помогъ похоронить ее съ честью въ Луковкахъ.

Дуня попыталась было вступить въ одно женское учебное заведеніе класною дамой, но при этомъ случаѣ оказалась перегородка: туда нужна была классная дама изъ благородныхъ, а Изумрудова имѣла мѣщанскій видъ. Она не смѣла даже публиковать о себѣ въ газетахъ, какъ это дѣлается обыкновенно: Благородная дѣвица (знающая то и то) желаетъ давать уроки въ этихъ предметахъ или получить мѣсто гувернантки»

и т. д. Волшебный эпитетъ «благородный» въ томъ смыслѣ, какъ онъ принятъ у насъ, звучитъ такъ сладко въ ушахъ папенекъ и маменекъ и возвышаетъ цѣну претендентокъ на подобныя мѣста. Для иностранокъ не существуетъ этихъ перегородокъ; онѣ всѣ благородныя, хотя бы отецъ ихъ былъ тряпичникомъ.

Дуня не захотѣла долѣе оставаться въ Москвѣ, гдѣ все напоминало ей горестную жизнь ея второй матери, да и средства, которыя она до сихъ поръ тамъ получала за уроки, не могли постоянно обезпечивать ее. Оставался ей одинъ выходъ изъ этого тяжкаго положенія, какъ и всѣмъ подобнымъ бѣднымъ образованнымъ дѣвушкамъ—идти въ гувернантки въ провинцію. Она любила дѣтей, привыкла учить ихъ и рѣшилась, по совѣту Лебединскаго, обратиться къ Суздалину, который такъ хорошо зналъ ее и такъ любилъ семейство Патокиныхъ, съ просьбою пріискать ей въ Суходольской губерніи мѣсто, указываемое ей необходимостью и влеченіемъ сердца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

По письму Суздалина къ Володѣ мы оставили его въ ожиданіи пріѣзда Катерины Александровны Можайской съ ея управляющимъ Гобуа изъ степной деревни. Этотъ пріѣздъ долженъ былъ рѣшить участь влюбленнаго

Возвратилась она въ Гостинцы; Іоасафъ Румянцевъ, такой охотникъ служить и услуживать, поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ молодого человѣка, котораго онъ такъ полюбилъ за подареннаго ему *чижичка* въ видѣ золотой монеты.

Мишель Суздалинъ явился къ Можайской и просилъ руки ея дочери.

— Удивляюсь,—сказала Катерина Александровна,— что вы желаете вступить въ семейство, гдѣ мать съ такими качествами, какими вы нѣкогда расписали ее. Помните, въ вашемъ портретѣ было столько сажи... вы можете замараться объ нее. Кто поручится, что дочь не пойдетъ по слѣдамъ матери?

— Очень грустно и обидно слышать эти слова отъ васъ нынѣ, когда дѣло идетъ объ участи Таисіи Дмитріевны. Я думалъ, что наша маленькая размолвка, о которой у насъ не было никогда объясненія, должна быть забыта нынѣ. Вспомните, вы первая бросили въ

меня стрѣлу... Я тотчасъ забылъ бы ваше оскорбленіе, еслибъ къ нему не примѣшалось оскорбленіе моей матери. Этого я не могу перенесть. Ради Бога, простите мнѣ великодушно и не платите мнѣ такимъ ужаснымъ мщеніемъ за минутное увлеченіе.

— Пожалуй, оставимъ эти дрязги. Я согласна, что онѣ должны быть забыты при теперешнемъ случаѣ, когда дѣло идетъ о судьбѣ моей дочери. Буду съ вами откровенна. Признаюсь вамъ, вы не такой женихъ для нея, которымъ можно пренебречь: вы имѣете хорошее состояніе, умны, образованы, не мотъ, не картежникъ, а для меня эти качества имѣютъ большую цѣну. Вы, конечно, знаете отъ матери вашей, какъ я была несчастлива замужемъ отъ страсти его къ карточной игрѣ. Увѣрена, вы не проиграете имѣнія моей дочери и своего, не растратите его на актрисъ... Повторяю, съ вашими достоинствами вы могли бы сдѣлать счастіе моей Таечки. Но она такъ молода... ей даже не вышло законнаго срока для супружества... священникъ не согласится вѣнчать ее... обманывать же кого-либо въ этомъ важномъ дѣлѣ я не соглашусь.

— Мать моя...

— Знаю, что вы хотите сказать. Сколько ни желаетъ мать ваша пожаловать меня въ старухи, охраняя васъ отъ обольщеній такой опасной сирены, какъ я... и вытянуть дочь мою въ невѣсты...

Суздалинъ покраснѣлъ отъ досады и, въ свою очередь, не далъ договорить Катеринѣ Александровнѣ.

— Опять мать моя! Не знаю, за что вы такъ ожесточились противъ нея, за что вы приписываете ей намѣренія, которыхъ она въ помышленіи не имѣла? Никогда не порчила она меня въ женихи вашей дочери. Обстоятельства такъ сложились, что я увидѣлъ Таисію Дмитріевну и не могъ не полюбить ее. Не подумайте, чтобы меня прельщало имѣніе ваше... Отдайте

мнѣ вашу дочь безъ ничего. Она одна дороже для меня всѣхъ душъ, которыя вы могли бы за нею дать. Дѣлайте съ имѣніемъ вашимъ что вамъ угодно, распоряжайтесь имъ, какъ вамъ заблагоразсудится, продайте его, подарите... клянусь вамъ честью моей, я не попрощу на васъ; отдайте мнѣ только ту, безъ которой не могу жить. Мы любимъ другъ друга. Безъ согласія ея я не смѣлъ бы просить ея руки.

— О! къ прекраснымъ качествамъ, которыми вы надѣлены судьбою, вы имѣете и даръ обворожать и не такихъ неопытныхъ дѣвочекъ, какъ дочь моя. Были другія, гораздо постарше, съ разсудкомъ болѣе зрѣлымъ, которымъ вы вскружили голову... Я хочу сказать о той... помните исторію съ этой интересной дамой... какъ бишь ее?...

— И вы это говорите, вы, которыя знаете, какъ свѣтъ бываетъ золъ и опрометчивъ въ своемъ судѣ?

— Слишкомъ хорошо!...

— Бѣдную женщину, которая въ томъ только была виновата, что танцовала со мною чаще, нежели съ другими, что слушала меня съ большимъ удовольствіемъ, нежели другихъ, оклеветали... тутъ же подоспѣлъ безумно ревнивый мужъ... Вамъ извѣстно, чѣмъ вся эта исторія кончилась. Зачѣмъ же возобновлять ее, хоть и въ келейномъ разговорѣ, который, конечно, не выйдетъ изъ этихъ стѣнъ? Затѣмъ же класть и тѣнь клеветы на эту женщину, которая такъ чиста, какъ я желалъ бы, чтобы чиста была моя дочь, если она у меня когда будетъ.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказала съ чувствомъ Катерина Александровна, подавъ руку Суздалину.— Вы благородный рыцарь. Да, мы, женщины, жалкія, бѣдныя созданія. Намъ мстятъ клеветою тѣ, которыхъ любовь мы отвергли, насъ ругаютъ, если мы осмѣлились полюбить кого истинною страстью. Вамъ, мужчи-

меня стрѣлу... Я тотчасъ забылъ бы ваше оскорбленіе, еслибъ къ нему не примѣшалось оскорбленіе моей матери. Этого я не могу перенесть. Ради Бога, простите мнѣ великодушно и не платите мнѣ такимъ ужаснымъ мщеніемъ за минутное увлеченіе.

— Пожалуй, оставимъ эти дрязги. Я согласна, что онѣ должны быть забыты при теперешнемъ случаѣ, когда дѣло идетъ о судьбѣ моей дочери. Буду съ вами откровенна. Признаюсь вамъ, вы не такой женихъ для нея, которымъ можно пренебречь: вы имѣете хорошее состояніе, умны, образованы, не мотъ, не картежникъ, а для меня эти качества имѣютъ большую цѣну. Вы, конечно, знаете отъ матери вашей, какъ я была несчастлива замужемъ отъ страсти его къ карточной игрѣ. Увѣрена, вы не проиграете имѣнія моей дочери и своего, не растратите его на актрисъ... Повторяю, съ вашими достоинствами вы могли бы сдѣлать счастіе моей Таечки. Но она такъ молода... ей даже не вышло законнаго срока для супружества... священникъ не согласится вѣнчать ее... обманывать же кого-либо въ этомъ важномъ дѣлѣ я не соглашусь.

— Мать моя...

— Знаю, что вы хотите сказать. Сколько ни желаетъ мать ваша пожаловать меня въ старухи, охраняя васъ отъ обольщеній такой опасной сирены, какъ я... и вытянуть дочь мою въ невѣсты...

Суздалинъ покраснѣлъ отъ досады и, въ свою очередь, не далъ договорить Катеринѣ Александровнѣ.

— Опять мать моя! Не знаю, за что вы такъ ожесточились противъ нея, за что вы приписываете ей намѣренія, которыхъ она въ помышленіи не имѣла? Никогда не порчила она меня въ женихи вашей дочери. Обстоятельства такъ сложились, что я увидѣлъ Таисію Дмитріевну и не могъ не полюбить ее. Не подумайте, чтобы меня прельщало имѣніе ваше... Отдайте

мнѣ вашу дочь безъ ничего. Она одна дороже для меня всѣхъ душъ, которыя вы могли бы за нею дать. Дѣлайте съ имѣніемъ вашимъ что вамъ угодно, распоряжайтесь имъ, какъ вамъ заблагоразсудится, продайте его, подарите... клянусь вамъ честью моей, я не попрощу на васъ; отдайте мнѣ только ту, безъ которой не могу жить. Мы любимъ другъ друга. Безъ согласія ея я не смѣлъ бы просить ея руки.

— О! къ прекраснымъ качествамъ, которыми вы надѣлены судьбою, вы имѣете и даръ обворожать и не такихъ неопытныхъ дѣвочекъ, какъ дочь моя. Были другія, гораздо постарше, съ разсудкомъ болѣе зрѣлымъ, которымъ вы вскружили голову... Я хочу сказать о той... помните исторію съ этой интересной дамой... какъ бишь ее?...

— И вы это говорите, вы, которыя знаете, какъ свѣтъ бываетъ золъ и опрометчивъ въ своемъ судѣ?

— Слишкомъ хорошо!...

— Бѣдную женщину, которая въ томъ только была виновата, что танцовала со мною чаще, нежели съ другими, что слушала меня съ большимъ удовольствіемъ, нежели другихъ, оклеветали... тутъ же подоспѣлъ безумно ревнивый мужъ... Вамъ извѣстно, чѣмъ вся эта исторія кончилась. Зачѣмъ же возобновлять ее, хоть и въ келейномъ разговорѣ, который, конечно, не выйдетъ изъ этихъ стѣнъ? Затѣмъ же класть и тѣнь клеветы на эту женщину, которая такъ чиста, какъ я желалъ бы, чтобы чиста была моя дочь, если она у меня когда будетъ.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказала съ чувствомъ Катерина Александровна, подавъ руку Суздалину.— Вы благородный рыцарь. Да, мы, женщины, жалкія, бѣдныя созданія. Намъ мстятъ клеветою тѣ, которыхъ любовь мы отвергли, насъ ругаютъ, если мы осмѣлились полюбить кого истинною страстью. Вамъ, мужчи-

намъ, все можно, намъ ничего не прощаютъ. Но бросимте эти разсужденія въ сторону, теперь опять къ моей Таечкѣ. Мудрено ли, говорю я, что дѣвочка, не знающая свѣта, видѣвшая такъ мало молодыхъ людей, заслушалась рѣчей вашихъ, вашего страстнаго пѣнія, и голова ея закружилась! Можетъ быть, она думаетъ, что полюбила васъ на жизнь и на смерть, какъ въ романахъ, которые прочла по милости сентиментальной мистрисъ Гордонъ.

— Ей давали только англійскіе романы, а въ нихъ любовь описана такими мягкими красками; никогда скромность дѣвушки не оскорбится этими описаніями, никогда воображеніе и кровь ея не изволнуются отъ нихъ.

— Да, это говоритъ и англичанка. Она видитъ въ *своихъ* романахъ одни образцы добродѣтели и чистоты нравовъ, а въ французскихъ одинъ соблазнъ. Смѣшны мнѣ, право, эти англичанки и англичане съ своимъ патріотизмомъ и ненавистью ко всему, что пишется, не только, что дѣлается, за чертою Великобританскаго канала Но мы безпрестанно отбиваемся отъ цѣли нашего разговора. Таечкѣ, сказала я, не вышло еще законныхъ лѣтъ для супружества, и я не могу отдать ее, еслибъ и хотѣла, пока не минетъ этотъ срокъ. Это мое послѣднее, рѣшительное слово. Хотите ждать два года, пожалуй годъ, смотря по обстоятельствамъ, и тогда мы увидимъ... Я вывезу ее въ свѣтъ, въ общество молодыхъ людей, разумъ ея созрѣетъ и, если послѣ этого она скажетъ мнѣ, что васъ любитъ, васъ предпочитаетъ всѣмъ этимъ молодымъ людямъ, которыхъ узнаетъ, тогда съ Богомъ! Я сама вышла замужъ слишкомъ рано и за это дорого поплатилась. Мои опасенія, можетъ быть, напрасны... Не могу, однакожь, не позаботиться, чтобы раннее супружество не довело дочь до тѣхъ грустныхъ послѣдствій, кото-

рыя испытала мать. Не оскорбитесь моимъ рѣшеніемъ. Ждите.. ѣздите къ намъ, конечно, не подъ именемъ признаннаго жениха, а какъ хорошій знакомый, добрый родственникъ. Вы будете всегда le bienvenu въ моемъ семействѣ. А тамъ, да будетъ воля Господня! Повторяю, это мое послѣднее слово.

— А если я увезу ее?...

Катерина Александровна вспыхнула и сердито надвинула брови на глаза. Но это была только минутная вспышка. Она усмѣхнулась и добродушнымъ голосомъ сказала:

— Пустяки!... Вы такъ благородны, что не сдѣлаете этого. Если вы истинно любите мою дочь, то не захотите ея стыда, ея несчастія. Вамъ извѣстно отъ матери вашей, что я не слабая женщина въ такихъ случаяхъ. Разорвавъ однажды связи съ мужемъ, я никогда не сошлась съ нимъ. Такъ будетъ и съ дочерью.

Сколько ни убѣждалъ Суздалинъ Катерину Александровну, какъ ни умолялъ, она была непреклонна; ему оставалось покориться. Какъ ни увѣряла Можайская, что забыла давнюю обиду, но видно было, что она пользовалась теперь случаемъ сбросить все, что накипѣло въ ея мстительной душѣ, на того, кто осмѣлился ее однажды оскорбить.

Таечка, которой передали это рѣшеніе, была въ сокрушеніи. Между тѣмъ въ домѣ Можайской продолжались тѣ же грустныя сцены, о которыхъ разсказывала мистрисъ Гордонъ Суздалину. Гобуа, по возвращеніи изъ степной деревни, сдѣлался еще болѣе неограниченнымъ властителемъ надъ волею и сердцемъ Катерины Александровны. Она ничего для него не жалѣла; всѣ жалованныя отцу ея табакерки, перстни, рѣдкую библіотеку изъ ученыхъ и старинныхъ книгъ на разныхъ языкахъ подарила ему. Въ ослѣпленіи своей страсти она не таила ее много отъ домашнихъ,

узнали объ ней и посторонніе. Женщина, въ сорокъ лѣтъ, отдавшись вся такой страсти, дорожитъ ею болѣе всего, какъ бы чувствуя, что это ея послѣдняя любовь, ея послѣднее сердечное счастіе, съ потерею котораго нить жизни ея должна порваться. Таечка страдала; уваженіе къ матери едва ли не было потеряно. Гувернантка обращалась сухо съ хозяйкой дома, грубо съ французомъ; это поселило раздоръ съ обѣихъ сторонъ. Домъ раздѣлился на два лагеря. Гордонъ рѣшилась было совсѣмъ распрощаться съ этимъ домомъ, но привязанность къ Таечкѣ, состраданіе къ ея положенію и нѣкоторыя уступки приличія со стороны Катерины Александровны удерживали еще англичанку въ семействѣ Можайской.

При первомъ свиданіи Таечки съ Суздалинымъ, она подала ему руку и сказала такъ, что мать могла слышать:

— Будемъ ждать, но даю тебѣ слово, Мишель, что рука эта и сердце мое не будутъ принадлежать никому, кромѣ тебя, хотя бы всѣ власти міра вооружились противъ насъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ отъ нея записку съ Румянцевымъ:

«Милый другъ», писала она; «если ты меня любишь, если имѣешь состраданіе ко мнѣ, увези меня, я тягощусь жизнью».

Суздалинъ отвѣчалъ:

«Богъ свидѣтель, что я тебя люблю, что твое счастье, твое спокойствіе для меня всего дороже въ мірѣ. Готовъ пожертвовать для тебя жизнью своей, но не сдѣлаю того, о чемъ ты ко мнѣ пишешь. Чѣмъ болѣе тебя люблю, тѣмъ болѣе долженъ дорожить твоею честью, беречь твое имя. Подумай, что скажетъ свѣтъ, еслибъ я тебя увезъ. Имя твое съ насмѣшками ходило бы въ презрѣнной толпѣ, тебя осудили бы,

какъ вѣтренную дѣвочку, не разбирая ничего. Мать твоя... — Нѣтъ, милая Тая, я не сдѣлаю этого. Подождемъ, поручимъ себя Богу. Можетъ быть, Онъ сжалится надъ нами и пошлетъ намъ скоро лучшее время».

Таечка показала эту записку матери. Катерина Александровна прочла, сурово посмотрѣла на дочь и ничего не сказала, но вскорѣ увезла ее въ Москву. Здѣсь пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ оказалось вдругъ семнадцать. Въ театры, на балы, въ собранія, маскарады, вывозила ее мать, но сердце Таечки не поддалось этимъ обольщеніямъ, которыя такъ очаровываютъ молодую дѣвушку, вступающую первый разъ въ свѣтъ. Мишель,—одинъ Мишель занималъ ея душу. Съ ними не было Гобуа, только мистрисъ Гордонъ и Алиса сопровождали ихъ.

— Думаютъ прельстить меня этими игрушками,— говорила Таечка своей гувернанткѣ, — думаютъ отвести мои мысли отъ него... Это имъ не удастся. Никогда не любила я Мишеля такъ много, какъ здѣсь; всѣ молодые люди, которые ухаживаютъ за мною, кажутся мнѣ фатами, или такими же актерами, какихъ я вижу на сценѣ, только эти поумнѣе. Болтовня ихъ надоѣла мнѣ своею пустотою, она выказываетъ мнѣ еще болѣе умъ и душевныя качества Мишеля.

Среди разгара всѣхъ обольщеній, которыми Катерина Александровна окружала свою дочь, она затѣяла у себя балъ. Всѣ приготовленія сдѣланы, день назначенъ. Въ этотъ день она получаетъ письмо по эстафетѣ и, прочтя его, падаетъ въ обморокъ. Что написано было въ письмѣ, никто изъ домашнихъ не могъ узнать. На вопросы гувернантки и дочери она отвѣчала одними рыданіями. Только немедленно разосланы были гонцы съ отказомъ ко всѣмъ приглашеннымъ на балъ, а домашнимъ велѣно собираться въ дорогу.

Перенесемся въ Гостинцы. Главный управляющій Можайской, какъ называли Гобуа въ имѣніи ея и во всемъ околодкѣ, поѣхалъ въ одну ближайшую деревню усмирять крестьянъ, отказывавшихся работать въ праздничный день, не положенный по табели, но который они, по обычаю предковъ, чтили ненарушимо. Бурмистръ Савельичъ былъ въ отлучкѣ — онъ повезъ въ Суходольскъ подушныя. Гобуа хотѣлъ показать свою неустрашимость и твердость, рѣшился ѣхать одинъ съ слугою и кучеромъ. На дворѣ была глубокая осень. Дождь, наканунѣ и въ день отъѣзда его изъ Гостинцевъ, лилъ какъ изъ ведра. За полверсты отъ деревни, гдѣ должна была производиться расправа съ ослушниками, рѣчка, черезъ которую, въ иное жаркое лѣто, куры переходили, необыкновенно вздулась. Кучеръ доложилъ *барину*, не опасно ли переѣзжать ее. Отвѣтомъ ему былъ ударъ палкой по спинѣ и русскія бранныя слова, выученныя очень рѣчисто французомъ. Кучеръ медлилъ и, снявъ шапку, хотѣлъ еще что-то сказать. Но Гобуа грозно прикрикнулъ на него:

— Пошелъ, каналья, и ты за одно съ этими мошенниками!—Видя надъ собою палку, кучеръ повиновался. Въѣхали въ рѣчку. Скоро лошади потеряли подъ собою землю и поплыли, но посреди рѣчки напрасно болтали ногами, горячились, — экипажъ не трогался. Стремленіе воды, стѣсненное двумя крутыми берегами, было ужасное и разомъ захлестнуло экипажъ и лошадей. Около нихъ образовался водоворотъ. Кучеръ испугался, бросилъ возжи и кинулся въ воду, за нимъ и слуга. Какъ ни кричалъ изо всѣхъ силъ Гобуа и хотя деревня была въ виду, но, за противнымъ вѣтромъ, никто въ ней не слыхалъ крика, а, можетъ быть, и не хотѣлъ слышать. Слуга успѣлъ, съ большими усиліями, доплыть до противоположнаго берега; измученный борьбою съ сильнымъ стремленіемъ воды и тя-

жестью мокрой одежды, онъ съ трудомъ добрался до деревни и тамъ далъ знать, чтобы шли спасать управляющаго. Кучеръ, выбившись изъ силъ, пошелъ какъ ключъ ко дну. Только на третій день сыскали утопленника за нѣсколько верстъ ниже того мѣста, гдѣ онъ утонулъ. Пока мужички охали, надѣвали свои овчинные тулупы, на нихъ кафтаны и опоясывались, водоворотъ захлебнулъ экипажъ и лошадей и зарылъ подъ собою Гобуа. Какъ оказалось послѣ, когда воды сошли, огромный камень задержалъ ходъ колесъ съ одной стороны и опрокинулъ экипажъ на другую. Собравшійся на берегу народъ сталъ толковать, какъ вытащить повозку.

— Нутко, ребята, — сказалъ староста перекрестясь,—распоясывайтесь, да въ воду.

— Сунься-ка самъ, коли жизнь надоѣла, — отозвался одинъ крестьянинъ.

— Эка непогодь, Господи, словно свѣтопреставленіе!—замѣтилъ другой.

— Чай, и вода-то не теплѣе крещенской,—примолвилъ третій.

— Хоть бы лодку послалъ намъ Богъ отколь!

— Жаль, багровъ не принесли.

— Кабы веревку, да штофчикъ вина, такъ и быть, пустился бы на милость Божью.

— Да топоръ или ножъ порѣзать гужи.

— Нишни, ребята, кажись, вѣтеръ потянулъ съ другого бока, авось перевернетъ повозку.

Толковали, толковали такимъ образомъ, перебранились и, наконецъ, рѣшились послать въ деревню за веревками и топоромъ. Нашлись, однакожъ, молодцы, соскучившіеся дожидаться посланныхъ; русская удаль заговорила.

Свили изъ нѣсколькихъ кушаковъ двѣ веревки, и два охотника, опоясанные однимъ концомъ и придержи-

ваемые крестьянами съ берега за другой конецъ, поплыли къ мѣсту, гдѣ вскрывалось по временамъ, отъ всплеска водъ, черное пятнышко, означавшееся верхъ экипажа. Между тѣмъ несчастный Гобуа успѣлъ захлебнуться послѣднимъ глоткомъ воды. Богъ вѣсть съ какими мыслями оставлялъ онъ этотъ міръ. Я не имѣю волшебнаго дара провидѣнія, которымъ надѣлены нѣкоторые романисты, описывающіе то, что думали и чувствовали умиравшія въ ихъ романахъ лица, и потому отказываюсь отъ этого описанія. Когда вытащили Гобуа, онъ былъ уже мертвъ, свѣсившись всѣмъ туловищемъ своимъ ко дну рѣчки. Вѣроятно, онъ силился выскочить, но не могъ высвободить ногъ изъ подушекъ, чемодана и тюфяка, на него упавшихъ. Правой рукой стиснулъ онъ боковой карманъ пальто, какъ будто хотѣлъ, умирая, унесть съ собою то, что въ немъ хранилось.

Положили его на берегу рѣки, приставили караулъ и послали въ городъ объявленіе о *мертвомъ тѣлѣ*.

Наступила ночь. Взошелъ мѣсяцъ, небо прояснѣло, морозный вѣтерокъ потянулъ съ сѣвера. Караульные зажгли костеръ вблизи утопленника и повели бесѣду о *хранцузѣ* и барынѣ шепотомъ, какъ будто боясь, чтобы онъ не услышалъ ихъ. Гобуа лежалъ съ обращеннымъ къ небу лицомъ; пышныя волны его бѣлокурыхъ волосъ, которые Суздалинъ называлъ львиною гривой, разметались по худой свиткѣ, положенной ему подъ голову. Лицо, сохранившее еще свои красивыя черты, то ярко освѣщалось красноватыми вспышками горѣвшаго костра, то мѣсяцъ обливалъ его своимъ мягкимъ свѣтомъ; по временамъ тѣнь мимолетныхъ облачковъ перебѣгала по немъ. Вѣтерокъ шевелилъ обнаженные сучья кустовъ и слышался въ нихъ шорохъ, какъ бы шепотъ полуночныхъ духовъ, налетавшихъ около утопленника; разлившаяся рѣчка глухо стонала. Жутко

стало караульщикамъ. Облитые заревомъ костра, они дико озирались, крестились и тѣснѣе жались другъ къ другу.

Только на третій день, за худыми дорогами и объѣздами, явился на мѣсто происшествія *судъ* въ полномъ комплектѣ:—исправникъ, становой, стряпчій и лѣкарь. Освидѣтельствовали наружность и одежду Гобуа. Съ трудомъ могли отнять окоченѣвшую руку отъ мѣста, въ которое она впилась. Боевыхъ знаковъ не оказалось. Денегъ на Гобуа не было, кромѣ мелкой монеты: въ жилетномъ карманѣ нашли золотые часы и на груди медальонъ съ портретомъ женщины, въ которой можно было тотчасъ узнать Можайскую. Изъ бокового кармана пальто, за который такъ крѣпко держался утопленникъ, вынули бумажникъ съ пачкою писемъ. Осмотрѣли мѣсто, гдѣ утонулъ Гобуа и велѣли отнести *мертвое тѣло* въ деревню на временную квартиру до перенесенія его въ вѣчную. По вскрытіи тѣла лѣкаремъ признаковъ насильственной смерти не нашли. Но крестьяне, по заведенному порядку, за то, что *мертвое тѣло* лежало на ихъ землѣ, принесли, кому слѣдовало, посильную дань. Затѣмъ, какъ водится, пошло и угощеніе. Судъ, уконтентованный и очищенною водкой, и сатуринскимъ и пр. и пр., послѣ тяжкихъ трудовъ предался отдохновенію. Стряхнувъ съ себя маки Морфея, пропустили еще по очищенной и закурили папироски и сигары (одинъ стряпчій, какъ отсталый, курилъ изъ трубки съ малымъ чубукомъ) и принялись за опись имущества, найденнаго на утопленникѣ. Табачный дымъ сначала разостлался по избѣ колеблющимися, легкими слоями, потомъ пошелъ ходить облачками, наконецъ, сплотился въ одну густую массу, сквозь которую, какъ сквозь флеровый занавѣсъ, едва видны были фигуры судейскихъ. Только иногда порывистое движеніе одного изъ нихъ прорѣзывало табач-

ный туманъ, и тогда колыхались волны дыма и одѣвали всѣ лица въ какую-то фантастическую драпировку. Въ эти минуты выступало обрюзглое, рябое лицо исправника, или постное лицо стряпчаго, то выглядывали рысьи глаза станового и шевелились его большія уши, будто хотѣли вычерпать въ себя каждое слово собесѣдниковъ, то мелькала на губахъ лѣкаря саркастическая улыбка. Изъ-за него выглядывала пассивная фигура писца, безмолвно и неподвижно сидѣвшаго въ ожиданіи приказаній начальства, за маленькимъ, хромоногимъ столомъ. Передъ нимъ лежали чистые листы бумаги и стояла помадная банка, замѣнявшая чернильницу. Стали разбирать пачку писемъ, но какъ они писаны были на французскомъ *діалектѣ*, то и поручили позаняться чтеніемъ ихъ лѣкарю, который, какъ говорили товарищи, на немъ *собаку съѣлъ*. Лѣкарь, читая, по временамъ хохоталъ отъ души.

— Чему ты смѣешься, кровопускатель? —спросилъ исправникъ.

— Ну, господа, потѣха, да и только,—отозвался лѣкарь, держась руками за бока,—дайте мнѣ перевести духъ, я подѣлюсь съ вами этими *парижскими тайнами*.

Оправившись отъ своего смѣха, онъ началъ переводить *избранныя* мѣста изъ писемъ Катерины Александровны къ Гобуа.

Переписка усыпана была самыми нѣжными именами, самыми жаркими выраженіями, какія можетъ только изобрѣсти страстная женщина, увѣренная, что ихъ прочтетъ только *онъ*, да Богъ. Могла-ли вообразить Катерина Александровна, что дорогія тайны ея сердца будутъ служить посмѣшищемъ для тѣхъ, кого она прежде не иначе называла, какъ челядью?

Довольно издѣвались надъ этой перепиской, довольно натѣшились ею, усмѣхался даже и писарь суда, готовившійся писать опись.

Становой глубоко призадумался, приложивъ пальцы съ нечищенными ногтями къ толстымъ губамъ.

— А что, господа, — сказалъ онъ значительно стряхнувъ съ себя воликія думы,—будутъ магарычи, такъ я вамъ доставлю за эти письма важную сумму. Будутъ что ли?—спросилъ онъ опять,—говорите скорѣй, а то мы запишемъ ихъ въ опись, и тогда поминай, какъ звали, дорогую лисичку за хвостъ не поймаете. Не часто Господь посылаетъ такую богатую оказію. Не смѣяться надъ этими письмами, а цѣловать ихъ надо.

— Ужь, конечно,—сказали исправникъ и стряпчій въ одинъ голосъ, смекая, въ чемъ дѣло.

— Пойдутъ на потѣху начальству, — продолжалъ становой,—а ему и безъ того довольно потѣхи въ театрахъ, да собраніяхъ, да надъ нашими мудрыми рапортами. Рѣшено, что-ли?

— Рѣшено!—отвѣчали въ одинъ унисонъ всѣ прочіе члены суда.

Уговорились: письма въ опись не включать, перевязать ихъ, какъ они лежали въ карманѣ утопленника, тою же самою подвязкой, какою связаны были, и вручить исправнику съ тѣмъ, чтобы онъ лично передалъ ихъ въ руки самой Можайской, а тамъ овому часть, овому другую, смотря по должностямъ и заслугамъ въ этомъ дѣлѣ.

— Чуръ, не забывать переводчика, — промолвилъ лѣкарь,—и чтобы не было львинаго дѣлежа.

На томъ и *положили*.

Пріѣхала Можайская въ Гостинцы, явился туда жь исправникъ и келейно, прежде свиданія съ нею, переговорилъ съ бурмистромъ Савельичемъ.

Савельичъ секретно доложилъ барынѣ, что пріѣхалъ исправникъ и привезъ какія-то письма и *патретъ*, найденные на покойникѣ.

— Гдѣ онъ?—спросила испуганная Катерина Александровна.

— Тутъ,—отвѣчалъ бурмистръ, указывая на дверь въ ближнюю комнату.

Она пошепталась съ Савельичемъ и велѣла позвать къ себѣ исправника.

Вошелъ къ Можайской вождь земской полиціи.

Казалось, преступница стояла передъ своимъ грознымъ судьей; она была блѣдна и дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Сударыня,—сказалъ исправникъ, держа въ рукахъ пачку писемъ, перевязанную подвязкой, медальонъ и часы,—эти вещи остались послѣ покойника. Мы могли бы отправить ихъ по начальству, но не сдѣлали этого, уважая тайну... частной переписки. Клянусь вамъ, ни я, ни мои товарищи не знаютъ по-французски и потому...

Катерина Александровна едва стояла на ногахъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчала она задыхавшимся отъ волненія голосомъ, принявъ отъ него пачку писемъ и медальонъ,—тысячу разъ благодарю васъ, благороднѣйшій человѣкъ. Часы позвольте оставить у васъ на память моей благодарности. Повѣрьте, я никогда не забуду...

Она подала ему дрожавшую, холодную, какъ ледъ, руку.

— Потрудитесь,—прибавила она, — повидаться съ моимъ бурмистромъ и переговорить съ нимъ на счетъ издержекъ за похороны...

Исправникъ не преминулъ повидаться съ Савельичемъ.

За каждую строчку писемъ отсчитано было едва ли не столько, сколько платили книгопродавцы и журналисты Пушкину за каждую строчку его стиховъ.

Суздалинъ получилъ отъ мистрисъ Гордонъ записку

слѣдующаго содержанія: «Гобуа утонулъ; наша лэди заперлась въ своей комнатѣ и никого не принимаетъ. Если она его истинно любила, жаль мнѣ ее: любовь многое прощаетъ. Странная судьба этой женщины! Мужъ ея утонулъ, и тотъ, кому она пожертвовала даже любовью своей дочери, имѣлъ ту же участь. Не скажу ничего болѣе. Послѣ суда Божьяго нѣтъ мѣста суду человѣческому. Подождите къ намъ пріѣзжать. Таисъ проситъ меня сказать вамъ, что она, побывавъ въ Москвѣ, любитъ васъ еще болѣе. Обнимаю васъ отъ души».

Черезъ нѣсколько недѣль Катерина Александровна сама послала за Суздалинымъ. Разумѣется, онъ спѣшилъ пріѣхать и, увидавъ ее, не могъ вѣрить глазамъ своимъ, та ли это Катерина Александровна, которую зналъ въ былое время, — такъ она ужасно перемѣнилась. Лицо ея пожелтѣло и осунулось, ей на видъ прибавилось десять лѣтъ.

— Я увѣрилась, — сказала она, — что моя дочь истинно васъ любитъ. Вы спасли ее отъ побѣга изъ дома родительскаго и позора свѣтскаго суда, — благодарю васъ. Передаю вамъ ее, сдѣлайте ея счастье.

Она позвала Таечку и, указывая на Суздалина, сказала:

— Вотъ женихъ, котораго твое сердце выбрало, благословляю васъ. Время вашей свадьбы будетъ зависѣть отъ васъ самихъ. Дайте мнѣ только поправиться силами.

Таечка бросилась на грудь Мишеля и первымъ поцѣлуемъ, который ему подарила, обручилась съ нимъ навсегда.

— Знаешь ли, Тая, — сказалъ онъ нѣсколько дней спустя, держа письмо въ рукѣ: — я получилъ письмо отъ Авдотьи Петровны Изумрудовой, — помнишь съ

придаточнымъ названіемъ: «Изумрудный-Крестикъ», о которой я тебѣ столько разсказывалъ—прочти.

— Бѣдная! бѣдная!—сказала Таечка со слезами на глазахъ, прочтя письмо:—жила въ довольствѣ, въ богаствѣ, съ людьми, которые замѣняли ей отца и мать, и вдругъ потерять все это!... О! какъ я рада, что ее увижу; я любила ее и прежде, заочно, а теперь полюблю еще болѣе.

— Все это хорошо, но какъ мы исполнимъ ея просьбу?

— Зачѣмъ? Мы ее пристроимъ у себя, она будетъ жить у насъ, какъ родная сестра. Вѣдь ты, Мишель, не откажешь?

— Еще бы, если бы это отъ меня зависѣло! Затрудненіе въ томъ, что она сама не согласится жить на чужихъ хлѣбахъ, на чужомъ содержаніи. Я знаю, она горда и не приметъ подарковъ... Надо пріискать ей мѣсто гувернантки, какъ она желаетъ.

— Постой, я вспомнила, нѣсколько дней тому назадъ ближайшая наша сосѣдка, Болтунова, просила мистрисъ Гордонъ пріискать ей гувернантку для девятилѣтней дочери своей. Люди богатые, предлагаютъ 600 рублей жалованья съ тѣмъ, чтобы знала языки французскій и англійскій.

— Въ ея познаніяхъ я увѣренъ, да, Богъ знаетъ, что за люди эти Болтуновы, они недавно пріѣхали сюда.

— Жена была у насъ однажды съ визитомъ, съ нею была и дочь. Мать показалась мнѣ такою грустною, и это придаетъ ей особенный интересъ, такъ и хотѣлось бы выпытать тайну ея сердца и утѣшить ее. Дочка премилая. Попытаемся. Они живутъ въ полуторѣ версты отсюда... мы будемъ навѣдываться, и если чуть не хорошо покажется у нихъ Изумрудовой, мы сейчасъ похитимъ ее.

Суздалинъ самъ повезъ письмо Гордонъ къ Болтуновымъ. Мужа не было дома. Онъ охотился за зайцами по свѣжимъ слѣдамъ ихъ, отпечатаннымъ на дѣвственномъ снѣгѣ, который охотники называютъ порошью. Жена, Анна Васильевна, приняла гостя. Это была женщина лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Пріятное и доброе лицо располагало въ ея пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было смотрѣть на нее безъ состраданія. Чрезвычайная худоба, томные, голубые глаза, въ которыхъ угасалъ огонь жизни, вынужденная улыбка на блѣдныхъ губахъ, худые пальцы, унизанные кольцами, ходившими на нихъ очень свободно, по временамъ сухой кашель, — все показывало, что она ненадолго жилица въ этомъ мірѣ. Болтунова прочла письмо мистрисъ Гордонъ и благодарила Суздалина, что взялъ на себя трудъ доставить его.

— Я давно знаю рекомендуемую вамъ особу,—сказалъ онъ,—и смѣло могу поручиться за ея познанія я прекрасныя душевныя качества.

— А молода она?—спросила Болтунова.

— Молода и очень хороша собою,—отвѣчалъ онъ; но, замѣтивъ, что при этихъ словахъ легкій румянецъ выступилъ сквозь восковую бѣлизну ея щекъ и въ томныхъ глазахъ ея выразился какой-то страхъ, онъ подумалъ:—«не ревнива ли эта госпожа»? — и спѣшилъ прибавить:—могу также ручаться, что она самой строгой нравственности.

— Признаюсь, — сказала Болтунова, опять краснѣя,—я имѣла двухъ молодыхъ гувернантокъ, одну француженку, другую русскую, и должна по совѣсти сказать, что обѣ отличались легкостью нравовъ. Занимались болѣе своею наружностью, нежели моей дочерью.

— Увѣряю васъ, mademoiselle Изумрудова въ этомъ отношеніи не дастъ вамъ повода на нее сѣтовать. Это

олицетворенная скромность; кокетства въ ней ни мало, строгія правила свои она доказала своею жизнью. Повѣрьте, вы найдете въ ней не только примѣрную воспитательницу вашей дочери, но и друга себѣ—если только... будете платить ей не однѣми деньгами, но и дружескимъ обращеніемъ. Говорю вамъ это, потому что во многихъ нашихъ домахъ гувернантокъ третируютъ, какъ наемную прислугу, которая должна исполнять всѣ прихоти господъ, удостоившихъ принять ихъ въ свой домъ. Предупреждаю васъ, она горда, несмотря на свою бѣдность и скромное происхожденіе. Малѣйшая тѣнь обиды можетъ возбудить негодованіе въ ея сердцѣ, впрочемъ всегда кроткимъ и любящемъ. Потерявъ ее, вы потеряете то, что вознаградить деньгами нельзя. Примите, Анна Васильевна, мое замѣчаніе, сказанное вамъ отъ искренняго желанья добра, какъ mademoiselle Изумрудовой, такъ вамъ и вашей дочери. Опять извините меня за откровенность, я имѣю честь видѣть васъ въ первый разъ и долженъ вамъ сказать: доброта, написанная на лицѣ вашемъ, ручается мнѣ, что вы полюбите другъ друга.

Суздалинъ успѣлъ только что вымолвить, какъ послышались на дворѣ звуки бичей и роговъ, лай и завываніе собакъ и вслѣдъ за тѣмъ горячій, охотничій разговоръ въ передней, вѣроятно съ псарями. Болтунову, конечно, успѣли доложить, что у него гость, между тѣмъ онъ не церемонился. Въ провинціи такихъ людей называютъ *санъ-фасонъ*.

Болтунова вздрогнула и закашлялась, но, видимо, старалась удержаться отъ кашля.

Вошелъ Иванъ Петровичъ Болтуновъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, съ усиками, закрученными въ колечко, плечистый, румяный, живой, совершенный контрастъ жены. Жена отрекомендовала другъ другу гостя и мужа, но позабыла второпяхъ

сказать о цѣли пріѣзда Суздалина. Болтуновъ сыпалъ французскими фразами, и все отборными. Какъ скоро хозяинъ и гость размѣнялись ходячею монетой привѣтствій, Иванъ Петровичъ поцѣловалъ руку у жены, назвалъ ее душкою, ангеломъ и спросилъ объ ея здоровьѣ такимъ нѣжнымъ, трогательнымъ голосомъ, какъ будто это здоровье было для него дороже всего.

— Вотъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Суздалину,—бѣдняжка все прихварываетъ. Хотѣлъ повезти ее на воды, да состояніе не позволяетъ.

Вбѣжала прехорошенькая дѣвочка, дочь Болтуновыхъ, присѣла передъ Суздалинымъ и поцѣловала руку у матери и отца. Иванъ Петровичъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни, цѣловалъ въ глаза, цѣловалъ у ней руки; казалось, это былъ самый нѣжный супругъ и отецъ. Тутъ вспомнила Болтунова, зачѣмъ пріѣхалъ къ ней Суздалинъ.

— Madame Гордонъ, что живетъ у Можайской,—сказала она,—рекомендуетъ намъ для Лизы гувернантку; monsieur Суздалинъ такъ добръ, что самъ привезъ къ намъ это извѣстіе.

— Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю,—отнесся Иванъ Петровичъ къ своему гостю, потрясая ему съ жаромъ руку,—давайте намъ гувернаночку для этой *игрушки*, только, сдѣлайте одолженіе, пострашнѣе, съ большими зубами, въ родѣ клыковъ, рябую съ огромнымъ крючковатымъ носомъ (при этомъ случаѣ онъ сдѣлалъ уморительную гримасу, смотря на жену).

— Только пожалуйста не такую, что была у насъ послѣдняя,—перебила дѣвочка, надувши губки.—Поцѣлуетъ бывало, а на щекахъ останутся румяна и бѣлила, какъ пыль съ крыльевъ бабочки.

— Та, которую вамъ рекомендую, отъ одной ключевой воды румяна и бѣла,—отозвался Суздалинъ.

У Болтунова заискрились глаза.

— Только поскорѣе, какъ можно поскорѣе, monsieur Суздалинъ,—сказалъ онъ,—а то мать и отецъ такъ избалуютъ эту игрушку, что она скоро пойдетъ по нашимъ головамъ.

— Папаша, папаша, — сказала дѣвочка голосомъ, въ которомъ слышался упрекъ,—*эта* не пожалуется на меня, не такъ-ли?

Дитя съ любовью посмотрѣло на мать и прижало свою кудрявую головку къ ея груди.

— Вѣдь вы у насъ останетесь раздѣлить нашу хлѣбъ-соль, — сказалъ Болтуновъ, — мы постараемся угостить столичнаго жителя, чтобы онъ на насъ не жаловался, что мы отпустили его голоднаго.

— Охотно, — отвѣчалъ Суздалинъ, — только я не столичный житель, а суходолецъ, служу при губернаторѣ чиновникомъ особыхъ порученій; бывая на слѣдствіяхъ, пріучился быть неразборчивымъ на пищѣ.

При имени чиновника особыхъ порученій, Иванъ Петровичъ видимо сконфузился и вскорѣ сдѣлался до приторности любезенъ (Суздалинъ узналъ послѣ, что у него есть нечистыя дѣлишки въ губернскомъ правленіи и у предводителя дворянства. Болтуновъ, не любя въ домѣ своемъ старой мебели, какъ онъ говорилъ, почти каждый годъ бралъ въ услуженіе къ женѣ крестьянскихъ дѣвокъ, вообще хорошенькихъ, и, продержавъ у себя нѣсколько мѣсяцевъ, отсылалъ назадъ въ семейства; правда, во все время ихъ служенія у него, освобождалъ членовъ этихъ семействъ отъ барщины и оброка, да за то эта барщина и оброкъ ложилась на міръ. Суздалинъ узналъ также послѣ, что нѣжный супругъ бивалъ иногда жену за припадки ревности. У нихъ былъ сынъ, десяти лѣтъ, котораго онъ пріучилъ пить по нѣскольку бокаловъ шампанскаго и драться съ нимъ на сабляхъ; мальчикъ отъ

этихъ родительскихъ потѣхъ заболѣлъ аневризмомъ и умеръ).

Обѣдъ былъ обильный и утонченный, вина отличныя, не обошлось безъ шампанскаго. Пили за здоровье гостя, его невѣсты, mademoiselle Изумрудовой, хозяйки, хозяина. Болтуновъ то и дѣло подливалъ Суздалину вина разныхъ цвѣтовъ, мѣстностей и лѣтъ. Гость пилъ умѣренно, за то хозяинъ безпрестанно очищалъ стаканы и бокалы.

— Видно, не служили въ каваллеріи,—замѣтилъ онъ,—а я всегда нездоровъ, если не орошаю каждаго блюда добрымъ виномъ. Что дѣлать, привычка—вторая натура.

Эти возліянія не очень понравились гостю, да и вообще манеры отставного каваллериста и притворно нѣжное обращеніе съ женою, возмущали душу.— «Есть у него деньги на тонкія, дорогія вина, дорогіе ликеры, отличный столъ, псарню, а для больной жены въ кошелькѣ засуха», думалъ Суздалинъ.

По выходѣ изъ-за стола, онъ замѣтилъ сквозь растворенную переднюю дверь, что тамъ сидѣли на полу, калачикомъ, по турецки, пять, шесть мальчиковъ и дѣвочекъ и что въ суповую чашу, стоявшую передъ ними, прислуга сваливала безъ разбора съ тарелокъ остатки кушаньевъ, не доѣденныхъ господами. Эту смѣсь изъ супа, соусовъ, жаренаго, салата и пирожнаго дѣти уписывали съ наслажденіемъ деревянными ложками, которыми въ антрактахъ колотили другъ друга по лбу. Компанія была превеселая.

— Что это за дѣти? — спросилъ гость Ивана Петровича.

— Знаю только, что у нихъ матери есть, — отвѣчалъ хозяинъ.—Нашъ русачокъ mauvais genre брякнулъ бы вамъ: жиро... фи! (Иванъ Петровичъ былъ жанра деликатнаго, и не договорилъ). Какъ бы вамъ

сказать помягче, поутонченнѣе—французы на это большіе мастера. Я за ними назову этихъ мальчугановъ и дѣвочекъ: enfants naturels, enfants trouvés.—Тутъ Болтуновъ сострилъ. — Enfants perdus могли бы быть,—прибавилъ онъ, смѣясь,—но для меня они не пропащіе. Пожалуй, изъ нихъ съ годами населится цѣлая деревня—всѣ будущіе работники и работницы. И государству польза—современемъ подушныя...—L'humanité, снисхожденіе къ слабостямъ людскимъ,—прежде всего спѣшилъ поправиться Иванъ Петровичъ, увидя, что гость сдѣлалъ какую-то кислую мину, слушая его политико-экономическіе виды.—Я прошу этого правила для себя и исполняю его въ отношеніи къ другимъ. Можетъ быть, безъ меня, раки въ рѣкѣ или прудѣ полакомились бы этими несчастными.

— Но ваша супруга...—замѣтилъ Суздалинъ.

— О! съ этой стороны она безподобная женщина; надо такихъ искать днемъ да съ огнемъ. Мое желаніе для нея законъ.

Послѣ обѣда дворовыя дѣвки, разряженныя въ пухъ и прахъ, качались противъ оконъ господскаго дома на качеляхъ, пѣли пискливымъ голосомъ пѣсни, играли въ хороводы; слышался между ними хохотъ. Эти мелодіи, игры и смѣхъ не могли гармонировать съ болѣзненнымъ, грустнымъ видомъ Анны Васильевны.

Суздалинъ отдалъ отчетъ Таѣ и мистрисъ Гордонъ въ своей поѣздкѣ и отчасти передалъ имъ непріятныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ дома Болтуновыхъ.

Увѣдомили Изумруд ву объ открывшемся для нея мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы она считала его переходнымъ, пока не сыщется болѣе надежное. При этомъ случаѣ не утаили нѣкоторыхъ экцентричностей Ивана Петровича, о которыхъ можно было только написать ей.

Въ письмѣ посылались полученные отъ Болтунова за треть впередъ двѣсти рублей.

Авдотьѣ Петровнѣ надо было существовать;—она рѣшилась вступить въ домъ, который ей предлагали, утѣшаясь мыслью, что первое впечатлѣніе, сдѣланное Иваномъ Петровичемъ на Суздалина, могло быть ошибочно. Не безумный же, не звѣрь какой! Къ тому жь ей такъ расхвалили Анну Васильевну и дочку. Пріѣхала она и остановилась у Можайской. Катерина Александровна обласкала ее, Таечка была отъ нея въ восторгѣ, мистрисъ Гордонъ и Алисъ ее полюбили.

Скоро всѣ они были на *ты* и замѣнили Таечкой, Таей Дуней, Душей Таисію Дмитріевну и Авдотью Петровну.

— Знаешь ли, Дуня,—сказала ей однажды Таечка,—я тебѣ обязана своимъ счастіемъ.

— Какъ такъ?

— Твоимъ сходствомъ со мною,—отвѣчала она,—и разсказала первую встрѣчу свою съ Мишелемъ.

Въ самомъ дѣлѣ сходство было велико. Дуня, много выстрадавшая въ послѣдніе годы, казалась немного старѣе и блѣднѣе своего двойника.

Дали знать о пріѣздѣ ея Аннѣ Васильевнѣ, но предупредили, что отпустятъ ее не прежде, какъ за недѣли двѣ до свадьбы. Болтунова спѣшила познакомиться и познакомить дочь съ будущей ея гувернанткой. Съ обѣихъ сторонъ понравились.

Въ то время, какъ члены дома Можайской изъ высшаго этажа осыпали Изумрудову своими ласками и изъясненіями дружбы, изъ темнаго уголка *людской*, съ нижней *холопской* ступени, одинъ человѣкъ осмѣливается питать къ ней какую-то благоговѣйную, непонятную любовь. Этотъ человѣкъ былъ Іоасафъ Румянцевъ. Онъ узналъ отъ слуги Суздалина, что пріѣзжая барышня воспитанница луковскаго купца Патокина, и съ того времени вездѣ слѣдилъ за нею, искалъ ее, какъ собака ищетъ слѣды своего господина, у

котораго жила нѣсколько лѣтъ и котораго было потеряла.

Выходила ли она, выѣзжала ли изъ дома, онъ былъ тутъ у подъѣзда, и взглядомъ, выражавшимъ преданность, состраданіе, песью вѣрность, старался дать ей понять эти чувства. Часто, по вечерамъ, караулилъ онъ Дуню, когда она, при свѣтѣ свѣчей, появлялась у окна, и, казалось, ловилъ ея тѣнь, ложившуюся на дворѣ. Іоасафъ сблизился съ Парашей и успѣлъ выѣдать отъ нея, какъ жили богато Патокины по смерти Семена Прохоровича, какъ разорилъ ихъ главный приказчикъ Опенкинъ, какъ Марѳа Михайловна умерла въ бѣдности, сынъ ихъ въ плѣну у французовъ, а воспитанница принуждена идти въ гувернантки. Онъ плакалъ, горько плакалъ, слушая Парашу, словно потерялъ кровныхъ ближнихъ. Замѣчательно было, что фамилія Патокиныхъ производила на него какое-то магическое, потрясающее дѣйствіе. На Опенкина, при этомъ разсказѣ, онъ точилъ кулаки и сыпалъ на него бранныя слова, какія могъ только придумать. Разъ, когда Изумрудова прогуливалась по саду по утоптанной на снѣгу тропинкѣ, ведущей къ пруду, Іоасафъ подкараулилъ ее и волей-неволей поцѣловалъ у ней руку.

— Что это за старичокъ?—спросила она однажды Таечку.

— Бывшій камердинеръ моего отца, — отвѣчала та, — служилъ ему долго и вѣрно, былъ съ нимъ въ чужихъ краяхъ и въ разныхъ мѣстахъ Россіи неотлучно.

Суздалинъ, слышавшій этотъ разговоръ, прибавилъ:

— Большой начетчикъ священнаго писанія и между тѣмъ большой любитель металла, который поэты называютъ презрѣннымъ. Онъ говоритъ, что все собираетъ деньги для маслеца на лампаду, которая горитъ

у него денно и ночно передъ образомъ Симеона Богопріимца. Не добьюсь отъ него, почему онъ особенно чтитъ этого святого. Только недавно узналъ я, что онъ даетъ крестьянамъ деньги въ ростъ, и порядочными кушами. Странный человѣкъ! Всѣ тайны нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ знаетъ, какъ будто долго жилъ между ними. Любитъ псалмопѣніе, поетъ съ душею, но все протяжно, какъ раскольники. Не разъ, проходя мимо его жилья, я слышалъ это пѣнье. Говоритъ:—«весь вѣкъ свой служилъ, а теперь некому»; это его очень огорчаетъ. Я его совершенно не понимаю. Священное писаніе твердо знаетъ, богомоленъ, строго исполняетъ посты, въ церковь ходитъ, а у священника на исповѣди и у святого причастія не бываетъ. Ссужая крестьянъ деньгами, беретъ съ нихъ небольшіе проценты и никогда не отказывается помочь имъ, лишь бы возвращали деньги въ срокъ; за то мужички остаются ему очень благодарны и уважаютъ его. (Суздалинъ узналъ, что покойный Можайскій былъ ему долженъ тысячу рублей и что Катерина Александровна, только недавно, по смерти Гобуа, заплатила ихъ, но не сказалъ этого при своей невѣстѣ). Этотъ чудакъ такъ меня заинтересовалъ, что я нарочно старался узнать подробности его жизни въ здѣшнемъ домѣ. О прежнихъ своихъ похожденіяхъ онъ неохотно говоритъ, и то, кажется, скрываетъ въ нихъ многое. Странно, у него вдругъ зараждается особенная симпатія къ нѣкоторымъ людямъ. Такъ замѣтилъ я, онъ васъ, Авдотья Петровна, очень полюбилъ.

— Я сама это замѣтила,—сказала Дуня,—гдѣ ни появлюсь, онъ тутъ, какъ будто выросъ изъ земли, и съ такою жалостью, съ такимъ участіемъ на меня смотритъ. Вотъ и теперь онъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

— Испытайте его,—сказалъ Суздалинъ,—подарите ему новый серебряный рубль; онъ особенно любитъ новую монету. Кстати у меня цѣлковый, только-что вышедшій изъ монетнаго двора.

Подозвали Іоасафа, Дуня подала ему серебряный рубль, игравшій своимъ дѣвственнымъ блескомъ.

— Это тебѣ на маслецо для лампадки,—сказала она.

Румянцевъ видимо обидѣлся и замахалъ рукою.

— Вамъ, барышня, нужнѣе, нежели мнѣ,—отвѣчалъ онъ,—развѣ любятъ только изъ-за денегъ? Мы хоть и холопы, однако и въ насъ не паръ, а душа человѣческая.

— А за что жь ты меня любишь?—спросила Дуня.

— Да такъ, полюбилъ да и только.

Параша на вопросъ Дуни, не знаетъ ли чего о бывшемъ камердинерѣ Можайскаго, Румянцевѣ, разсказала ей, какъ онъ плакалъ, когда узналъ, что пріѣзжая барышня — воспитанница луковскаго купца Патокина, какъ онъ проклиналъ Опенкина... — «Кабь можно,—говорилъ онъ Парашѣ,—пошелъ бы въ услуженіе къ твоей барышнѣ: не знаю, почему, такъ и тянетъ къ ней».

Суздалинъ, которому Дуня передала этотъ разговоръ, также разсказалъ ей, какъ Румянцевъ смутился, смотря на портретъ Володи, висѣвшій у него въ кабинетѣ.

— Странно! — думала Дуня, — а между тѣмъ, по его словамъ, онъ не знаетъ ни одного Патокина въ лицо.

Она рѣшилась какъ-нибудь разгадать этого сфинкса.

Катерина Александровна съ нѣкотораго времени предалась богомолью. Въ прежнее время она рѣдко посѣщала церковь, а теперь бывала даже у заутрени, служила молебны дома, панихиды по мужѣ на его могилѣ, надъ которою поставила приличный памятникъ,

и полюбила чтеніе духовныхъ книгъ. Не только находила она утѣшеніе въ исполненіи наружныхъ христіанскихъ обрядовъ, но старалась и добрыми дѣлами заслужить себѣ прощеніе у Бога въ своей прошедшей грѣшной жизни. Дуня, пользуясь этимъ религіознымъ настроеніемъ ея души, вызвалась читать ей книги духовнаго содержанія. «Ѳома Кемпійскій», въ переводѣ Сперанскаго, особенно нравился Катеринѣ Александровнѣ. Изумрудова читала такъ хорошо, такъ задушевно, что слова великаго писателя падали благотворнымъ, очистительнымъ огнемъ на душу слушательницы. Разъ, вечеромъ, послѣ такого чтенія, Катерина Александровна пожелала остаться одна; Таечка занята была разборомъ своего приданаго; мистрисъ Гордонъ и Алисъ помогали ей убирать и укладывать свадебную корзину. Дуня вспомнила о Румянцевѣ и пошла съ Парашей къ такъ называемой *людской*, гдѣ онъ въ нижнемъ этажѣ имѣлъ отдѣльную комнатку. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, небо усыпано было звѣздами, млечный путь пылилъ ими. Въ такую ночь, думала она,—Провидѣніе указало Сергѣю Семеновичу путь въ расторгуевскій сиротскій домъ, откуда онъ ее взялъ. И вотъ она опять сирота!.. Дуня съ Парашей подошли къ окну, гдѣ сквозь запушенныя морозомъ стекла свѣтился огонекъ и бросалъ яркую стрѣлу на снѣжный сугробъ. Протяжные, скорбные звуки лились изъ окна. Румянцевъ пѣлъ псаломъ: «Господи, да не яростію твоею обличивши мя». (Псаломъ Давида 5). Когда онъ дошелъ до стиха: (3) «Утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всю ночь ложе мое, слезами моими омочу постель мою», казалось, грудь его разрывалась на части, рыданія слышались въ его голосѣ. — Этотъ человѣкъ долженъ быть глубоко кающійся грѣшникъ,— подумала Дуня. Кончилось пѣніе, она легонько постучалась въ окно.

— Кто тамъ?—спросилъ Румянцевъ.

— Пріѣзжая барышня Изумрудова, — отозвалась Дуня.

Черезъ минуту зазвучала щеколда, и Румянцевъ встрѣтилъ свою гостью съ низкими поклонами, цѣловалъ у ней руки, называлъ ее золотою, изумрудною, сокровищемъ.

— Не ожидалъ такого счастія; истинно благодать Божія посѣтила меня,—твердилъ онъ въ вопыхахъ.

Вошли Дуня и Параша въ его комнату. Все въ ней было такъ чисто, такъ прибрано, лампадка горѣла передъ образомъ въ серебряной оправѣ. Старикъ засуетился; казалось, молодыя силы возвратились; онъ принесъ тяжелыя кресла и просилъ Изумрудову присѣсть.

— Да не ангелъ-ли Божій въ образѣ вашемъ посѣтилъ меня? — говорилъ Румянцевъ, — да этотъ день будетъ записанъ звѣздными лучами въ книгѣ живота моего. Грѣшникъ, великій грѣшникъ, недостойный такой благодати. Чѣмъ же потчивать васъ, мою дорогую гостью?

— Ты и такъ угостилъ насъ своимъ пѣніемъ,— сказала Дуня.—Не всякому посылаетъ Господь такую святую скорбь, какую мы слышали въ твоемъ голосѣ. Въ эти минуты удостоился ты стоять передъ лицомъ Бога, а это развѣ не великая милость человѣку?

— Нѣтъ, я грѣшникъ, великій грѣшникъ, — твердилъ онъ,—любилъ больно стяжаніе, золотому тельцу поклонялся.

Дуня утѣшала его, какъ могла, словами священнаго писанія, разсказывала ему примѣры великихъ грѣшниковъ, которые, искренно покаявшись, заслужили прощеніе Господа, напомнила ему разбойника, удостоеннаго перейти въ царство небесное, совѣтовала обратиться къ священнику.

Іоасафъ потупилъ глаза и ничего не отвѣчалъ.

— Слышалъ я, барышня,—сказалъ онъ, стараясь перейти къ другому предмету разговора, — что вы нанялись въ гувернантки къ Болтуновымъ?

— Такъ что-жь?

— Жаль мнѣ васъ. Изъ такого богатаго дома и въ гувернантки!

— Что-жь дѣлать, мой другъ? Воля Божья, надо смириться передъ ней.

— Все такъ, да домъ-то ненадежный.

— Я видѣла Болтунову, она мнѣ очень понравилась, женщина, мнѣ кажется, такая добрая.

— Барыня-то и добрая, до что-жь она въ домѣ? Своей воли не имѣетъ, подчасъ и самой колотушки достаются. Хворая, убитая... того и гляди протянетъ ножки. Ужь лучше ей на вѣки закрыть глаза, чѣмъ видѣть у себя содомъ. Жаль только дѣвочку, безъ нея, сердечная, очутится, словно въ цыганскомъ таборѣ. Молодецъ только и думаетъ о потѣхахъ. Не стоятъ у него гувернантки, и вы у нихъ не долго проживете, помяните меня. Михаилъ Андреичъ, кажись, баринъ умный и аккуратный, а тутъ оплошалъ. Я съ людьми ихъ имѣю знакомство; поразскажутъ, такъ дыбомъ волосъ встанетъ. Развратникъ, говорятъ, и по суду пошла жалоба отъ мужичковъ.

Дуня задумалась.

— Не могу теперь отказаться, — сказала она, — я ужь и двѣсти рублей получила впередъ.

— Поберегите ихъ, а если вамъ нужны будутъ деньги, возьмите у меня. Я недавно получилъ отъ барыни... долженъ мнѣ былъ покойный Можайскій.

— Опять спрошу тебя, за что-жь ты меня полюбилъ?

— Скажу послѣ... Часъ не приспѣлъ... все еще духъ мятется, немощь одолѣваетъ... Придите ко мнѣ

дня черезъ три; можетъ, буду готовъ: да только однѣ приходите.

Обѣщалась Дуня придти, не разгадавъ на этотъ разъ гостинцевскаго сфинкса.

На другой день получила она письмо отъ Лебединскаго. Онъ увѣдомлялъ ее, что, по неустойкѣ подряда, назначены торги въ расторгуевскомъ губернскомъ правленіи на продажу луковскаго дома, лавокъ и фабричныхъ зданій со всѣмъ заведеніемъ. Московскій домъ, по его настоянію, будетъ продаваться только тогда, когда этого имущества не достанетъ на покрытіе долга казнѣ. Письмо это подавало Дунѣ надежду, что, если уцѣлѣетъ московскій домъ, можно будетъ продать его по вольной цѣнѣ и уплатить долгъ генералу Огрызкову и тогда любимое Сергѣемъ Семеновичемъ Красное-сельцо достанется сыну его. Генералъ, которому Лебединскій сообщилъ это извѣстіе, говорилъ, что ничего такъ не желаетъ, какъ передать имѣніе Патокина его наслѣднику

Черезъ три дня Дуня явилась на rendez-vous, назначенное Румянцеву. Параша проводила ее до людской и воротилась. Онъ ждалъ барышню.

Румянцевъ былъ необыкновенно блѣденъ и дрожалъ.

— Садитесь, добрая барышня,—сказалъ онъ, указывая на кресла, — вамъ придется долго слушать то, что я буду вамъ разсказывать.—Я готовъ,—прибавилъ онъ, когда Дуня усѣлась, — не могу долѣе терпѣть. Слушайте и не пугайтесь: передъ вами воръ, грабитель.

Дуня дѣйствительно испугалась этого вступленія.

— Я не Іоасафъ. Слыхали-ль вы въ домѣ Патокиныхъ про Алешку, который во время пожара у нихъ укралъ 25 тысячъ изъ-подъ подушки умирающаго Семена Прохорыча, бѣжалъ съ этими деньгами и пропалъ.

— Слыхала.

— Я тотъ самый Алешка.

Румянцевъ остановился, замѣтивъ, что Изумрудова при этомъ словѣ вздрогнула, потомъ немного погодя началъ свой разсказъ.

«Отецъ мой былъ луковскій мѣщанинъ, ремесломъ бочаръ. Избенка на подпоркахъ, часто въ ней ни полѣна дровъ, ни куска хлѣба; мать моя, на которой мужъ срывалъ подъ часъ свое сердце отъ нужды и горя, или въ пьяномъ видѣ,—не тѣмъ онъ будь помянутъ,—вотъ, сударыня, какой жребій палъ на долю моихъ родителей. Мать моя умерла, только-что родила меня. Отецъ мой выпилъ косуху вина, постучался въ окно къ сосѣдкѣ и попросилъ ихъ помочь бабкѣ прибрать покойницу и ребенка. Съ этими словами онъ пропалъ. Въ то время была рекрутчина; черезъ нѣсколько дней узнали, что онъ нанялся охотникомъ въ солдаты, гулялъ на пропалую, леталъ на тройкѣ съ колоколами и глухарями, ѣлъ сладко, пилъ нѣмецкія вина. Протрезвился онъ какъ-то часика на два, сходилъ на могилу жены, отслужилъ на ней панихиду, поплакалъ надъ ней, понавѣдался обо мнѣ, перекрестилъ меня, перекрестился, и опять пустился въ разгулъ, и опять полетѣлъ на тройкѣ съ колоколами и бубенчиками. Видно, въ эти немногіе дни хотѣлъ попировать за всю прошлую и будущую горькую жизнь. Ему забрили лобъ. Съ того времени никто, никогда объ немъ болѣе не слыхалъ. Межъ тѣмъ добрая сосѣдка, вмѣстѣ съ бабкой, обмыла тѣло покойницы, снарядила и похоронила на свой счетъ, а меня взяла къ себѣ, хоть и сама была немного побогаче насъ. Добрые люди приносили на мое пропитаніе съ разныхъ дворовъ по плошечкѣ молока, мясники подарили коровьи сосцы и рожокъ. Надо было окрестить меня.—«Какой первый прохожій пойдетъ мимо двора, того и позову крестить»,—подумала сосѣдка ,и стала караулить у воротъ,—«кого Богъ пошлетъ мнѣ въ отцы крестные».

На счастье мое первый шелъ самъ голова Семенъ Прохорычъ Патокинъ-король. Сосѣдка разсказала ему про мое голое сиротство, про свой зарокъ и слезно взмолилась привести меня въ вѣру крещеную.

«— Воли Божіей не могу ослушаться, — сказалъ Семенъ Прохорычъ, — приходи съ ребенкомъ черезъ часокъ въ мою приходскую церьковь, а я къ тому времени приготовлю крестъ и бѣлье.—Окрестилъ меня Патокинъ-король, сыскалъ мнѣ кормилку и съ того времени имѣлъ обо мнѣ попеченіе. Все это мнѣ поразсказали, когда я подросъ и вошелъ въ разумъ. Мальчикомъ, лѣтъ двѣнадцати, взялъ меня хозяинъ къ себѣ въ услуженіе, обучилъ грамотѣ и счетамъ. Мало-помалу сталъ я находиться при его рукѣ. Полюбилъ онъ меня за то, что я содержалъ его опочивальню въ чистотѣ и порядкѣ. Какъ положитъ своею владычною рукой какую вещь или бумажку, такъ и клалъ я всегда на прежнее мѣсто, бережно смахнувъ изъ-подъ нея пыль. Да и на голосъ его былъ больно чутокъ. Бывало, спишь на войлочкѣ у дверей его опочивальни, а чуть крикнетъ: «Алешка»! я и сквозь сонъ слышу, да встрепенусь и стану передъ нимъ какъ листъ передъ травой. И на руку былъ чистъ. Лежитъ ли на столѣ серебрянная или золотая монета, позаришься на нее, перекинешь съ ладони на лодонь, полюбуешься, какъ солнышко въ ней играетъ, да и опять на мѣсто. За то даривалъ онъ мнѣ двугривенный, полтинничекъ, цѣлковый, разъ подарилъ и золотой, и всегда спроситъ, сколько въ нихъ начетомъ рублей и копѣекъ. Иной мальчикъ издержалъ бы на пряники, а я все коплю, да коплю, да любуюсь ими. Въ домѣ только и было рѣчи, что о деньгахъ, о барышахъ, какъ бы нажить болѣе, то и дѣло считали бумажки, считали серебро, золото. Заразился и я деньгами и сталъ падокъ на нихъ и все любилъ новенькія; появятся у меня ста-

рыя, тотчасъ мѣнялъ у Елизара Самсоныча. Подъ часъ спроситъ хозяинъ: «а что, Алешка, чай денежки свои пролакомилъ?» А я ему потокомъ серебрянныхъ такъ и выкачу на столъ изъ кошеля. Погладитъ меня по головѣ, да и промолвитъ: «копи, копи, Алешка, да накопи тысячу на черный день, не пропадешь, какъ отецъ». Узналъ Опенкинъ, что я накопилъ полсотню, да и взмани меня отдать ихъ въ ростъ черезъ его руки.—«Пройдетъ годъ»,—говорилъ онъ,—«на эту полсотню другую тебѣ доставлю». И въ самомъ дѣлѣ высидѣлъ онъ мнѣ черезъ годъ сотню. Росъ я и со мною росли мои деньги, да за то продалъ я душу свою сатанѣ. Что ни дѣлалось въ домѣ у Семена Прохорыча, какія рѣчи говорили, особливо про Елизара Самсоныча, все ему пересказывалъ, пересказалъ и то, что въ молодой нашей хозяйкѣ старикъ души не чаетъ, что она ворочать начала всѣмъ домомъ. Говорила, «воля ваша, батюшка, а Елизаръ вашъ мошенничаетъ». — «Поймай въ крупномъ дѣлѣ,—говорилъ старикъ,—такъ я имъ и съ потрохомъ тебѣ поклонюсь». Мнѣ минуло 19 лѣтъ. Сергѣй Семеновичъ уѣхалъ въ Англію, старикъ сильно заболѣлъ, лежалъ въ постели; Марѳа Михайловна поѣхала за тридцать верстъ въ монастырь, гдѣ былъ явленный образъ, помолиться за здравье болящаго, хотѣла тамъ отслушать всенощную, заутреню и обѣдню У больного подъ подушкой лежали въ пакетѣ 25 тысячъ рублей — хотѣлъ послать сыну въ Англію. Надписывалъ пакетъ Опенкинъ, а гдѣ деньги лежатъ, знали только Марѳа Михайловна, да я. Духъ лукавый шепнулъ мнѣ сказать про то Опенкину, а онъ и сталъ меня обольщать, какъ бы украсть ихъ.—«Того и гляди, умретъ старикъ, видишь, еле дышетъ», — говорилъ онъ,—«пожалуй, Марѳа Михайловна упечетъ тебя въ солдаты, вотъ ужь вчера задала тебѣ добрую потасовку, за то, что не скоро всталъ передъ ней». И

обѣщалъ мнѣ изъ этихъ денегъ пять тысячъ и паспортъ и научилъ бѣжать къ раскольникамъ. Я былъ молодъ, глупъ, прельстился на такое богатство и согласился.»

Румянцевъ глубоко вздохнулъ, какъ бы желая свалить съ груди тягость, которая его давила, помолчалъ минуты съ двѣ и потомъ продолжалъ дрожавшимъ, прерывистымъ голосомъ:

«Былъ часъ ночи. Елизаръ далъ мнѣ выпить стаканъ вина. Отъ роду не пилъ. Въ сердцѣ закипѣла отвага, хоть бы на чорта идти. Старикъ лежалъ съ закрытыми глазами. Полоумная старушка, жена его, спала въ ближней комнатѣ. Я вошелъ къ ней босыми ногами, на цыпочкахъ, и ввелъ туда же Елизарку. Старушка спала, прислуга ея за перегородкой храпѣла. Я задулъ лампадку, задвинулъ задвижку въ перегородкѣ, воротился въ опочивальню хозяина, поджогъ икону, занавѣсы, вытащилъ деньги изъ подъ подушки... Старикъ взглянулъ на меня мертвыми, оловянным глазами, таково грозно, поднялъ на меня кулакъ... Можетъ статься все это почудилось мнѣ по страху — куда и хмѣль дѣвался!

«Богъ свидѣтель, мы не трогали старика, онъ умеръ своею смертью... Только слышалъ я, какъ полуумная старушка разъ вскрикнула, только разъ, но таково страшно, инда меня чѣмъ-то по сердцу полоснуло—и замолкла... И теперь, какъ вспомню про этотъ часъ, за тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ, мнѣ все мерещется страшный взглядъ оловянныхъ глазъ Патокина и поднятая на меня рука его, мнѣ все слышится крикъ полуумной».

Румянцевъ опять остановился, помертвѣвшія губы его дрожали, холодныя капли пота выступили у него на лбу; онъ закрылъ глаза рукою, какъ бы хотѣлъ скрыться отъ видѣнія, которое его преслѣдовало. Въ

это время послышался надъ потолкомъ слабый крикъ и стенанія.

Какимъ-то ледянымъ холодомъ пробѣжало по сердцу Дуни. Ей самой стало страшно.

— Ничего,—сказалъ Румянцевъ, увидавъ, что его слушательница поблѣднѣла,—вверху живетъ кучеръ съ женой; у нихъ дѣвочка больна и мечется.

Тутъ Алексѣй, оправившись отъ собственнаго смущенія, разсказалъ, какъ онъ укрывался недѣли съ двѣ на чердакѣ у Опенкина (кормилъ его старый подъячій, тесть Елизара), какъ онъ, будучи въ бѣгахъ съ фальшивымъ паспортомъ, который далъ ему тотъ же подъячій, попалъ въ раскольничій скитъ. Тамъ увѣрили его, что если онъ перекрестится по ихнему, такъ съ новымъ именемъ, которое ему дадутъ при этомъ крещеній, всѣ старые грѣхи его останутся за Алексѣемъ. Перекрещенецъ Іоасафъ научился въ скиту божественному писанію, церковному пѣнію. Его считали тамъ лучшимъ пѣвчимъ. Но вслѣдствіи нашествія на обитель властей, которыхъ не могли *утолить* приношенія, онъ бѣжалъ, скитался долго въ Новороссійскомъ краѣ и купилъ себѣ новый паспортъ подъ именемъ херсонскаго мѣщанина Іоасафа Петрова Румянцева. Живя въ Одессѣ въ гостиницѣ буфетчикомъ, понравился Можайскому и съ того времени находился при немъ. Баринъ былъ картежникъ. Бывало, выиграетъ, такъ и сыплетъ деньгами, и ему не разъ давалъ по пригоршнѣ серебра, а дошелъ, наконецъ, до того, что самъ у него занялъ. И другіе игроки щедро даривали ему. Отпрашивался Іоасафъ у Можайскаго нѣсколько разъ, то на богомолье, то для свиданія съ родными, и въ то время видался съ Опенкинымъ. Въ послѣдній разъ ходилъ къ нему въ Луковки ужь изъ Гостиницъ. Въ то время былъ у него сынъ чиновникъ и тотъ, убоясь грозы, уговорилъ отца своего отдать ему, Алексѣю, тысячу рублей.

Условнымъ паролемъ было у нихъ слово: *горитъ*! Денегъ, полученныхъ отъ Опенкина и накопленныхъ у барина, Алексѣй не промоталъ, а отдавалъ ихъ въ ростъ, сначала подъ ручные залоги и, наконецъ, въ Гостинцахъ мужичкамъ *на вѣру*. Такимъ образомъ накопилъ до пяти тысячъ. Правда, находили на него, по временамъ, страхъ Божій, скорбь покаянія, но любостяжаніе брало верхъ.

— Съ того времени, какъвы пріѣхали сюда,—прибавилъ онъ, кончивъ свой разсказъ,—и я узналъ, что вы воспитанница Патокиныхъ, что они разорены по милости разбойника Опенкина, во мнѣ сильнѣе заговорилъ страхъ Божій. Не найду себѣ мѣста, сна не знаю. Только закрою глаза, то чертики передо мною прыгаютъ, то запылаетъ ликъ Симеона Богопріимца, то старики Патокины кричатъ мнѣ: «отдай, Алексѣй, деньги внуку Владиміру, и тогда Господь тебя помилуетъ».

Тутъ Алексѣй упалъ въ ноги Дунѣ, обнималъ ихъ, цѣловалъ и просилъ ее снять съ него тяжелый камень, который давитъ его денно и ночно.

— Дѣлайте со мною, что хотите,—говорилъ онъ,—выдайте меня головою суду, положу охотно повинную на плаху, мнѣ жизнь не въ мочь.

— Алексѣй, Алексѣй, что я сдѣлаю съ тѣмъ, что ты мнѣ открылъ,—сказала Дуня, грустно качая головой,—зачѣмъ признавался мнѣ? Ты смутилъ мою душу. Не мнѣ слабой женщинѣ, накладывать руки на грѣшника, не мнѣ разрѣшать твои узы. Только священникъ можетъ это сдѣлать. Положимъ, я нашла бы средство позвать тебя къ суду человѣческому; сердце мое этому противится, да и къ чему бы все это повело? Вспомни, сколько годовъ прошло съ того времени, какъ ты совершилъ преступленіе. Пойдутъ слѣдствія, разбирательства. Судъ человѣческій протянется годы...

Опенкинъ богатъ... ты сгніешь въ тюрьмѣ, а онъ, пожалуй, оправдается. Мертвые Патокины изъ могилы не встанутъ, да и живой отъ твоего несчастія не будетъ богаче.

— Такъ возьмите отъ меня деньги, отдайте ихъ наслѣднику, Владиміру Сергѣичу. Вотъ они, проклятыя!

Онъ выдвинулъ дощечку, искустно вдѣланную въ бревно стѣны, и вынулъ оттуда мѣшочекъ и старый бумажникъ, набитый кредитками.

— Онѣ жгутъ меня словно огнемъ геенскимъ. Здѣсь ровно то, за что я продалъ душу свою сатанѣ. Деньги, которыя понадобятся на мои похороны и поминъ души, положены у меня особо въ сундучкѣ.

— Не будешь-ли грустить о деньгахъ? Ты ихъ такъ любилъ.

— Любилъ окаянныхъ, а теперь онѣ мнѣ противны. Возьмите ихъ, сберегите до Владиміра Сергѣича; неравно умру.

— Пожалуй, но я дамъ тебѣ въ нихъ росписку.

— Росписку, отъ васъ? Нѣтъ, душа ваша мнѣ порукой, что онѣ пойдутъ въ руки къ наслѣднику Патокиныхъ.

— Гдѣ я буду хранить такую сумму?

— Отдайте на храненіе Михайлѣ Андреичу, будто свои, онъ человѣкъ вѣрный.

— Всѣ знаютъ, что у меня нѣтъ денегъ.

— Сдѣлайте, какъ хотите, только избавьте меня отъ нихъ, не то наложу на себя руки.

Дуня взяла деньги и принесла ихъ домой. Здѣсь позвала къ себѣ Суздалина и просила сохранить эти деньги до прибытія Владиміра Сергѣевича изъ плѣна.

— Что за деньги — не спрашивайте меня, ради Бога, не говорите объ нихъ никому. Онъ... Іоасафъ

отдалъ мнѣ ихъ для Володи. Это его тайна и должна остаться между нимъ, мной и Богомъ.

Черезъ недѣли двѣ назначена была свадьба; Дуня собралась къ Болтуновымъ. Катерина Александровна взяла съ нея слово тотчасъ переѣхать въ Гостинцы, лишь только не понравится ей у сосѣда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Румянцевъ предсказывалъ вѣрно—Дуня мелькнула въ домѣ Болтуновыхъ, какъ молодой мѣсяцъ на небѣ, да и тутъ заволокла его черная туча. Иванъ Петровичъ, привыкшій къ легкимъ побѣдамъ надъ женскимъ поломъ и каждый день отуманенный винными парами, сталъ не на шутку за нею ухаживать, цѣловалъ у ней, ни за что, ни про что, руки, отпускалъ ей разныя конфектныя любезности. Сначала она отдѣлывалась отъ нихъ шутками, намеками, но видя, что онъ ихъ не хочетъ понимать, выразила ему довольно рѣзко свое неудовольствіе. Когда Дуня замѣтила ему, что, по лѣтамъ своимъ, не считаетъ себя вправѣ принимать почтительныя изъясненія сыновней нѣжности вродѣ цѣлованья рукъ, онъ отвѣчалъ, что не имѣлъ глупой мысли видѣть въ ней старушку и скорѣй можетъ называть ее милой, очаровательной сестрицей, такъ какъ она Петровна, а онъ Петровичъ. Мало того, Болтуновъ подкупалъ Парашу, подпивши осмѣлился даже посягнуть на поцѣлуй въ полутемномъ коридорѣ, гдѣ подкараулилъ *свою* гувернантку и, когда она прочла ему грозную отповѣдь, имѣлъ дерзость сказать:

— Мѣщаночка, и еще спѣсива! На долго-ли?...

— Вы дворянинъ, а я, мѣщанка,—отвѣчала она,— должна вамъ сказать, что ваше поведеніе хуже, чѣмъ послѣдняго изъ вашихъ слугъ.

Послѣ такой перемолвки ей оставалось, не дожидаясь дальнѣйшихъ преслѣдованій россійскаго ловеласа, тотчасъ разстаться съ его домомъ. Но какъ это сдѣлать? Одной воли ея было не достаточно. Она взяла впередъ двѣсти рублей и должна была, во чтобы ни стало, возвратить ихъ; въ противномъ случаѣ Иванъ Петровичъ могъ требовать, чтобы она *зажила* эти деньги. У ней на лицо было только сто двадцать пять рублей; семьдесять пять издержаны были передъ отъѣздомъ изъ Москвы.

«Вотъ, въ какой суммѣ нахожусь я въ кабалѣ у этого негодяя,»—думала она, ходя въ сильномъ волненіи по своей комнатѣ. Прибѣгнуть къ Можайской или Суздалину было ей совѣстно и тяжело.

Горничная Параша, узнавъ отъ ней причину ея тревожнаго состоянія, спѣшила выручить ее.

— Возьмите изъ моей казны,—сказала она, — вы знаете, что бабушка Владиміра Сергѣича, умирая, отказала мнѣ деньги. Я ихъ тогда жь получила отъ Сергѣя Семеныча и сберегла на черный день, или...

Параша смутилась и не договорила.

— Для твоего приданаго, на случай свадьбы,— подсказала Дуня. — Ты спасаешь меня отъ большого горя, дружекъ.

Получивъ отъ Параши 75 рублей, она въ тотъ же день, безъ всякихъ переговоровъ съ Ивавомъ Петровичемъ, отнесла двѣсти рублей его женѣ, объявила, что немедленно выѣзжаетъ изъ дома и просила для себя лошадей до Можайской.

Болтунова, прощаясь съ Изумрудовой, крѣпко, крѣпко обняла ее и перекрестила. Объясненій между ними не было: причину отъѣзда Авдотьи Петровны

слишкомъ хорошо понимала бѣдная женщина. Лиза, успѣвшая полюбить свою новую гувернантку, горько плакала. Нельзя было безъ глубокой грусти смотрѣть на эти два несчастныя созданія: одна умирала медленною смертью подъ ударами домашняго палача, стараясь еще слабыми руками держаться за землю, на которой оставляла свое любимое дитя при отцѣ круглою сиротой; другая... Что могло ожидать ее впереди, послѣ смерти ея матери? У Ивана Петровича была сестра, старая, сердитая дѣва, подчинившая его своему властолюбію видами богатаго наслѣдства и потворствомъ его слабостямъ. Мысль, что Лиза попадетъ подъ ярмо этой суровой женщины, леденила сердце Болтуновой.

Дуня начала укладывать свои вещи и послала Парашу узнать, скоро ли будутъ готовы лошади. Параша возвратилась съ отвѣтомъ, что Иванъ Петровичъ строго на строго приказалъ не давать лошадей и не слушаться барыни. Тогда Дуня написала къ Можайской письмо, которымъ просила немедленно прислать за нею сани. Отнести это письмо никто бы изъ прислуги Болтуновой, конечно, не посмѣлъ. Параша и тутъ явилась на выручку своей госпожи, для которой готова была въ огонь и въ воду. Ночь была темная, частый снѣгъ, падавшій мокрыми хлопками, слѣпилъ глаза; по дорогѣ, хотя и недальней, попадались ужь зажоры; въ это время года волки, не умѣющіе выражать свою любовь къ своимъ нѣжнымъ половинамъ иначе, какъ жалобными завываніями, наводили ими страхъ на ночныхъ путниковъ. На всякій случай вооружась, не безъ смѣха, большими ножницами и напутствуемая благословеніями Дуни, Параша отправилась съ письмомъ.

Изумрудова, по уходѣ ея, наклонившись надъ чемоданомъ, спѣшила укладывать въ него свои вещи.

Кто-то, крадучись, вошелъ въ комнату. Она оглянулась, — у двери стоялъ Иванъ Петровичъ и шарилъ около замка, вѣроятно, искалъ ключа, чтобы запереть дверь; но, вспомнивъ, что онъ еще по утру вынулъ его для какой-то цѣли, скинулъ съ шеи галстухъ и сталъ имъ завязывать ручки у двухъ половинокъ двери. Глаза его горѣли, зловѣщимъ огнемъ; замѣтно было, что онъ порядочно вкусилъ виноградnаго опіума, потому что руки его не твердо дѣйствовали.

Дуня, испуганная этимъ появленіемъ, поднялась и грознымъ голосомъ спросила, что ему надо.

— Вы не хотѣли со мной проститься, такъ я за этимъ самъ пришелъ,—отвѣчалъ онъ, усмѣхаясь.

— Выйдите вонъ, сударь, или я буду звать на помощь. Пускай прибѣгутъ сюда ваша жена, ваша дочь, вся ваша прислуга.

— Зовите, сколько угодно; жена и дочь подъ ключемъ, прислуга не посмѣетъ войти.

Болтуновъ продолжалъ завязывать ручки у двери. Тогда Дуня осмотрѣлась, соображая, какъ ей дѣйствовать противъ негодяя. Съ быстротою молніи она схватила со стола перочинный ножикъ и открыла клинокъ.

— Клянусь всемогущимъ Богомъ, — сказала она,— если осмѣлитесь только коснуться меня своими скверными руками, вы страшно поплатитесь за это. Помните, я защищаюсь отъ разбойника.

Въ эту минуту лицо ея было ужасно, глаза сверкали, въ голосѣ слышалась рѣшимость исполнить эту угрозу.

Клинокъ ножичка блеснулъ передъ глазами Болтунова.

Онъ видимо оторопѣлъ

Дуня это замѣтила и, пользуясь его смущеніемъ, съ необыкновенною силой, которую придавало ей отчаяніе, оттолкнула его такъ, что онъ пошатнулся, раз-

рѣзала ножомъ платокъ, которымъ злодѣй успѣлъ завязать ручки двери, и плечомъ толкнула ее такъ, что обѣ половинки ея разлетѣлись съ шумомъ въ разныя стороны.

Передъ порогомъ двери стояла Анна Васильевна.

Бѣло-восковое лицо, потухшіе глаза, запекшіяся губы, будто подернутыя землею, бѣлый пенюаръ, какъ саванъ, облекавшій ея станъ,—все придавало ей видъ мертвеца, вставшаго изъ гроба.

Анна Васильевна хотѣла что-то сказать, но не могла. Она кашлянула, исхудалою рукой судорожно схватила себя за грудь и прижала къ губамъ батистъ пенюара.

На немъ означилось большое, темнорозовое пятно.

Это пятно было краснорѣчивѣе всякаго слова.

— Смотрите,—сказала Дуня, обращаясь къ Ивану Петровичу, пораженному необыкновеннымъ, какъ бы чудеснымъ появленіемъ жены,—это ваше дѣло.—Горе вамъ, если кровь этой мученицы падетъ на вашу голову.

Анна Васильевна готова была упасть; Дуня поддержала ее и бережно отвела на свою постель.

Иванъ Петровичъ скрылся.

Какъ появилась во-время у Дуниной комнаты Анна Васильевна, бывшая въ заключеніи, спросятъ насъ.

Домашняя фаворитка его, изъ ревности къ гувернанткѣ, слѣдившая за нимъ, отыскала ключъ, которымъ была заперта барыня ея, и дала ей свободу.

Болтуновы, да еще *получше*, не такъ давно водились, можетъ быть, еще и теперь водятся на Руси [1]). Помню, лѣтъ семь, восемь тому назадъ, жилъ въ одной изъ серединныхъ нашихъ губерній подобный дикій ба-

---

[1]) Это было писано до манифеста 19 февраля. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія. Болтуновы, вѣроятно, переводятся.

ринъ. Онъ былъ очень богатъ, свѣтски образованъ ѣзжалъ въ чужіе края просвѣщаться. Одною изъ многочисленныхъ, эксцентрическихъ затѣй его, которыхъ оглашеніе заглушалъ онъ звономъ бокаловъ и разными угожденіями мѣстнымъ властямъ, было запрягать въ телѣжку жену и фаворитку свою, первую въ корень, а другую на пристяжку, въ одеждѣ античныхъ статуй. Возсѣдая на этой колесницѣ, онъ, съ бичемъ въ рукахъ, заставлялъ свою двуногую упряжь возить его по двору при громкихъ кликахъ крѣпостной публики. Эти потѣхи дошли, однакожъ, до свѣдѣнія правительства; онъ посаженъ былъ въ острогъ. Дальнѣйшая его участь мнѣ неизвѣстна.

Пріѣхалъ отъ Можайской экипажъ и съ нимъ Іоасафъ Румянцевъ. Дуня простилась еще разъ съ Анной Васильевной и спѣшила покинуть домъ Болтунова, гдѣ жила такъ мало и откуда выносила такъ много тяжелыхъ воспоминаній. Долго еще на яву и во снѣ мерещилось ей кровавое пятно.

На вопросы Катерины Александровны о причинѣ ея скораго отъѣзда изъ дома Болтуновыхъ, она могла только отвѣчать слезами.

Черезъ день Дуня получила отъ Анны Васильевны письмо, исполненное самыхъ нѣжныхъ изъясненій любви, какія могла только написать мать своей любимой дочери. — «Когда вы узнаете о моей смерти»,—писала она въ заключеніе его,—«помните, что я въ послѣднія минуты моей горькой жизни благословила васъ; Лиза цѣлуетъ ваши руки. О! еслибъ я могла поручить ее вамъ, я умерла бы съ радостью».

Письмо это было показано Катеринѣ Александровнѣ. Оно бросало свѣтлый лучъ на поведеніе Дуни въ домѣ Болтуновыхъ.

Суздалинъ успѣлъ, однакожъ, по секрету вывѣдать отъ Параши разъясненіе темной для него исторіи.

Онъ вспылилъ и поскакалъ къ Болтунову.

Его не приняли, между тѣмъ какъ онъ видѣлъ Ивана Петровича у окна.

Тогда Суздалинъ написалъ къ нему: «Я рекомендовалъ вамъ Авдотью Петровну Изумрудову, какъ сестру свою. Вы глубоко оскорбили ее. Принимаю это оскорбленіе на свое лицо и требую отчета въ вашихъ *низкихъ*, *подлыхъ* и *дурацкихъ* поступкахъ».

Болтуновъ отвѣчалъ: «Не угодно ли вѣдаться со мною на *гербовой*? А я, отецъ семейства, которому дорога его жизнь, не желаю подвергать ее опасности изъ-за клеветы какой-нибудь мѣщанки».

Онъ храбрился, потому что въ то же время выигралъ на гербовой свое прежнее дѣло по жалобѣ крестьянъ.

Суздалинъ, понимая, что Изумрудова не захотѣла бы, чтобъ имя ее ходило по присутственнымъ мѣстамъ, не сталъ вѣдаться съ Болтуновымъ судомъ, а составилъ слѣдующее домашнее свидѣтельство: «Дворянинъ Иванъ Петровъ, сынъ Болтуновъ, на благородный вызовъ, въ которомъ названъ былъ низкимъ человѣкомъ, подлецомъ и дуракомъ, отвѣчалъ, что за такія слова не желаетъ подвергать жизнь свою опасности, и потому мы свидѣтельствуемъ, что онъ призналъ за собою эти названія». Подписали Суздалинъ и еще трое лицъ, достойно уважаемыхъ въ обществѣ.

Свидѣтельство отослано къ Болтунову съ требованіемъ росписки въ полученіи. Росписки не дано Но храбрый ловеласъ, испугавшись огласки, спѣшилъ уѣхать къ сестрѣ своей, въ какую-то дальнюю губернію, влача за собою свои жертвы и свой гаремъ.

Тѣмъ исторія эта и кончилась.

И вотъ, Дуня, какъ птичка, сгоняемая бурями съ одного гнѣзда на другое, опять въ домѣ Можайской до того времени, пока не сыщетъ себѣ новаго пріюта,

можетъ быть, такого жь горькаго, какъ у Болтуновыхъ. Ей рады, ей хорошо въ этомъ домѣ, ее такъ всѣ любятъ, но тайная грусть снѣдаетъ ее. Говорятъ о мирѣ, а Володи нѣтъ какъ нѣтъ.

Часамъ къ восьми вечера въ домѣ приготовленія къ свадьбѣ были въ полномъ разгарѣ. Модистки, выписанныя изъ Москвы, швеи, портнихи, разбирали бѣлье, наряды, примѣривали, укладывали, шили, гладили; домашняя прислуга, отъ важныхъ старухъ, сердито повелѣвавшихъ, до вертлявыхъ дѣвчонокъ, бывшихъ на побѣгушкахъ, суетилась и сновалась, какъ угорѣлая. Точно царство муравьевъ, когда наступилъ ихъ годовой, брачный пиръ!

Дуня сидѣла одна въ своей комнатѣ.

Съ полными слезъ глазами она смотрѣла то на портреты Маѳы Михайловны и Сергѣя Семеновича, то на портреты Володи, которые всѣ ужь ей одной принадлежали.

Какую грустную бесѣду вела она съ ними!

Вошла Параша. Погруженная въ свои мрачныя мысли, Дуня вздрогнула. Служанка, видимо оторопѣвшая, таинственно докладываетъ, что пріѣхалъ Суздалинъ изъ города и желаетъ ее видѣть.

— Суздалинъ только часа съ четыре уѣхалъ изъ Гостиницъ и не хотѣлъ быть нынѣ; что ему надо? Случилось что-нибудь необыкновенное.

— Можно къ вамъ войти?—спрашиваетъ Суздалинъ, стуча къ ней потихоньку въ дверь,—я не одинъ, со мною мой пріятель...

— Прошу, — отвѣчаетъ Дуня дрожащимъ голосомъ.

Дверь отворяется... Передъ ея глазами, отуманенными испугомъ, какой-то офицеръ, въ адъютантскомъ мундирѣ, съ солдатскимъ георгіевскимъ крестомъ на груди; шрамъ перерѣзалъ одну изъ его бровей и по-

вторился на щекѣ и подбородкѣ, онъ немного прихрамываетъ.

— Володя! — вскрикиваетъ она, и падаетъ въ его объятія.

— Дуня, милая Дуня! — можетъ онъ только сказать, цѣлуя ее.

Суздалинъ оставляетъ ихъ однихъ.

Слезы, жаркіе поцѣлуи, еще никогда ею неизвѣданные, никогда еще такъ сладко не волновавшіе ея дѣвственной груди, разсказы безъ конца о послѣднихъ дняхъ его отца и матери (много горькаго для Володи было скрыто ею), безмолвное упоеніе любви,—все было перемѣшано въ этомъ свиданіи.

Рука въ руку, они оставались одни часъ, два, три' забывъ, что хозяйка дома не видѣла еще пріѣзжаго, забывъ цѣлый міръ. Что было съ ними со времени ихъ разлуки, какъ они любили другъ друга, когда это было имъ запрещено, что они перечувствовали въ это время, всѣ тайны души, которыя они скрывали отъ свѣта, отъ родныхъ, другъ отъ друга, которыя зналъ одинъ Богъ, раскрылись передъ ними.

— Не правда-ли,—спросилъ онъ Дуню,—я сталъ оченъ безобразенъ?

— Ты для меня все тотъ же красавецъ, какимъ знала я тебя прежде, какимъ для меня навсегда останешься,—отвѣчала она, крѣпко обвивъ его шею своими руками, цѣловала его въ лобъ и въ глаза, надъ которыми палашъ непріятеля оставилъ свой почетный слѣдъ.

Наконецъ они вспомнили, что находятся въ чужомъ домѣ и что ихъ, вѣроятно, ожидаютъ. Они вошли, держа другъ друга за руку, въ гостиную, гдѣ была и Катерина Александровна, на этотъ разъ нарушившая свою келейную жизнь. Гостинцевское общество ожидало ихъ съ видимымъ нетерпѣніемъ. Таечка пер-

вая замѣтила, что у нихъ на пальцахъ блестѣло по обручальному кольцу. Дуня горѣла отъ восторга. Она отрекомендовала всѣмъ своего жениха. Владиміръ Сергѣевичъ благодарилъ хозяйку дома за ея доброе, дружеское расположеніе къ Дунѣ, благодарилъ Таисію Дмитріевну, мистрисъ Гордонъ, маленькую Алисъ. Ужинъ былъ полуночный. Пили за здоровье и счастье *старыхъ* и *новыхъ* жениха и невѣсты. Сама Катерина Александровна оживилась, приняла участіе въ общихъ разговорахъ и была любезна, какъ въ былое время. Владиміръ Сергѣевичъ разсказывалъ много интереснаго о своемъ плѣнѣ. Она отзывалась *своимъ* домашнимъ, и тѣ соглашались съ ней, что несмотря на боевые знаки, лицо его не потеряло той привлекательности, какую находили прежде въ портретахъ его. Умная, пріятная рѣчь его очаровала гостинцевское общество.

На другой день Дуня вспомнила объ Алексѣѣ. Она удивилась, что тотъ, кто такъ интересовался молодымъ Патокинымъ и ждалъ его съ такимъ нетерпѣніемъ, не пришелъ къ нему даже до сихъ поръ. На спросъ объ немъ ей сказали, что Іоасафъ сильно заболѣлъ, ужь исповѣдывался и причастился. Когда за нею послали лошадей къ Болтуновымъ, онъ непремѣнно хотѣлъ ѣхать за *своей* барышней, вскочилъ въ сани, между тѣмъ какъ лошади тронули, и сильно ударился грудью объ козлы. Несмотря на боль, онъ все-таки поѣхалъ за ней и, принимая ее изъ дому Болтуновыхъ, не показалъ ей вида, что страдаетъ.

Дуня, вмѣстѣ съ своимъ женихомъ, поспѣшила навѣстить Румянцева и нашла у него священника. Больной едва дышалъ, но увидавъ дорогихъ гостей, силился улыбнуться, между тѣмъ слезы пробивались изъ глазъ. Владиміръ Сергѣевичъ обнялъ его, Дуня поцѣловала. Священникъ передалъ имъ, что глубоко покаявшійся *Алексѣй* разрѣшенъ отъ грѣховныхъ узъ вла-

стію нашего Спасителя и объявилъ, что умирающій подтвердилъ свою волю на счетъ пяти тысячъ оставляемыхъ въ наслѣдство молодому Патокину.

Черезъ два часа Алексѣя не стало.

Владиміръ Сергѣевичъ собирался выдти въ отставку, но такъ какъ дивизія, которой начальникомъ былъ его генералъ, взявшій его послѣ плѣна опять къ себѣ въ адъютанты, должна была по прибытіи съ похода расположиться въ суходольской и смежной губерніяхъ, то и пріѣхалъ онъ въ Суходольскъ съ офицеромъ генеральнаго штаба для составленія квартирной дислокаціи. Послѣ исполненія этой обязанности, онъ твердо намѣренъ былъ разстаться съ военною службой, въ которой его состояніе не позволяло ему долѣе оставаться. По случаю даннаго ему порученія онъ обязанъ былъ явиться къ губернатору.

Въ пріемной сидѣлъ, какъ и прежде, Хрюконовскій, погруженный въ дремоту, на креслахъ, носившихъ его имя. Услыхавъ бряцанье шпоръ, онъ встрепенулся. Вошедшій офицеръ былъ съ крестомъ на шеѣ, и потому Никодимъ Ивановичъ расшаркался передъ нимъ и съ должною деликатностью спросилъ, что ему надо.

— Мнѣ нужно дежурнаго,—отвѣчалъ сухо Владиміръ Сергѣевичъ.

Явился дежурный.

— Доложите губернатору,—сказалъ онъ ему,—что пришелъ адъютантъ такого-то генерала, гвардіи штабсъ-капитанъ Патокинъ и имѣетъ надобность переговорить съ его превосходительствомъ.

При этомъ имени Никодимъ Ивановичъ, до сихъ поръ не узнавшій бывшаго Володю, поблѣднѣлъ и кряхтя спѣшилъ ускользнуть изъ пріемной. Губернаторъ тотчасъ велѣлъ просить къ себѣ Патокина въ кабинетъ. Какъ нарочно, въ кабинетѣ сидѣлъ и дру-

гой старинный пріятель Володи, бывшій старшина «*Благороднаго Собранія*» и мужъ Минервы въ «своемъ родѣ».

Владиміръ Сергѣевичъ, исполнивъ свои служебныя обязанности, подалъ въ отставку и, до разрѣшенія ея, получилъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Можайская просила его оставить у нея Авдотью Петровну до того времени, пока трауръ по отцѣ его и матери на кончится и онъ не приведетъ дѣлъ своихъ въ порядокъ.

Въ Москвѣ, только что выпрыгнувъ изъ почтовой телѣжки, онъ бросился къ своему стряпчему, Лебединскому.

— Поздравляю тебя, другъ, — закричалъ Орестъ Григорьевичъ, обнимая его,—поздравляю тебя съ возможно благополучною развязкой твоихъ дѣлъ. Московскій твой домъ уцѣлѣлъ, за него даютъ съ перваго слова болѣе того, что ты долженъ генералу Огрызкову. Я только на дняхъ изъ Расторгуева. Имѣніе твоего отца, кромѣ этого дома, пошло съ торговъ за хорошую цѣну, несмотря на всѣ козни Опенкина, чтобы удержать его за собою. Онъ употреблялъ и подкупъ и подобралъ къ торгу людей подъ масть себѣ, которымъ обѣщалъ *отступныя*. Ему не удалось купить фабрику. На первыхъ торгахъ она осталась было за нимъ, но я заранѣе имѣлъ осторожность увѣдомить объ этой продажѣ Джонса, какъ онъ просилъ твою мать. Пріѣхалъ Джонсъ, наддалъ значительную сумму и вырвалъ фабрику изъ рукъ мошенника. Луковскій домъ и лавки, стоявшіе отдѣльно въ описи, достались, однакожъ, этому бездѣльнику. Богатую мебель изъ дома я успѣлъ вывезти въ Красное-сельцо.

— Да, другъ, онъ стоитъ прекрасныхъ эпитетовъ, которыми ты его честишь,—сказалъ Владиміръ Сергѣевичъ, и передалъ Лебединскому исторію Іоасафа-Алексѣя.

Эта исторія сильно взволновала молодого адвоката.

— Кабы не умеръ, кабы не умеръ!—твердилъ онъ, ударяя себя въ лобъ, и не сказалъ ничего болѣе, но видно было, что онъ сильно озабоченъ и замышляетъ что-то.

На другой день, рано утромъ, явился къ Владиміру Сергѣевичу адвокатъ его.

— У меня въ головѣ,—сказалъ онъ,—вчера вечеромъ, на сонъ грядушій, явилась во всеоружіи, какъ Минерва въ головѣ Юпитера, великолѣпная мысль. Я хочу доказать нашимъ стряпчимъ-крючкамъ, что не одни они способны на геніальныя штуки, которыя изъ рода въ родъ передаются на удивленіе приказнаго люда. Если моя штука удастся, ее стоитъ напечатать въ любомъ европейскомъ юридическомъ журналѣ.

— Я знаю,—замѣтилъ Володя,—что ты не любишь коптѣть надъ трудными юридическими журналами, не любишь долго соображать, обдумывать, перебирать мысленно всѣ шансы pro и contra, а дѣйствуешь прямо, по вдохновенію свѣтлой минуты, на шахъ и матъ. Ты и въ университетѣ удивлялъ профессоровъ экспромтами. Только смотри, не кипятись, какъ они же тебѣ наказывали. Но въ чемъ дѣло?

— Это моя тайна. Осуществится—юристы, слѣдователи, мнѣ будутъ рукоплескать, не осуществится,—она такъ и останется тайною. А покуда мы съ тобою простимся на нѣсколько дней. Всѣ твои акты подготовлены къ окончательной подписи, и ты отпустишь меня на этотъ срокъ.

По отъѣздѣ Лебединскаго Владиміръ Сергѣевичъ продалъ свой московскій домъ, расплатился съ генераломъ Огрызковымъ и пріобрѣлъ отъ него по купчей Красное-сельцо, съ которымъ, и за продажею части лѣса, можно было бы еще безбѣдно жить. Онъ оста-

вался еще въ Москвѣ для совершенія окончательныхъ актовъ по своимъ дѣламъ.

Въ Луковкахъ, въ домѣ, бывшемъ Патокина, кипѣла работа. Новый владѣлецъ, Опенкинъ, отдѣлывалъ его подъ трактиръ, харчевню, кабакъ, лавки и постоялые дворы. Себѣ онъ отдѣлилъ только три комнаты въ нижнемъ этажѣ и кладовую подъ сводами. Изъ оконъ могъ онъ любоваться на фабричныя зданія и слышать, какъ весело покрикивалъ паровикъ и стучали машины. Сердце его надрывалось отъ злости, что не ему принадлежитъ фабрика, а заклятому врагу его, Джонсу. Онъ, въ чаяніи обладать ею, записался даже въ купцы 1-й гильдіи. Судьба въ этомъ случаѣ горько надъ нимъ подшутила и разрушила всѣ его лучшія надежды. Правда, его богатству, въ лицѣ его, низко и пренизко кланялись луковскіе граждане, даже на выборахъ предлагали его въ головы, однакожъ не выбрали, сказали: «*нельзя, подъ колоколами прошелъ*».

О данной ему пощечинѣ никто не зналъ, а если бы и знали, стоило ли разсуждать о такой бездѣлицѣ. Всѣ эти неудачи сильно озадачивали его, несмотря на уваженіе къ нему города и на то, что сундучокъ его, окованный жестью, заключалъ къ себѣ едва ли не на милліонъ начетомъ. Онъ терзался и придумывалъ, какъ бы стереть англичанина долой съ глазъ своихъ. Но эти безконечныя думы лились, лились, какъ потоки воды въ бездонную бочку. Казалось, крикъ паровика съ каждымъ днемъ сильнѣе и веселѣе торжествовалъ побѣду надъ нимъ Джонса. Въ этомъ тревожномъ состояніи застало его письмо отъ сына, Самсоши. Прочтя его, Елизаръ Самсоновичъ зарыдалъ, можетъ быть, первый разъ въ жизни, рвалъ на себѣ волосы и, на спросъ стараго подъячаго, тестя своего, кричалъ только: «Самсоша! Самсоша! пропала моя голова! Мнѣ не для чего болѣе жить; зароюсь живой въ землю».

Письмо это было бѣдно строками, но чревато содержаніемъ. Самсоша зарвался на фортеляхъ, его отдавали подъ военный судъ. Будущій генералъ, который нѣкогда мысленно рисовался передъ отцомъ своимъ съ лентою черезъ плечо, могъ ожидать себѣ, вмѣсто ея, солдатскую лямку. Самсоша просилъ и денегъ. Полученныя отъ Патокина по векселямъ, нѣжный родитель умѣлъ прибрать къ себѣ на сохраненіе. Елизаръ Самсоновичъ послалъ ему небольшую сумму.—«Больше не пошлю»,—говорилъ онъ тестю,— «Самсоша уменъ, выпутается, какъ знаетъ, а я не намѣренъ разоряться за его оплошность». Въ ожиданіи, что какой-нибудь фортель спасетъ сына, онъ успокоился. Но судьба стала нагонять на его голову ударъ за ударомъ, какъ онъ нѣкогда нагонялъ ихъ на голову своего благодѣтеля.

Въ одно прекрасное утро явился къ нему Лебединскій. Опенкинъ былъ одинъ.

«— Горитъ! Алексѣй!» — говоритъ ему громовымъ голосомъ роковой посѣтитель

Опенкинъ поблѣднѣлъ, затрясся и не зналъ, что сказать, лицо его ужасно подергивало.

— Слушай,—продолжалъ Лебединскій,—сообщникъ твой Алешка открылъ мнѣ все. Вы украли съ нимъ изъ-подъ подушки умиравшаго Патокина-короля 25 тысячъ, ты закрылъ подушкой лицо полоумной жены его, чтобы она не кричала, держалъ у себя на чердакѣ своего сообщника, твой тесть далъ ему фальшивый паспортъ. Алешка, бывши въ бѣгахъ, жилъ въ Брянскихъ лѣсахъ въ скиту. Потомъ онъ бѣгалъ по Новороссійскому краю, досталъ себѣ новый паспортъ подъ именемъ херсонскаго мѣщанина Іоасафа Петрова Румянцева, жилъ въ Одессѣ въ гостиницѣ, оттуда перешелъ къ барину Можайскому, теперь живетъ у вдовы его, въ суходольской губерніи и уѣздѣ, въ

сельцѣ Гостинцахъ. Слушай еще. Въ запрошлый годъ онъ приходилъ къ тебѣ въ Луковки за разсчетомъ. У тебя былъ тогда сынъ, комиссіонеръ 7-го класса Самсонъ Елизаровъ. Этотъ сынокъ заставилъ тебя отдать ему изъ условленныхъ съ тобою за воровство денегъ тысячу рублей. Алексѣй со мною здѣсь въ Луковкахъ, и ждетъ только моего слова, чтобы заявить все въ судѣ. Съ нимъ его старый паспортъ, который смастерилъ твой тесть, и новый.

Безстрашный доселѣ Опенкинъ, герой во всѣхъ отчаянныхъ случаяхъ жизни, прошедшій сквозь огонь и воду, на этотъ разъ оплошалъ, струсилъ и растерялся. Внезапность появленія Лебединскаго и открытія роковой тайны, которая, думалъ онъ, похоронена на вѣки, мысль о каторгѣ, о потери богатства, о письмѣ сына, отняли у него всѣ умственныя и душевныя силы. Надъ нимъ сбывалась пословица: «и на мудреца находитъ простота».

Онъ нашелъ только слова, чтобы просить пощады.

— Хорошо, — сказалъ Лебединскій, — я стряпчій, крючокъ, и готовъ помириться съ тобою на деньгахъ. Помни, твоя судьба въ моихъ рукахъ. Внеси мнѣ сумму, украденную у старика Патокина, и тогда я спрячу концы въ воду.

Опенкинъ сталъ было торговаться, но Лебединскій былъ неумолимъ.

— Ты укралъ 25 тысячъ, отдалъ 4 тысячи Алешкѣ, онъ возвратилъ ихъ, возврати и ты двадцать одну тысячу. Разсчетъ милостивъ. Клянусь, ни копѣйки не возьму менѣе.

— Но кто поручится мнѣ, что вы не затѣете новаго дѣла?

— Вотъ тебѣ мое послѣднее слово. Ты отдашь мнѣ деньги съ запиской, что въ благодарность къ памяти твоего благодѣтеля, Сергѣя Семеныча Патокина, ра-

зореннаго неудачнымъ подрядомъ, ты, отъ своего достоянія, нажитаго у него многолѣтней службой, бережливостью и частными оборотами, вносишь сыну его, гвардіи штабсъ-капитану Владиміру Сергѣичу, черезъ посредство его повѣреннаго такого-то, 21 тысячу. А я дамъ тебѣ росписку тоже, какъ повѣренный его, что никогда, ни по какому дѣлу, какое бы впредь могло возникнуть со стороны Патокина, его повѣренныхъ и даже служителей, бывшихъ, и нынѣшнихъ, какія бы имена они ни носили, несмотря на давность времени могущаго открыться иска, я ручаюсь за себя и за упомянутаго наслѣдника Патокина не начинать никакого дѣла; въ противномъ случаѣ обязываюсь я, или онъ, наслѣдникъ, заплатить такому-то купцу Опенкину вдвое полученныхъ отъ него денегъ.

— Могу ли повидаться съ Алексѣемъ?

— Не иначе, какъ въ судѣ или въ полиціи, если ты не согласишься на мое предложеніе. Принеси мнѣ сейчасъ деньги; черезъ полчаса будетъ поздно. Если ты согласишься, черезъ часъ насъ въ Луковкахъ не будетъ и ты насъ никогда не увидишь. Во всемъ, что я сказалъ тебѣ на счетъ нашего условія, клянусь тебѣ Всемогущимъ Богомъ. Какъ законникъ, скажу тебѣ еще: ты самъ долженъ разсудить, что я не могу затѣять съ тобою вновь дѣла, не подвергнувъ себя отвѣтственности за то, что, зная теперь твое преступленіе, не предалъ тебя сейчасъ слѣдствію и суду.

Опенкинъ, подумавъ немного, отправился въ другую комнату и переговорилъ съ тестемъ. Старый подъячій, испуганный переданною ему вѣстью, совѣтовалъ помириться.

— Развѣ не истратишь болѣе, когда поведутъ дѣло,—говорилъ онъ, —да еще сколько хлопотъ, сколько мытарства и волокиты предстоитъ! Пожалуй, еще за-

садятъ насъ въ острогъ. Надо покориться судьбѣ; видно, таково наше счастіе!...

Опенкинъ воротился къ своему обличителю и отсчиталъ ему 21 тысячу.

Съ обѣихъ сторонъ даны были условленныя записки.

Передъ выѣздомъ изъ Луковокъ, торжествующій адвокатъ написалъ Опенкину письмо, въ которомъ была только одна строка: «*Я тебя обманулъ—Алексѣй умеръ*».

Когда Опенкинъ прочелъ это роковое посланіе, ему почудилось, что паровикъ на фабрикѣ Джонса разразился необыкновеннымъ крикомъ, какъ будто надъ нимъ злобно насмѣхался.

Нѣсколько дней ходилъ онъ, какъ шальной, потомъ исчезъ. Искали его также нѣсколько дней и нигдѣ не могли найти. Странно, однакожъ, показалось работавшимъ въ домѣ и проходившимъ мимо его, что со времени, какъ пропалъ хозяинъ, надъ крышей неотвязчиво вились стаи воронъ и вороньевъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ влетали въ разбитое окно во фронтонѣ. Сходили на чердакъ. Опенкинъ висѣлъ, удавленный въ петлѣ веревки, продѣтой черезъ рѣшетникъ крыши. Страшно было на него взглянуть; птицы выклевали у него глаза, лицо было обезображено слѣдами ихъ когтей и клюва. Пришедшіе на чердакъ, отъ ужаса и отвращенія, отхлынули назадъ.

Когда рабочіе, при помощи полицейскихъ служителей, уносили его съ чердака, одинъ изъ нихъ не преминулъ скинуть съ него сапоги, какъ это обыкновенно, по русскому повѣрью, дѣлается съ самоубійцами.

По приказанію тестя, начали отыскивать сундучекъ, окованный жестью, въ которомъ хранились деньги Опенкина: перерыли все отъ фундамента до крыши, всѣ мышьи норы, но сундучка не нашли. Таскали въ полицію и кухарку Θеклу, и стараго подъячаго, и ра-

ботниковъ, но, за неимѣніемъ уликъ въ похищеніи, ихъ скоро освободили. Дворникъ, при показаніяхъ, вспомнилъ, что за день до того, какъ исчезъ хозяинъ, была по его приказанію запряжена лошадь въ телѣгу; Елизаръ Самсоновичъ положилъ въ нее что-то тяжелое, завернутое въ рогожу, взялъ съ собою заступъ, ѣздилъ куда-то и къ разсвѣту возвратился домой; въ телѣгѣ ужь ничего не было. Рѣшили, что Опенкинъ зарылъ гдѣ-нибудь свое сокровище и потомъ повѣсился. Стали отыскивать по окрестностямъ свѣжихъ слѣдовъ рытой земли, но нигдѣ ничего не нашли. Вѣроятно, онъ бралъ заступъ для *отвода*, а бросилъ сундучекъ въ озеро или въ рѣку. Трудились также много всякими снастями и всякимъ способомъ, чтобы отыскать сокровище на днѣ окрестныхъ водъ, много измучилось людей на этихъ поискахъ,—и все напрасно. Можетъ быть, какой-нибудь счастливецъ изъ позднихъ нашихъ потомковъ отыщетъ богатый кладъ, истинно богатый, потому что Опенкинъ умѣлъ въ разное время промѣнять большую часть своихъ бумажныхъ денегъ на золото и серебро.

Лебединскій, въ дружескомъ кругу, съ какою-то мефистофельскою злостью хвалился своимъ адвокатскимъ подвигомъ.

— Не славное ли это дѣло,—говорилъ онъ, — перваго мошенника въ Россіи надуть!

Несмотря на дружескія убѣжденія Владиміра Сергѣевича, Лебединскій изъ полученныхъ отъ Опенкина денегъ ничего не взялъ, кромѣ тѣхъ, которыя должна ему была Марѳа Михайловна по разсчету Изумрудовой.

— Когда я буду безъ крова и насущнаго хлѣба,— говорилъ онъ Патокину,—я приду подъ кровъ твой и сяду за твой столъ, какъ семьянинъ вашъ.

Изъ этихъ денегъ отдѣлена тысяча рублей съ лихвою, пожертвованная крестьянами Краснаго-сельца

на похороны Сергѣя Семеновича; порядочная часть употреблена, тайно отъ Лебединскаго, на обезпеченіе его семейства, изъ списка котораго выбылъ ужъ отецъ, и приданое его сестрамъ; дана приличная награда Пестрикову за его честность и претерпѣнныя имъ невзгоды, назначена сумма на постоянную школу.

Изъ Москвы Владиміръ Сергѣевичъ поѣхалъ прямо въ Луковки. Здѣсь онъ помолился надъ могилами отца и матери, дѣда и бабки, и просилъ ихъ благословенія на бракъ его съ Дуней. Горячія слезы его пали на нѣмыя насыпи земли, возвышавшіяся надъ ихъ прахомъ.

Свиданіе его съ Джонсомъ,—было свиданіе двухъ братьевъ. Отъ Джонса узналъ онъ, что въ почтовой конторѣ ожидаетъ его страховое письмо и двѣ посылки.

Страховое письмо было за черными печатями. Распечатавъ его, онъ съ грустнымъ предчувствіемъ прочелъ подъ нимъ подпись: *Антонина Звениславская.*

Письмо, писанное на французскомъ языкѣ, было слѣдующаго содержанія:

«Рука Господня отяготѣла надъ нашимъ домомъ. Съ годъ тому назадъ фамильный нашъ склепъ сталъ населяться новыми пришельцами, однимъ за другимъ. Сначала умеръ мой отецъ, потомъ мачиха, немного погодя старшій братъ. Не успѣла я скинуть траура по нимъ, какъ меньшой братъ мой, Вицентій, возвратившійся въ сильной чахоткѣ изъ крымской кампаніи, послѣдовалъ за ними. Какъ все разсчетливо и предусмотрительно было устроено, чтобы обстановить его будущность всѣми возможными благами! Оставалось ему только сѣсть за пиршественный, роскошный столъ жизни, чтобы вкусить ихъ. И все это Господь сокрушилъ однимъ своимъ дуновеніемъ.

«Изъ фамиліи Звениславскихъ, среди гробницъ ея, осталась я одна, живымъ памятникомъ суеты человѣ-

ческихъ суетъ. Вмѣсто того, чтобы все богатое состояніе досталось молодому человѣку, столько обѣщавшему и которому столько дано было, готовому идти подъ брачное благословеніе съ прекрасною, такою же богатою, да еще сіятельною невѣстой, все это состояніе пало на долю хилой, старой дѣвы, которая имѣла только одно помышленіе — укрыться въ святой обители отъ земныхъ обольщеній. Я и теперь намѣрена свято исполнить этотъ обѣтъ, какъ скоро устрою свои земныя дѣла. Капиталы, мнѣ доставшіеся, съ благословенія моего духовнаго отца, передаю въ эту обитель. Недвижимое имѣніе мое переходитъ къ моимъ дальнимъ родственникамъ, которыхъ законъ не позволяетъ мнѣ обойти въ пользу болѣе близкихъ мнѣ людей. Жалѣю, что тотъ же законъ воспрещаетъ мнѣ удѣлить часть изъ населеннаго имѣнія моей племянницѣ Eudoxie, по причинѣ ея происхожденія; сожалѣю, что насъ раздѣляетъ и вѣра, признаваемая нашимъ святѣйшимъ отцомъ, папою — простите мое выраженіе—еретическою.

«Во время предсмертныхъ своихъ мученій, братъ мой, мой Вицентій завѣщалъ мнѣ послать, по оставленному вами адресу, портретъ нашей несчастной сестры Розаліи дочери ея, живущей въ вашемъ домѣ.—«Это долгъ чести»,—говорилъ онъ.—Къ этой посылкѣ онъ приказалъ мнѣ присоединить брилліантовый фермуаръ съ жемчужнымъ ожерельемъ, назначавшійся его невѣстѣ. — «На память объ дядѣ, который ее любилъ, хотя и не зналъ»,—прибавилъ онъ,—«принявъ этотъ подарокъ, она докажетъ, что не питаетъ ненависти къ памяти Звенигославскихъ, и успокоитъ мои кости».

«Съ великимъ удовольствіемъ и благоговѣніемъ къ волѣ моего брата, исполняя ее, прошу нашу племянницу Eudoxie позволить теткѣ ея заочно принять ее въ

свои горячія объятія, а васъ — изъявить мое вамъ почтеніе и преданность».

Патокинъ пожалѣлъ о добромъ молодомъ человѣкѣ погибшемъ такъ рано, можетъ быть, жертвою при страстія и баловства своихъ родителей и непорядочной жизни, составилъ себѣ по письму понятіе объ Антонинѣ Звениславской, и погоревалъ, что предразсудки и изувѣрство дѣлятъ еще человѣчество на враждебныя другъ другу партіи; но всѣ эти гореванія слетѣли съ его сердца при мысли о пріобрѣтеніи для Дуни портрета ея матери.

Въ Красномъ-сельцѣ крестьяне, предувѣдомленные сыномъ генерала Огрызкова о скоромъ пріѣздѣ ихъ молодого помѣщика, встрѣтили его у террассы дома съ хлѣбомъ-солью и искренними изъясненіями своей любви. Тутъ были и прежніе служители стариковъ Патокиныхъ. Владиміръ Сергѣевичъ благодарилъ ихъ и объявилъ крестьянамъ, что, сверхъ уплаты денегъ, которыя они пожертвовали на похороны отца, даритъ имъ, вмѣсто процентовъ, усадебную ихъ землю. Вмѣстѣ съ этимъ обрадовалъ ихъ вѣстью, что скоро пріѣдетъ ихъ молодая хозяюшка, давно имъ знакомая. Этотъ день былъ настоящій праздникъ для Красносельцевъ. Въ господскомъ домѣ все, до малѣйшей бездѣлицы, оставалось на прежнемъ мѣстѣ; садъ былъ содержанъ въ той же чистотѣ и исправности, какъ и при старикахъ Патокиныхъ. Казалось, они только вчера выѣхали изъ Краснаго-сельца—съ такимъ благороднымъ и тонкимъ вниманіемъ сынъ Огрызкова умѣлъ сохранить имѣніе для настоящаго его владѣльца. Правда, въ оранжереяхъ недоставало самыхъ дорогихъ растеній и плодовыхъ деревъ, проданныхъ для удовлетворенія назойливыхъ кредиторовъ Сергѣя Семеновича, но изгнаніе этой роскоши не огорчало сына его, тѣмъ болѣе, что онъ самъ желалъ ее сократить.

Въ тотъ же день окрестныя болота огласились ожесточенными ружейными выстрѣлами Парфена, который спѣшилъ выместить на бѣдной красносельской дичи время, потерянное имъ вдали отъ ней, въ мѣстахъ, гдѣ стрѣляли одну Алкивіадову безперую птицу, годную только въ пищу каннибаловъ.

Нетерпѣливо сталъ ожидать Владиміръ Сергѣевичъ свою невѣсту.

Пріѣхала Дуня, и не одна. Ее провожала сама Катерина Александровна Можайская, пожелавшая быть ея посаженой матерью, *молодые* Суздалины, мистрисъ Гордонъ и Алисъ.

Разумѣется, не обошлось безъ слезъ, когда Дуня вступила въ домъ, напоминавшій ей такъ живо всю ея протекшую жизнь и ея благодѣтелей, которыхъ отсутствіе изъ него накидывало на всѣ предметы мрачную тѣнь. Обходя съ своимъ женихомъ комнаты и войдя въ назначенный ей кабинетъ, она изумлена была появленіемъ въ немъ портрета прекрасной, молодой женщины, ей незнакомой.

— Что это за портретъ? Откуда онъ? — спросила Дуня, — его никогда не было въ домѣ.

— Отгадай, мой другъ.

— Какъ я могу отгадать? Интересное лицо этой красавицы я никогда не видала.

— Не скажетъ-ли тебѣ твое сердце?

— Знаю только, что мое сердце взволновано, а какимъ чувствомъ—не понимаю.

— Это портретъ твоей матери.

— Моей матери? Какимъ образомъ?... Нѣтъ, я не вѣрю.

— Прочти это письмо,—отвѣчалъ Владиміръ Сергѣевичъ, отдавая ей письмо Антонины Звенигославской.

— Брилліантовъ мнѣ не надо, не надо!—вскрикнула

она, когда прочла письмо,—вотъ мои брилліанты, мое сокровище, котораго мнѣ недоставало.

И бросилась она на колѣни передъ портретомъ, потомъ цѣловала его руки, становилась передъ нимъ, заходила съ боку, чтобы въ него хорошенько всмотрѣться. Восторгъ ея описать нельзя.

Владиміръ Сергѣевичъ передалъ ей исторію своего знакомства съ Вицентіемъ Звениславскимъ.

— И этимъ безцѣннымъ подаркомъ яобязана твоей любви,—сказала она жениху, принявшему ее въ свои объятія.

По совѣщаніи съ нимъ, она написала къ теткѣ своей, будто выросшей изъ земли, письмо, въ которомъ болѣе всего благодарила за присылку портрета.

«Этотъ подарокъ дороже мнѣ всего, — прибавляла она.—Хотѣла бы отказаться отъ другого, но не смѣю по смыслу завѣщанія добраго дяди Вицентія. Долгомъ почитаю увѣдомить васъ, что я на дняхъ вступаю въ бракъ съ Владиміромъ Сергѣевичемъ Патокинымъ. Этотъ союзъ вознаграждаетъ меня за все, въ чемъ судьба отказала мнѣ при рожденіи. Я богата и счастлива его любовью, довольна состояніемъ, которое мы съ нимъ будемъ имѣть, и никакого другого богатства не желаю. Прошу васъ принять изъявленія горячей благодарности, уваженія и любви

«преданной вами навсегда
«племянницы *А. И.*»

Скромно, въ кругу друзей, Авдотья Петровна и Владиміръ Сергѣевичъ отпраздновали свою свадьбу.

Какъ-то, года два тому назадъ, собрались у Патокина нѣсколько пріятелей его на крестины дочери, въ томъ числѣ два молодые сосѣда, кончившіе свое образованіе въ московскомъ университетѣ и вполнѣ оправдавшіе его своимъ благороднымъ образомъ мыслей и

твердыми правилами жизни. Когда мужчины остались одни въ кабинетѣ хозяина, зашелъ у нихъ жаркій разговоръ о назначеніи женщины, объ ея воспитаніи, наконецъ, эмансипаціи. Стали толковать о русской женщинѣ въ особенности. Одинъ изъ собесѣдниковъ приводилъ въ примѣръ слова какого-то авторитета: «что русскія женщины едва ли способны на великіе подвиги».

— Вотъ дѣло бы другое испанки, гречанки, итальянки, — перебилъ Суздалинъ голосомъ, въ которомъ слышалась горькая иронія,—въ нихъ течетъ не рыбья кровь нашихъ сѣверныхъ жителей. Кто сказалъ это, сказалъ великую клевету. Оставимъ пока вопросъ объ эмансипаціи женщинъ; онъ ввелъ бы насъ въ жаркіе споры, которые все-таки были бы безплодны. Намъ теперь другая эмансипація нужна [1]). Одно могу только утверждать: истинно любящая женщина,—мать ли она, жена, дочь,—для того, кого она любитъ, если нужно для отечества, подъ знаменемъ этой любви, готова будетъ на всякую жертву, на всякій трудный подвигъ. А какъ способна русская женщина на такія жертвы, на такіе подвиги, могъ бы я представить вамъ сотни примѣровъ. Начнемъ хоть съ нашего восемнадцатаго столѣтія. Вспомните княгиню Долгорукову, урожденную Шереметеву. Вспомните еще почти изъ того же времени жену канцлера Андрея Ивановича Остермана, урожденную Стрѣшневу. Когда императрица Елизавета Петровна велѣла ей сказать:—«что она можетъ оставаться безъ мужа на свободѣ, жить, гдѣ ей угодно, и пользоваться доходами съ богатыхъ помѣстій»,—жена ссыльнаго отвѣчала только русскою пословицей: «*куда иголка, туда и нитка*». Напомню еще вамъ нашихъ аристократокъ, послѣдовавшихъ въ 20-хъ годахъ, ужь

[1]) Это было говорено до манифеста 19-го февраля.

нашего вѣка, за своими мужьями въ суровое изгнанье. Избалованныя нѣгою и роскошью жизни, онѣ стали стряпать кушанье на арестантовъ, мыть бѣлье въ ледяныхъ прорубяхъ. Помянемъ также и нашихъ сестеръ милосердія въ Севастополѣ.

— Прекрасно, Мишель,—сказалъ съ жаромъ Лебединскій.—Я и самъ нѣкогда грѣшилъ языкомъ противъ русскихъ женщинъ; но съ нѣкотораго времени образумился и раскаялся, а это случилось, когда я узналъ одну... Она была не изъ аристократическаго семейства... жила въ здѣшнемъ домѣ... Эта женщина пожертвовала своимъ здоровьемъ, жизнью, чтобы только спасти честь мужа. Я могъ бы сказать еще объ *одной*, которой вся жизнь была посвящена дѣламъ самоотверженія, любви и добра къ ближнему, но не смѣю... мужъ ея здѣсь. Я только въ душѣ моей благоговѣйно произношу ея имя.

Володя съ чувствомъ пожалъ руку Лебединскому.

Войдя въ спальню жены, кормившей дитя своею грудью, онъ поцѣловалъ и благословилъ ребенка, поцѣловалъ съ особенною нѣжностью и мать.

— Не правда-ли,—сказала она, — что наша Дуня твой вылитый портретъ?

— Дай Богъ, другъ мой, чтобы она во всемъ походила на тебя,—отвѣчалъ Володя.

Джонсъ женился... на комъ бы вы думали? — На мистрисъ Гордонъ, которая нѣсколькими годами была старше его. Онъ познакомился съ нею въ Красномъ-сельцѣ, увидалъ Алису и полюбилъ ее, какъ родную дочь. Дѣвочка эта напоминала ему Дуню—«изумрудный-крестикъ», когда привезли ее Патокины изъ сиротскаго дома.

Черезъ два года по укрѣпленіи Краснаго-сельца за Владиміромъ Сергѣевичемъ послѣдовала эмансипація крестьянъ, юношескія мечты его осуществились. Въ

Краснымъ-сельцѣ почти нечего было преобразовывать: крестьяне остались на прежнемъ положеніи:—платили умѣренный оброкъ и пользовались землею, какою и прежде пользовались. Выкупъ ея былъ для нихъ легокъ, тѣмъ болѣе, что усадебная земля имъ подарена. Слышно было, что Патокинъ хотѣлъ записаться въ купцы и торговать хлѣбомъ, но это намѣреніе не осуществилось: его выбрали въ мировые посредники. Можно быть увѣрену, что онъ, несмотря ни на какія перегородки, свято выполнитъ свои высокія обязанности. Дуня сдѣлала *свое* дѣло, *его* дѣло еще *впереди*. Мы знали его доселѣ только добрымъ, благороднымъ юношей и такимъ же молодымъ человѣкомъ.

Лебединскій продолжалъ *стряпать*,—какъ онъ говорилъ,—по частнымъ дѣламъ. Онъ ждетъ гласнаго судопроизводства и, если Россія получитъ его, примется за настоящее адвокатство.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

стр.

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

Часть третья и четвертая 1

494861
LR
L43l4V
Lazhechnikov, Ivan Ivanovich
v.3. Полное собраніе сочиненій ... С.А.Венгерова.
[Transliter.: Polnoe sobranie sochineny...S.A.
Vengerova.]

DATE.

NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED